

МЫ ЗАРАБАТЫВАЕМ НА ХЛЕБ С МАСЛОМ

Голод — это незабываемое чувство, пробуждающее в молодом человеке силу воображения, море эмоций и собирающее в кулак остатки физической энергии. Стоит ли говорить, что все эти полезные ресурсы студент немедленно направляет на поиски насущных товаров пищевой промышленности и мелкооптового кухарного производства.

Как-то 1-го апреля у нас в общежитии весельчаки повесили красочный плакат, гласивший: «Студент! Не сори деньгами. Они могут пригодиться для славных дел!». Сейчас сложно понять эту шутку и ее придется объяснить. Дело в том, что денег у студентов просто не было. Стипендии порой не хватало даже на еду. Если бы тогда поймать любого общажника и спросить: «что бы ты сделал, если бы нашел 20 копеек?». Ответ не отличался бы разнообразием: «Купил бы килограмм картошки (12 копеек) и сладкий коржик (8 копеек). Коржик уничтожил бы тут же, а картошку жрали бы вечером всей комнатой.»

Помнится, это случилось с нами зимой, что-то незадолго до Нового года, а именно 31 декабря. Мы с Шурой Бадацким и Сережкой Демушкиным возвращались после экзаменов к себе домой. Первая веселость от сданного экзамена уже прошла и наступила легкая, но не впечатляющая усталость.

Новый год чувствовался лишь календарно. И хоть дома нас ждало заблаговременно купленное шампанское, небольшой пакет картофеля и полбатона колбасы, это трудно было назвать по настоящему праздничным столом. К тому же на все эти роскошные продукты мы истратили

практически всю свою стипендию, а следующей стоило ожидать лишь 5-го января.

Природа подбадривала нас колючим зимним солнышком, под которым бриллиантами сверкали в сугробах новогодние снежинки. Прохожие с помолодевшими лицами торопились, увешанные покупками, кто — в гости, кто на свою собственную кухню для приготовления праздничных ужинов. Каждый из них предвкушал встречу со множеством детских и взрослых радостных лиц, которые вскоре окружают семейный стол, накрытый чистой белой скатертью. Многие из них вспоминали свое собственное детство и юность, и были не против на некоторое время окунуться опять в беззаботное счастье тех давних или не очень давних лет. Казалось, все дышит этой мечтательной ностальгией. Даже заиндевелившие троллейбусы как-то по особому празднично и торопливо ходили вприпрыжку по заснеженным улицам, оживленно позванивали штангами на стыках подмерзших проводов, фейерверком рассыпая электрические искры и, подкатывая к остановкам, с галантной предупредительностью распахивали свои гостеприимные двери перед ранее ненавистными им, а теперь — горячо любимыми пассажирами.

Все это витало в городской атмосфере и отчасти радовало нас. Однако, мысли о собственном праздничном застолье наводили на другие мысли более прозаичные, если не сказать, злобные. Даже Бадацкий, не сломленный изнурительной отработкой 2-х летнего воинского долга перед отчизной, и Демушкин, изведавший мытарства безотцовщины, были празднично возбуждены лишь в самой малой степени. Это без труда читалось на их прокисших лицах.

— Мужики! — вдруг неожиданно для самого себя мне захотелось их приободрить, — Выше носы, ведь скоро Новый год!

— То-то и оно, что скоро, — пробубнил Шура, — был бы он 5-го числа, набили бы брюхо жратвой, вот тогда повеселились бы.

— Да, — добавил практичный Демушкин, — и подзаработать некогда, и занять не у кого. Вон они, сытые обыватели, — Сережка махнул рукой в сторону соседнего с общагой жилого дома, — посмотрите, в каждой кухне свет. Парят-жарят...

— Ну да, гуси с яблоками, цыплята табака, баклажанная икра, фарфоровые салатники с фаянсовыми селечницами. Потом пробочная стрельба, «С Новым годом! С новым счастьем!», сытое пузо и «Голубой огонек по цветному телеку».

Тут я поспешил перебить Шуру, поскольку его неумная фантазия не вызывала положительных эмоций и отдавалась тоскливой грустью в желудке:

— А наутро — больная голова, гора невымытой посуды и куча полупрокисших недоеденных отбивных и салатов.

— Ох уж эти мне излишества, — хмуро добавил Сережка Демушкин.

— Нет, не излишества, а излишки! — яростно воскликнул Шура, — нет бы сбросились с миру по плитке, скажем, шоколада, или по бутерброду с красной икрой, или ... А тут приходится пробавляться всяческим дерьмом.

Тут Бадацкий вдруг резко остановился и вперил задумчивый взгляд на встретившийся нам по пути приоткрытый канализационный люк. Люк располагался немного поодаль от трех пятиэтажных и одного девятиэтажного жилых домов, стоящих полукругом возле нашей общаги.

— А это мысль! — добавил он.

Из под крышки выбивалась тоненькая струйка пара. Потом несколько раз Шура поднимал глаза на окна расцвеченных гирляндами домов и снова опускал их, осматривая люк. Мы тоже встали возле нашего друга и, не желая отрывать его от мудрых мыслей, пытались молча понять его задержку. Не имел же он, в самом деле, каких-то буквальных мыслей насчет дерьма. С минуту задумчиво качая головой из стороны в сторону, он постепенно светлел лицом и наконец бодро, с хитринкой, спросил:

— Гм, а как вы думаете, что это еще за гейзер? Не начинаются ли у нас теплые камчатские денечки?

— А, ерунда, — поспешил разуверить его всезнающий Серега, — это не канализация, а трубопровод подтекает, горячая вода. Толи свищик небольшой, толи задвижка плохо держит. Это не страшно, она так всю зиму может сочиться. Не волнуйся, душ в общаге под праздник не отключат. К тому же, перед праздником это сделать просто некому, ни одна бригада слесарей не поедет по вызову под Новый год.

Бадацкий восхищенно взглянул на Демушкина:

— Вот это здорово! И откуда ты все это знаешь?

— Я перед институтом на заводе много таких труб и варил, и течи хомутами закрывал и с задвижками не раз мучился, — без особого хвастовства, и даже как бы стесняясь своего прошлого, пояснил Сережка.

— Чудесно, чудесно, — еще более развеселился Шура, — пошли, ребята. Думаю, сегодня будет и на нашей улице ведро самогону!

Несмотря на шурино веселье, и даже зная возможности его фантазии по части всякого рода приколов, мы не восприняли его слова буквально. Ну родилась у Шурки «новая рыжая идея», как он любил выражаться, ну нахохмит он сегодня, взбудоражив пол общаги, ну посмеемся мы вдоволь, но на наш скудный праздничный стол едва ли от этого упадет небесная манна в виде хотя бы даже пирожка с капустой. Как показывала предыдущая практика, последствия выходов Бадацкого скорее будут отрицательными, чем принесут хоть маломальскую прибыль.

— Шура, ради бога, не надо сегодня никого подкалывать, — взмолились мы с Демушкиным, — только праздник нам еще больше испортишь.

— Да что вы скисли, студенты! Как раз сегодня будет все о'кеу. Если будете мне искренне подыгрывать, прогрессивное человечество не забудет

вас и уже сегодня вынесет всенародное одобрение. Нашей задачей будет лишь обратить это одобрение в насыщенный хлеб, э-э-э ... с маслом. Спиртное тоже бы не помешало.

Что и говорить, мы с Демушкиным расстроились не на шутку. Спорить с Бадацким было бесполезно. Если теперь кто-нибудь из нас не поддержит его авантюру, станет вечным шуриным врагом, а хуже этого вообще трудно что-то придумать.

Наш сосед по комнате Миша Катков уже занимался в комнате праздничными приготовлениями: он почистил картошку, поставил на стол шампанское и грубо, не по праздничному, напихал на глубокую тарелку полбатона вареной Чайной колбасы. Увидев нас с Сережкой, входящих с кислым видом, и Шуру, который был, судя по своей бодрости, на седьмом небе, он сразу почувствовал что-то неладное:

— Что?! Опять Бадацкий придумал новую пакость? Я — не участвую!

— Кто не участвует, тот не ест, — с угрозой произнес Шура, и, с притворной злобой посмотрев на Каткова, предостерегающе добавил, — а возможно, и не спит!

Фраза попала в самую цель. Если Мишка еще согласился бы не есть, только бы не участвовать в розыгрышах нашего балагура, то не спать он не согласится ни за какие ковриги. И это так хотя бы уже потому, что в этом случае предметом выходок Бадацкого может стать сам Катков, а кучу неудобств от этого Мишка уже испытал:

— Ну ладно, я — как все. Если все участвуют, значит и я тоже.

— Вот, — это уже речь не мальчика, — но будущего юноши! — сомнительно похвалил его Бадацкий. Потом он не спеша раздевшись торжественно воссел на койке и обращаясь уже ко всем нам возвестил:

— Дорогие, но, все же, уважаемые господа голодные студенты! Сегодня нам предстоит освоить смежную профессию водопроводчиков и сделать счастливыми жильцов окрестных домов.

Стоит ли говорить, что такое предложение нам не только сразу не понравилось, но просто вызвало бурю негодования:

— Шура, мы и так устали. Чего это ради нам помогать сытым обывателям? Что, они сами о себе позаботиться не могут?!

— Не могут, други мои, ох не могут, — с притворной скорбью сказал Шура, — им все время мешают повседневные заботы: то нужно завтракать, то обедать, то ужинать. А сегодня и вовсе — приходится справлять праздник. Это не так-то просто, ведь нужно собирать на стол, потом говорить тосты и без усталости пить вино, через силу заедая его отбивными котлетками с едким, раздражающим носоглотку хреном. Ну отбивные еще полбеда, а как управиться с холодцом? Мало того, что его приходится мазать ужасно горькой горчицей, его еще надо поймать на вилку и донести до рта. Из под вилки он будет все время выскакивать, а когда все-таки будет проткнут, то

как назло развалится на два куска и начинай все сначала... Тут глядишь, кто-то уже пролил на новую скатерть красное вино, кто-то угваздал брюки оливковым соусом, а могут быть и такие, что обопьются Шампанским типа «Абрау Дюрсо» и начинают неудержимо икать. Представляете всю мерзость создавшегося положения?

— Тут ты загнул, — сглатывая слюну возразил Демушкин, — это все же лучше, чем чистыми и голодными сидеть в общаге за пустым столом.

— Стыдись, Серега, ты ли это? В прошлом славный слесарь и водопроводчик, газосварщик и разнорабочий невысших разрядов! Ведь ты сам, затянув ремень над могучей, повидавшей всякого двенадцатиперстной кишкой, ушел от прежней рабочей славы и выбрал себе на ужин красивый но малопитательный гранит науки!

— Все это прекрасно, Шура, — решил я поддержать Сережку, — но ради хохмы бесплатно ремонтировать водопровод вместо праздника — совсем безрассудно!

— А кто это сказал «бесплатно»? В известной поговорке классиков марксизма—ленинизма было сказано: «от каждого по способностям — каждому по труду». Умнее и проще можно сказать так: «пей и жри на то, что заработал». Так что, мы имеем право требовать оплаты за свой честный труд. Труд всегда должен вознаграждаться независимо от его результатов и социального статуса работника!

— Ты что, спятил? Кто же нам оплатит водопроводные работы, если мы не состоим в штате слесарей домоуправления? Это просто смешно — резонно попытался остудить зарвавшегося оратора Катков.

— Ах вот ты как аполитично подходишь к нуждам наших честных трудящихся! Ведь всем известно, что в праздник слесаря из домоуправления просто не придут. А ты, Мишка, комсомолец — надежда нашей Родины на светлое будущее. Если ты увидишь открытый канализационный люк, ты что же, пройдешь мимо? У тебя на это хватит совести? Ты просто перечеркнул память о тех, кто обеспечил тебе современную счастливую жизнь, о тех, кто форсировал вместо тебя Сиваш, брал Каховку и штурмовал ненавистный нам Зимний дворец! Это их дети и внуки сидят сейчас за праздничным столом и не могут застирать себе брюки от пятен гусиного жира и сполоснуть липкие руки от пролитого приторного десертного вина. Ты чистишь картошку и режешь хлеб, чтобы набить свою ненасытную мелкобуржуазную утробу и не думаешь о бедствиях своих ближних. Ты просто эгоист, контра недобитая. Таких в 17-м выводили в чисто поле, ставили лицом к стенке и пускали пулю в лоб. Мы должны объявить тебе войну. Что скажете, комсомольцы?

Последние слова возбужденный оратор адресовал уже непосредственно к нам с Сережкой. Мы разочарованно замахали руками, пытаясь выразить Шуру свое неудовольствие логикой его речи, ведь все было совершенно не

так. Однако, Катков, думая, что мы уже договорились о чем-то с Бадацким, воспринял эти жесты против себя и сразу перешел на шурина сторону:

— Я никогда от работы не отлынивал, если надо — поработаем, пусть даже без оплаты, бог с ним.

— Вот, — гордо посмотрел на нас Бадацкий, — он не совсем еще потерян для общества. Думаю, два—три года колонии строгого режима и вовсе могут его вернуть в наше сознательное общество. Но это у него еще впереди. А сейчас я обращаюсь к вам, — Шура уже весело посмотрел на нас с Демушкиным, — ну что пойдем, подзаработаем на хлеб с маслом? Не сомневайтесь, справедливую оплату труда я беру на себя.

Как ни странно звучали для нас шурины аргументы, мы поняли, что возражать ему было бесполезно, и что даже если мы сейчас откажемся от его планов, все равно праздник будет испорчен, поскольку Бадацкий приложит для этого все свои усилия.

Таким образом, решение о помощи ближним было единодушно принято, и мы стали не спеша собираться на ремонтные работы. Правда, как оказалось, Бадацкий довольно подробно продумал все наши действия, потому, что действовал он четко и уверенно, как будто всю жизнь занимался делами подобного рода. Первым делом мы выпросили у наших соседей карманный фонарик, затем направились к нашему штатному в общежитии слесарю — Семену Ивановичу, который жил бобылем неподалеку и обслуживал в случае надобности сразу несколько корпусов общаги. Семен Иванович уже с утра провожал старый год и выпил все спиртное, которое имел у себя в комнате. Именно поэтому он без труда поверил Бадацкому, что за взятый у него во временное пользование слесарный инструмент и две замасленные телогрейки он вскорости получит бутылку самогону. Эта перспектива привела старого слесаря в приподнятое состояние духа и серьезно омрачила всех нас, за исключением Шуры, так как было совершенно непонятно, откуда мы достанем самогон и вообще, не предстоит ли нам встречать праздник в отделении милиции.

Одну из телогреек, которая была погрязней, Шура надел сам, в другую распорядился нарядить Каткова. Я понес мудреный водопроводческий инструмент. Демушкин, по мнению Бадацкого, выглядел сам по себе достаточно похожим на бывалого слесаря. Мы покорно поплелись за бодро шагающим комбинатором, ожидая самого худшего. Вот, наконец, и этот злополучный люк с выбивающейся струйкой пара.

— Ну что, — окинул нас взглядом Бадацкий, — я в канализации разбираюсь плохо, зато прекрасно знаю армейский Устав, так что, попрошу без пререканий. Итак, Демушкин лезет в люк, а ты, — он кивнул на меня, — будешь его там сопровождать. Так положено по технике безопасности.

Нам пришлось подчиниться, и мы не без труда отодвинув тяжелую чугунную крышку, полезли в люк. Возле больших труб было тепло, но тесно.

Фонарик выхватывал из темноты фрагменты сложной системы водопроводных труб со множеством вентиляей и огромных задвижек.

— Ну, что там? — крикнул нам сверху Бадацкий, — Где течь-то?

Как и предполагал ранее многоопытный Демушкин, течь действительно была. Еле заметной струйкой из одной трубы выбивалась горячая вода.

— Сейчас, перекрою вентиль, накинем хомут и все будет в порядке, — отозвался из люка наш «водопроводчик».

— Э нет, ты не торопись, — вдруг заорал Шура, — ты перекрывай задвижки, чем больше, тем лучше.

— Зачем их перекрывать, в остальном-то все исправно, — отозвался Сережка.

— Что еще за бунт, — не унимался наш новоявленный начальник, — перекрывай, сказал, а то наряд не закрою, оставлю без хлеба с маслом и ведра самогону.

— Да ты что, Бадацкий, — начал было я, — люди же без воды останутся.

— Выполняйте команду! — срывающимся голосом и очень серьезно продолжал кричать Шура, — я за все отвечу, а не хотите, мы с Катковым сейчас люк закроем и празднуйте там в тепле.

Что тут скажешь? Пришлось нам с Сережкой перекрыть пару задвижек, которые лучше всего поддались. Дело это было непростое, но, видимо, навык у Демушкина был, так что, справиться с нелегким делом удалось.

— Ну, и что дальше? — обратились мы в один голос к нашему комбинатору.

— Все, отдыхайте пока, я пойду за заработком, — успокаиваясь ответил он, и тихо добавил, — интересно, какие дома они там перекрыли? Ну-ка, глянь Мишка, не выбежал ли из какого-нибудь дома кто-то с ведром?

Минут 30 ходили Бадацкий с Катковым вокруг домов, но не могли обнаружить никаких волнений. Видимо, люди привыкли к разным сбоям с водоснабжением и электричеством и поэтому с терпением и самообладанием переносили причиненные нами неудобства. Тут заволновался и Шура. Он стал лихорадочно метаться по подъездам, и уже сам спрашивал прохожих:

— А что, вода у вас есть? И холодная и горячая? М — да.

Было похоже на то, что план нашего начальника срывался, и течь мы устранили фактически бесплатно. Пора уже было открывать перекрытые нами задвижки, но тут фортуна, вечно занятая другими людьми женщина, видимо, встала из-за праздничного стола некоторых жильцов и с любопытством посмотрела в нашу сторону. Как еще иначе можно объяснить тот факт, что почти разом из всех подъездов двух домов начал выходить взъерошенный народ:

— Где это тут ходили молодые водопроводчики в замасленных телогрейках, вы их не видели? А у вас есть холодная вода? И у нас тоже

отключили. Вот гады, вечно что-нибудь происходит накануне праздника! На что это похоже? Три часа до Нового Года!

И тут Бадацкий прямо изменился на глазах: видимо его план начинал действовать.

— Щто случилось? — закричал он на публику почему-то с одесским акцентом, — Безд паньки, гаспада хорошие. Просто производим аварийных работ. Еще чуть-чуть и влага уже будет таки возвратиться.

Шура был сразу окружен беснующейся толпой, в то время как Катков поспешил отстраниться от него и влиться в ряды шуриных оппонентов, которые загомонили одновременно, но вразнобой:

— Молодой человек, вы что там творите, праздник на носу, а вы воду отключаете? Мы будем на вас жаловаться. Разве можно в Новый год без воды? Где они только достают такую рвань неумелую!

Ну и так далее и тому подобное. Народ был настроен решительно. Позже мы удивлялись самообладанию Бадацкого. Он повелительно поднял руку и, дождавшись относительной тишины, объявил:

— Ах, у них праздник. Хорошо — хорошо чай-то гонять. А как мне, рядовому горемычному водопроводчику, дежурить всю ночь на все ваши дома? У меня в дежурке пирожков-салатов нет и самогон я не употребляю. Постыдились бы. А за водопровод я буду сказать прямо. Из кожи все слезем, но питье в дома разведем!

— Быстрее бы, товарищ водопроводчик, — заерзали хозяйки со стажем, — без воды ведь ничего не испечешь.

— Сейчас, сейчас, хозяйюшки милые. Все дадим, все закрепделячим. Вон они — ребятушки, в люку здоровье свое тратят, выхлопными газами травятся, напрягаются голодными животами, вентеля закручивая. Хоть кто бы спасибо сказал или котлету вынес, — с хитрецей подмигнул всем Бадацкий.

— У, гад, — прошепелявила из толпы какая-то живописная бабуся в основательно съеденной молью кацавейке, — на бутылку он напрашивается, что такому забулдыге котлета — на один зубок.

— Оно, конечно, была б возможность, котлету и запить можно было б, та только нема в наших людях отзывчивости, — Шурка с явной досадой махнул рукой и быстро зашагал к люку.

И тут ему пришлось прилично трухануть: у колодца стоял подполковник милиции и внимательно вглядываясь в его глубины уже поджидал нашего начальника.

Голос Бадацкого сразу изменился и в музыкальном отношении был явно не на высоте, то есть голос-то стал выше, но перестал быть таким твердым и ровным, как при только что разыгранном спектакле:

— Вот тут ремонтируем, товарищ подполковник, воду пробило, задвижки там, хомуты всякие. Народу помогаем.

Однако поведение милиционера тоже было каким-то странным:

— Вы это... Нельзя ли побыстрее, а то теща уже из себя выходит, вода ей нужна — спирт разбавлять.

От подполковника явно пахло праздничными напитками.

— Сейчас, все организуем в лучшем виде, товарищ полковник! — по-армейски отрапортовал Шура, чуть не «взяв под козырек» шапки-ушанки, — ребята, поставили хомут? Давай воду! Открывай кингстоны!

Милиционер одобрительно кивнул, ловким движением руки сунул в шурин карман трешку и праздничной походкой полавировал к своему подъезду.

Открыть задвижки нам с Демушкиным было уже гораздо проще, чем их закрыть. Справедливости ради следует сказать, что хомут на трубу с горячей водой мы поставили довольно качественно.

Основательно измученные, запачканные окалиной и забрызганные ржавой водой, мы с Демушкиным не без труда выбрались из колодца. Закрыв уже переставший парить люк, мы все двинулись по направлению к общаге, имея за свою работу прибыль в 3 рубля, выплаченный Бадацкому милиционером за нашу с Сережкой работу. Оплата была не очень большой, но вполне достаточной для приобретения полутора килограммов колбасы. Это было все-таки кое-что, и нам даже начинала нравиться затея нашего неугомонного друга. Но тут произошло нечто невероятное, предвиденное одним только Шуркой: взглянув на нас со стороны, народ, скорее всего, что-то понял о нашем незавидном положении и, быстро справившись дома о том, дали ли в самом деле воду, стал выносить щедрые дары. Нам сразу же досталось пара десятков пирожков с разнообразной начинкой, полиэтиленовый пакетик бочковых соленых огурцов довольно внушительных размеров, штук пять или шесть котлет и четыре кусочка домоиспеченного торта. Трудно было передать все ликование наших оголодавших студенческих организмов. Как зауважали мы Шурку, сколько нежной братской любви наполнило к нему наши горячие, молодые, искренние сердца.

Однако, это было еще не все. Почти у двери в подъезд нашего слесаря, Семена Ивановича, которому мы должны были вернуть инвентарь, нас догнал мужчина средних лет и весьма неопределенной наружности, но с выразительным красным лицом, и почти насильно вручил нам литровую банку не очень прозрачной, но, судя по запаху, приличествующей празднику жидкости. Оказалось, что незадолго до нашего ремонта этот благородный и щедрый джентльмен как раз занимался опытами химического плана по изготовлению русского национального напитка и, не дай мы холодную воду вовремя, его смелые эксперименты могли закончиться полным крахом.

— А вот и ведро самогону! — победоносно изрек Шура, — сегодня был день его заслуженной славы.

Главное же было в том, что Семен Иванович получил не только обещанную ренту (0,5 л. самогона), но и два пирожка с пакетиком соленых огурцов. Нам тут же было обещано, что мы можем приходить за инструментом и прочим слесарным инвентарем в любое время дня и ночи при соблюдении оговоренных ранее условий.

Отягощенные приятной ношей заслуженных даров, мы вышли из дома нашего слесаря и бодро зашагали к общежитию. Тут нас ожидал еще один сюрприз. По дороге нас догнала старушка в изъеденной молью кацавейке:

— Милочки, ребятушки, возьмите пожалуйста — от сына маво осталось. В тюрьме сейчас отдыхает. Тоже был слесарем, хорошо в этом деле разобрался.

Отказать бабушке было неудобно, тем более, что дар ее был недорогим и бесхитростным: она принесла початый пузырек одеколона, засохший тюбик зубной пасты «Поморин» и почти пустой флакон аэрозоля «Дихлофос». Все эти предметы показались нам совершенно бесполезными, что и явилось причиной единодушного одобрения такого необычного подарка. Действительно, зачем беззубой бабке зубная паста, одеколон и средство от клопов? По ее же довольному лицу мы поняли, как счастлива она была, принеся нам столь ценные на ее взгляд вещи.

Ну что сказать, праздник в этом году у нас был, хороший, сытый праздник, Новый Год! Все-таки прекрасный, отзывчивый и очень добрый у нас народ. Спасибо ему за все.

ЗНАКОМСТВО С ИОНОЙ СЕМБУГАМУРТХИ И...

Как уже понял читатель, автор этих глубокомысленных строк действительно имел возможность увидеть жизнь в самой ее гуще, т.е. в общежитии. Добавим к этому более суровую правду: за всю прежнюю жизнь мне пришлось пожить более чем в трех различных общежитиях. Говорю это не для бахвальства, но для того, чтобы оправдать некоторые сделанные впоследствии обобщения.

Кстати, человеку свойственно начинать свои обобщения именно с третьего повторившегося случая. Так, например, по моим наблюдениям в студенческих общежитиях могут быть клопы и тараканы, но практически не бывает крыс и мышей. Множество попыток объяснить сей таинственный феномен наводят на следующую мысль. Возможно, крысы или мыши приходят иногда в студенческие общаги, но долго там прожить не могут, — онидохнут от неудовлетворительных санитарно-гигиенических условий. Можно возразить, что это — живучие твари, и их не берет не только отравы, но даже радиация, как это было в свое время показано пытливыми учеными. Хорошо, согласимся на то, что некоторые мыши, возможно и выживают в суровой экологической действительности общежития, но в этом случае они неминуемо сдохнут там хотя бы с голоду.

Не секрет, что не только слабым тщедушным грызунам трудно задержать в общежитии жизненные силы организма, но и самим живучим и пронырливым студентам это дается нелегко.

Теперь становится совершенно ясно, почему мы приручили и никогда не обижали Иону Сембугамуртхи. Он был скромной, неназойливой и вполне располагающей к себе мышью. По всей видимости, зашел он к нам случайно и сразу расположил нас к себе тем, что был всегда жутко голоден и не лишен отваги.

Он вошел к нам не через щель в полу или какую-нибудь дырку в плинтусе, как делали более подлые его собраты, а как все нормальные люди — в открытую дверь. Это произошло зимой, поздно вечером, спустя немного времени после Нового года. Более точно, это было во время крещенского сочельника.

Мороз в эту пору стоял такой, что, скажем, если выплеснуть с пятого этажа в форточку стакан воды, она успевала замерзнуть, не долетая до первого этажа, и сосульками разбивалась вдребезги о мерзлую пешеходную дорожку, если, конечно, в это время мимо не проходил какой-нибудь прохожий. На улице же снег под ногами скрипел так громко, что непонятно было, отчего у прохожих по спине шли мурашки: от холода или от неистового скрипа. Ночью небо было необычайно звездным и казалось, что каждая звезда переливается всеми цветами доступного человеческому глазу спектра. Дальние светила мерцали и манили к себе молодых романтиков, которые, не смотря ни на что, все же не решались высунуть носа даже из дому. Днем, напротив, солнце ярило всюду, заставляя старушек кроме всяких прочих полушубков и валенок надевать темные защитные очки. Студенты тоже предпочитали традиционным прогулкам тепло своих домов.

Мы сидели в своей комнате на койках и готовились экзаменам. Во всей общаге стояла непривычная тишина. Студенчество, изменяя своим принципам уделять большую часть времени веселью и быту, взялось за ум, точнее, за его остатки, которые за сессию обычно восстанавливаются до нормальных размеров. В нашей комнате тишина была такой, что сам Тутанхамон позавидовал бы ее патриархальности и величию. И вот тут в дверь кто-то постучал. Ну, не так, что бы уж громко постучал, скорее, поскребся. Однако, поскребся настойчиво и, выждав паузу, повторил еще громче.

— Что за чертовщина? — выругался Шура, привстав со своей койки, — кто там еще?

Он подошел к двери и неохотно открыл ее. Сначала нам показалось, что за порогом никого не было, и Бадацкий уже чуть было ни стал захлопывать дверь, как вдруг Сережка Демушкин негромко вскрикнул:

— Постой, не закрывай, это же мышь! Не трогай ее, пускай войдет.

И тут мы все разглядели крохотного мышонка, который ничуть не испугавшись вертел своей мордочкой во все стороны, видимо изучая обстановку и примериваясь к ней в плане последующего проживания.

— Ну, давай, заходи! — уже несколько громче крикнул Демушкин.

— Да зачем он нам? Будет все ночи напролет скрести по углам, — хмуро произнес Шура.

— Ничего, посмотрим, если будет надоедать — прогоним и всех делов, лучше предложи ему кусок сухаря, он, наверное, голодный, — это было сказано Демушкиным с таким искренним состраданием, что мы все почему-

то тоже прониклись жалостью к маленькому зверьку. Мышонка пустили в комнату и положили перед ним сухарик. Он решил не отказываться от такой скромной пищи и, как нам показалось, с благодарностью начал хрустеть черствой коркой хлеба.

Мышонок был оставлен на ночь. Он оказался довольно тихим существом и ночью никому почти не мешал. Мы решили его оставить у себя на более длительное время, а чтобы у нашего нового друга было все как у людей, ему было дано достойное прозвище — Иона Сембугамуртхи. Это громкое имя было нами заимствовано у одного индийского ученого, знаменитого своими экзотическими научными статьями по поводу программирования. В частности им были высказаны идеи по поводу того, что любая компьютерная программа — это живое существо, состоящее почему-то из примуса, нескольких шестеренок и двух замочных скважин.

Наш Иона-мышонок возможно и не обладал огромной фантазией, но вообще был не по годам сообразительным. Он жил за посудным шкафом и редко докучал нам своим присутствием. Выходил из своего жилища Иона только для завтрака, обеда и ужина, да еще по необходимости во время нашей влажной уборки. Трудно поверить, но долгое время о его существовании никто из наших гостей не догадывался, так как Сембугамуртхи никогда не высовывал носа из своей норы, если у нас в это время были посетители.

Однако всему бывает предел. Наступил он и для терпения нашего мыша. Перемену в нем мы почувствовали сразу. Произошло это весной, в самом начале апреля. По странному совпадению в это время у нашей комнаты наладился контакт с девчатами, которые скромно влачили свое существование этажом ниже нас прямо под нашей комнатой. Надо отдать должное смелости очаровательных соседок, поскольку контакт с нами вопреки принятым тогда правилам первыми начали налаживать они. Встреча эта была незабываемой и произошла она в канун дня рождения Миши Каткова. Веселье было беспредельным. Миша привез из деревни богатую снедь, в числе которой приятно обозначились две бутылки традиционного самодельного десерта, крепость которого, как оказалось позже, превышала известные нам ранее аналогичные напитки. Конечно, сам Катков не догадался бы сделать такой щедрый и гуманный жест, если бы не вездесущий Бадацкий. Дело в том, что накануне дня рождения Шура с присущей ему экспрессией слезно умолял будущего юбиляра захватить из дому какие-нибудь закуски, добавив при этом, что, дескать, потому, что у нас и на спиртное денег-то нету. Конечно, в такой благоприятной ситуации праздник просто не мог не состояться.

Разгар же пиршества ознаменовался всеобщим внезапно возникшим желанием сделать под музыку несколько па, как говориться, в темпе вальса. За неимением традиционных музыкальных источников нам пришлось

воспользоваться собственным хоровым. Темп вальса все время повышался и очень скоро достиг чего-то отдаленно напоминающего рок-н-ролл. Понятно, что хуже всех пение и танец получался как раз у именинника. Это и послужило причиной наших справедливых упреков Каткову. Юбиляр сразу обиделся и не без заносчивости заявил, что у себя в деревне он занимался в народном ансамбле песни и пляски, был на хорошем счету и что сейчас же может показать настоящий русский пляс с оригинальным притопом. От слов он не мешкая перешел к делу и сразу поверг нас в удивление своей неиссякаемой энергией. Сначала мы стояли просто как зачарованные, — в мишкиных движениях чувствовалось что-то очень старинное и волнующее. Вот так, наверное, плясали наши далекие богатыри-предки после удачных битв с Мамаем. Особенно удавался Мишке притоп. Ну как тут было на поддержать именинника? Ох и завертелся же по комнате наш завораживающий русский пляс! Не сразу мы услышали стук в дверь...

Отворил Бадацкий. В комнату буквально ворвались три не на шутку разгневанные красны девицы:

— Что вы себе позволяете?! — несколько грубовато, как нам показалось, кричали они, — как вам не совестно, у нас с потолка вся штукатурка облетела!

Веселый, покрасневшийся от плясовых па, Шура неожиданно просиял счастьем и, набрав в легкие побольше воздуха, мощным баритоном выдал поэтическую песенную строку:

— Ах, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! — и тут же, перейдя на задушевный бархатный тон, добавил, — садитесь, наши милые боевые подруги, у нас огурцы есть соленые.

Невольно покосившись на единственный, лежавший на тарелке толстый и не очень аппетитный огурец, девчата продолжили начало знакомства с усиленным негодованием. Одна из них, миловидная курносая брюнетка вдруг скорчила поразительную по своей ехидности мину и с проникновенной убежденностью почти прошипела:

— Вот я тебе сейчас эти соленым огурцом всю рожу размажу.

Шура же, казалось даже и не слышал этих слов:

— Ах да, его уже кто-то надкусил... Да бог с ним, вон у нас и сало есть, и яблоки моченые. Не стесняйтесь, родные, кушайте.

— Ты что, не видишь, с ним бесполезно разговаривать, он же невменяем, — не без основания урезонила ее другая девушка в модных очках и хвостатой прической с цветом «шатен».

Действительно порядком окосевший Бадацкий, ласково вглядываясь в лицо курносой, смог уловить лишь последние звуки тирады ее подруги, но, тем не менее, что-то успел понять и, повернувшись к хвостатой, нравоучительно изрек:

— Что вы тут развели базар: меняем — не меняем... Мы жратву с выпивкой ни на что не меняем. А вас приглашаем отпраздновать с нами бесплатно, — и тут же патетически, с надрывом, добавил, — да вы хоть знаете, какая сегодня дата? Представляете себе хоть немного масштабность свершившегося события?

Но девицы, видимо, не собирались внимать шуркиному красноречию, хотя и было очевидно, что он сейчас в ударе:

— Какое бы эпохальное событие сегодня не случилось, из-за него не стоит рушить и без того ветхий потолок! — снова взъелась курносая.

— Что с того? Это для вас он ПО-то-ЛОК... А для нас, — Шура выразительно согнулся и сосредоточил свой взгляд на выдавшей виды половой доске, затем гордо выпрямился и договорил, — для нас это только ветхая преграда, которая разделяет нас с вами, милыми и очаровательными созданиями. Так долой эти нелепые преграды!

При этих словах Бадацкий артистично махнул рукой, как бы сметая всякие нелепые преграды, но рука по инерции потащила его за собой и неизвестно, куда бы увела, если бы не подвернувшаяся на пути койка, на которую он и сел.

Тут я понял, что пора вмешаться и мне:

— А ведь вы, милые девушки, все же напрасно горячитесь, — сказал я, сиюсь придать своему лицу вид скорбной холодности, — ведь сегодня действительно очень трагическая дата, и если есть в вас хоть малая доля такта и милосердия, вы просто обязаны выслушать Александра.

— Выслушайте же нас, — добавил для убедительности с почти трезвой дикцией Сережка Демушкин.

— Вот это правильно, — одобрительно кивнул Бадацкий, оставаясь, впрочем, сидеть на койке.

— Хорошо, мы выслушаем ваши оправдания. Но только какой бы ни была постигшая вас трагедия, по-моему не стоит выражать свою скорбь в таких дурацких плясках, — вновь вступила в спор девушка в очках.

Официально получив, наконец, слово, Шура взбодрился:

— Да, мы тут танцевали... Мы этого и не отрицаем. Танцевали и пели. Танцы и песни — это одна из очень редких форм нашего самовыражения. И что с того, что вот у него в деревне танцевать принято таким простым русским способом, — оратор не глядя ткнул пальцем в сторону расстроившегося Мишки (теперь тот выглядел жалким и раскаявшимся), — посмотрите на его горе. Может быть после ваших несправедливых упреков он уже никогда не станет так танцевать?

— Я больше не буду... — извиняющимся голосом отозвался со своего места Катков. Он стоял как раз рядом с девушками.

— Вот. Видите до чего вы его довели?! Ради вас он навсегда расстается со своим любимым занятием. И эта половая преграда между нами, — Шура

выразительно постучал пяткой по полу, — так и останется символом жесткой бессердечности и непонимания.

— Мы, по крайней мере, будем на это надеяться, ведь нам нужно где-то жить! — язвительно заметила хвостатая.

— Жить? Ох, как я вас понимаю, — согласился Бадацкий, — Жить — это прекрасно, это удивительно! Жить, учиться, спать, любоваться природой, петь и танцевать. Кстати, — вдруг стряхнул с себя поэтическое настроение Шура, — а Вы любите танцы?

Это было сказано совершенно напрасно. Девушки снова взъерепенились:

— Да как вы смеете издеваться? У них тут якобы скорбь! Мы вам сейчас устроим настоящий траур! — загомонили они наперебой.

— Скорбь! Да, скорбь! — повысил голос Шура, — не торопитесь с выводами, я все сейчас объясню. Вот вам, например, сколько лет? — обратился он к хвостатой?

— Допустим девятнадцать, и что же?

— А вам — он посмотрел на девушку в очках.

— Представьте себе, тоже.

— Вот видите, вам девятнадцать, прекрасный возраст расцвета девичьей красоты и песенно—танцевальных талантов. А вот ему, — Бадацкий снова ткнул пальцем в направлении притихшего Мишки, — ему уже никогда, вы слышите, какое страшное слово: ни-ко-гда, никогда не будет девятнадцати, — и он в бессилии поник головой.

— И что же такое случилось? — вырвалось у девушки в очках.

— А то, что ему сегодня стукнуло двадцать! Теперь у него все позади: вздохи на скамейке, гулянье при луне, серенады под тальянку... Даже его любимые танцы благодаря вам сегодня навеки прощаются с ним. Никто больше не завизжит от счастья при виде его ослепительной молодости и не раскроет ему своих страстных объятий...

Шура собирался говорить и дальше, как вдруг третья девушка, по-видимому самая скромная из всех и поэтому все время тихо стоявшая возле двери, вдруг громко взвизгнула и повисла на шее у Мишки. На секунду всем остальным показалось, что Шуркина речь тронула-таки нежное девичье сердце. Ах, какая это была девушка: блондинка, с длинными вьющимися локонами, голубыми глазами и березово-стройной фигурой. И эта девушка была сейчас в мишкиных объятиях! Это, конечно, был бы достойный подарок к его дню рождения. Однако, пауза длилась недолго. Красавица продолжила свои действия следующим образом. Она тут же еще громче взвизгнула и закричала серебристым голосом:

— Мышь, мышь о ужас!

— Вот уже и Миш-Миш, — с гордым презрением продолжил Шура, — правду говорят: «от ненависти до любви всего один шаг».

Не обращая на слова Бадацкого никакого внимания девушка чуть менее громко, но с ужасом выкрикнула:

— Девчонки, у них тут мыши!

Девчонки, не стовариваясь, хором взвизгнули и разом вскочили на шуркину пружинную койку, которая при этом звонко лязгнула и выбросила на пол сидевшего на ней Бадацкого. Лежа на полу недавний оратор нос к носу столкнулся с Ионой Сембугамуртхи. Мышонок вышел из своего убежища, видимо подумав, что счастливо переждал землетрясение, недавно произошедшее от нашей пляски и решив убедиться, не рухнул ли его любимый обеденный стол.

— Не бойтесь, девушки, он ручной, — стал успокаивать паникерш Демушкин, — это Иона, наш маленький друг.

С этими словами Сережка подошел к мышонку и подставил ему ладонь. Сембугамуртхи повертел головой, обаятельно подрожал усиками и быстро вскарабкался в руку. Для него это было привычное транспортное средство наподобие фуникулера трижды в день доставлявшее его к любимой трапезе. Как и обычно он был тут же доставлен в блюдечко с хлебными крошками, всегда стоявшее у нас на столе. Не обращая ни на кого внимания Иона принялся хрустеть корочкой черного хлеба, то и дело поворачивая его в передних лапках удобной, более вкусной стороной.

Шура не спеша поднялся и уселся на стул:

— И стоило по такому пустяку разыгрывать целый спектакль, — его слова звучали с откровенным разочарованием. Хорошо, я согласен, мы не будем больше шуметь. Но вы еще ощутите ностальгию по нашему скромному творчеству...

— Ой, а он такой хорошенький, — неожиданно сказала девушка в очках.

При этих словах Бадацкий приободрился и поправил прическу. Девушка же спустилась с кровати и поближе подошла к мышонку:

— Смотрите, как забавно он ест, прямо как человек.

Две ее подруги тоже потихоньку покинули шурину койку и приблизились к Ионе, правда, на относительно безопасное расстояние. После минутного наблюдения трапезы нашего питомца гости совсем забыли, зачем же они пришли и стали засыпать нас вопросами о подробностях личной жизни Сембугамуртхи. Мы не без гордости и юмора пытались рассказать о всех иониных достоинствах, напирая на его скромность и застенчивость. Слово за слово, разговор сплелся в дружелюбную беседу в итоге которой девчата согласились, наконец, отведать изысканных яств нашего стола, а кроме того выяснилось как их зовут.

Курносую брюнетку звали Олей. И, как ни странно, она как раз увлекалась танцами. Шатенка с хвостом и в очках оказалась любительницей творчества Александра Блока, а также целой кучи современных совершенно неизвестных нам поэтов и носила гордое имя кавказской царицы Тамары.

Стройная красавица-блондинка сказала, что ее зовут Алиса, и что ей самой это имя жутко не нравится, и поэтому ее нужно называть Алена во избежание конфликтных ситуаций. На вопрос о ее пристрастиях, Алена долго что-то вспоминала, но затем выяснилось ее предпочтение театрам, эстрадным залам и дорогим кафе.

Всем нам уже казалось, что праздник по случаю юбилея Каткова удался как никогда, когда дверь в нашу комнату резко распахнулась и на пороге появился комендант общежития Свиньин. Грозный его вид недвусмысленно говорил о том, что слух о произошедших у нас песнопениях, топоте и визге достиг и его свиньиных ушей. Не знаю, как у остальных, — у меня при его виде перехватило дыхание. Единственное, что несколько облегчало положение, что к тому моменту весь деликатес был уже съеден, а посуда убрана в шкаф.

— Ну, что тут происходит? — прозвучал вопрос коменданта приблизительно с такой интонацией, с которой обычно подобный вопрос задают паталогоанатомы разделяваемым ими трупам, и тут же добавил — кто здесь устраивает балаган?!

От неожиданности в комнате воцарилась такая тишина, что трудно было поверить, что в ней когда-либо мог происходить какой-нибудь шум. Единственным звуком был только хруст засохшей хлебной корки, которую безмятежно продолжал уплетать Иона. Конечно, в этой ситуации первым, кто не должен был растеряться был Бадацкий, но на этот раз находчивость, видимо, изменила ему, так как он как-то весь поник и, указав на мышонка, пролепетал:

— Вот. Это все он.

По случайному совпадению, при этих словах Сембугамуртхи поперхнулся и в недоумении уставился на шуркин указующий перст, будто хотел сказать: «Ну ни фигя себе! Кто же в это поверит?».

— Да кто же в это поверит? — сказал Свиньин, причем было непонятно, во что он, собственно, не мог поверить: в то, что на столе сидел мышонок, или в то, что это именно он был причиной случившегося полчаса назад вселенского шума.

Ах, как мы все тогда были благодарны Сережке Демушкину. Сказался, все-таки, в нем огромный жизненный опыт. Он быстро схватил в кулак Иону, и с деланной злостью глядя ему в лицо, начал оправдываться:

— Понимаете, товарищ комендант, мы тут ловили мышь, ну и при этом, возможно, немного нашумели.

— Вот как? Это вы полчаса плясали и пели, чтобы поймать мышь?

— Мы не плясали, — с убеждением и одновременно удивлением продолжал Сережка, — мы топали ногами, чтобы он, то есть она, вышла из-за шкафа. И при этом кричали, дескать, «заходи слева», «окружай справа» и

тому подобное, а петь, прости господи, никому из нас Бог такого таланта не дал.

— Прекрасно, прекрасно... А девушек вы пригласили, чтобы, значить, шуму было больше, да?

Тут уже пришел в себя Бадацкий:

— Так ведь мышь они от себя выгнали к нам и честно пришли об этом сообщить.

— Ну, в это не трудно поверить, ведь для этого им всего-навсего пришлось ее выгнать из комнаты, загнать через лестничные пролеты на верхний этаж и после постучать в вашу дверь, — стал было издеваться Свиньин.

— Что вы, все было совсем не так, — вдруг напустилась на коменданта Алена, чего от нее никто из нас не ожидал, — эта мышь перебежала к ребятам от нас снизу по посудному шкафу, мы еле-еле выгнали.

Не скрою, приятно было почувствовать женскую солидарность, тем более, что наши соседки, как оказалось, были не лишены воображения и стали в подробностях рассказывать об охоте на долго докучавшую им мышь. А в конце повести о своих мытарствах перешли к жалобам на плохой быт общежития, в котором даже мышей потравить не могут.

Чтобы не выбиваться из компании, в дискуссию внес свой вклад и я, предложив Свиньину самому убедиться в том, что в нашем посудном шкафу действительно есть щели, намекнув, вместе с тем, что шкаф де, долго не приводился в порядок. Расчет угодил в точку, — комендант еще живо помнил случай с вылившейся на него из шкафа кастрюлей и поэтому, бросив на него опасливый взгляд, перешел на чтение нотации по поводу соблюдения тишины и чистоты. Однако, закончил он свой спич потрясшим нас приговором:

— Немедленно уничтожьте эту мышь.

К нашему еще большему ужасу Демушкин, которой все это время держал Иону в руке, вскочил и выпалив скороговоркой: «сейчас я его утоплю в туалете», выбежал за дверь. Инцидент на этом был исчерпан. Свиньин вышел, как всегда, громко хлопнув дверью. Мы сидели в полном отчаянии, а наши гости презрительно покивав своими изящными головками молча ушли к себе.

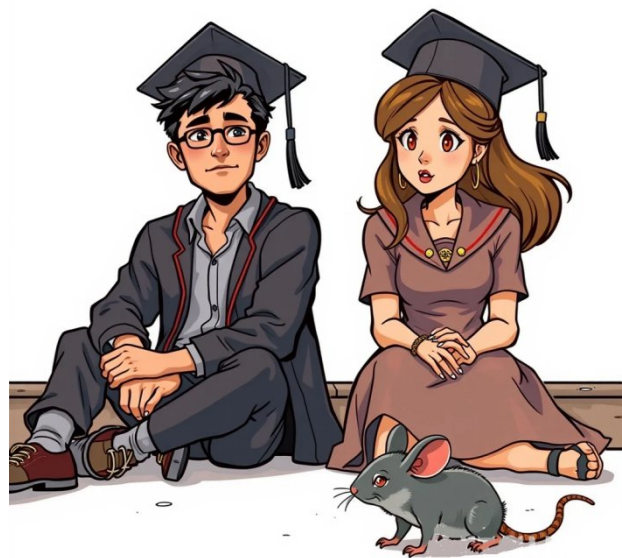
Вот вам и Сережка, вот вам и Демушкин — знаток жизни и любитель живности. Но, с другой стороны, а что было ему делать? Ведь, если задуматься, итогом сегодняшнего веселья могло бы быть элементарное отчисление нас из института, а это, что ни говори, вполне могло оправдать принесенную нами жертву. И даже то, что Демушкин сам понес в последний путь Иону, было с его стороны гуманным по отношению к нам. Не случись этого, Свиньин безо всяких сомнений пристукнул бы мышонка у нас на

глазах. А что испытали бы при этом девчата? И все-таки тяжелые мысли не давали нам покоя: как мы будем теперь относиться к Сережке?

Вскоре появился и сам Демушкин. Он был явно взволнован и, с размаху сев на койку, долго ничего не говорил, а только вздыхал и прятал взгляд. Наши же взоры были все время обращены на него. На столе сиротливо стояло блюдечко с недоеденной Сембугамуртхи корочкой черствого хлеба. Наконец Сережка пересел на стул и, взяв в руку блюдечко, с усилием выговорил:

— Да, чуть было не влипли...

Из рукава его рубашки высовывалась веселая мышинная мордочка.

... СУД НАД НИМ ...

После случая с днем рождения Каткова мы еще больше прониклись любовью к нашему пушистому питомцу. Еще бы, ведь если бы не он, трудно, наверное, пришлось бы и нам, и нашим соседкам. Теперь же девчата частенько захаживали к нам и случалось даже так, что мы попеременно приглашали друг друга на какие-либо небольшие праздники.

Прошло некоторое время и за окном первые весенние лучи солнца уже колдовали над припухавшими от долгой спячки почками пожилых тополей и зрелого возраста лип, ласково целуя стройные белые подножья молодых березок и припекая хребты старым подагрически раскорячившимся дубам городской роши.

Иона вырослел и чувствовал себя великолепно. Он перестал со временем вообще кого-либо смущаться и мог теперь выходить из своего укрытия в любой момент, когда ему вздумается. Мало того, он стал менее опрятен. Хлебные крошки и другие остатки продуктов, перепавшие ему, он мог запросто столкнуть со стола и утащить в свой тайник, не удостоивая нас особым вниманием. Иногда Сембугамуртхи мог устроить пир во внеурочное время или даже среди ночи. Думается, что все эти его выходки стали непосредственным результатом общения с нашими соседками, которые всегда приносили ему кучу вкусных объедков и долго с умилением разглядывали жиревшего Иону в моменты его трапезы.

И все бы ничего, но однажды наступил момент, когда Сембугамуртхи, видимо желая оправдать свое громкое имя, стал вмешиваться в наши учебные дела. Первым делом он влез в суть самого процесса учебы. Когда кто-то из нас читал учебник или записывал в тетрадь отчет по практической работе, Иона забирался на стол и тщательно изучал как оригинал написанного, так и все подсобные материалы, которыми можно было пользоваться. При всем этом он выглядел так деловито и взволнованно, что никто из нас не отваживался прогнать новоявленного студента со стола. Дальше — больше. Он оказался акселератором и двигался в науке семимильными шагами, поскольку занимался с каждым из нас весьма разными дисциплинами. К счастью всех остальных, более всего Сембугамуртхи докучал Сережке Демушкину. Толи потому, что тот был более покладист, а может и по причине особенной любви к сопротивлению материалов, предпочтение которому более нас всех отдавал как раз Сережка. Сначала это всех нас забавляло и смешило, а затем стало разочаровывать. Дело в том, что Иона не мог посещать практические занятия в вузе и поэтому опыты по сопромату он стал производить прямо в комнате, попробовав сначала сопротивление ножек стола и стульев, а затем и сержкиной тумбочки. Все эти материалы Иона честно пробовал на зуб и был очень недоволен, если ему мешали или вовсе прогоняли восвояси.

По всей видимости, убедившись со временем в том, что заниматься сопроматом вместе с Демушкиным или в присутствии кого-нибудь из нас — дело непростое, Иона решил заниматься самостоятельно. В один прекрасный момент, когда никого не было дома, он сам забрался на сержкину тумбочку, нашел учебник по сопротивлению материалов и, как принято говорить, стал грызть гранит науки, вернее даже не гранит, но грыз исправно, буквально и потому, возможно, лучше узнавал вкус и существо науки. Стоит ли упоминать, что, конечно же, лучше всего ему удалось освоить переплет. Отдельные выпавшие при этом страницы Иона взял на изучение в свою норку, после чего с небывалой сноровкой приступил к их чтению. За этим занятием и застал его вернувшийся с занятий Демушкин, которому первому удалось разоблачить малограмотность мышонка. Демушкин позже объяснил

нам, что читал Сембугамуртхи по слогам, отрывая по кусочку от листа слог за слогом. Не скрою, многим из нас это показалось не только невежеством, но и варварством. Ах, как долго водил нас за нос этот, как оказалось, малограмотный грызун.

Первым предложением гуманиста Демушкина было вышвырнуть Иону на улицу. «Пусть сначала пройдет *народные* университеты», — распаялся Сережка, — «пускай попробует сам заработать свой кусок мерзлой картошки».

Собственно говоря, мы с Катковым были не против такого приговора. Если честно, он был заслужен, ведь Демушкину теперь предстояло оплатить библиотеке стоимость учебника, после чего на него распространялся запрет в течение месяца посещать его любимую библиотеку. Совершенно очевидно, что все эти штрафные санкции по справедливости стоило переадресовать главному виновнику — Сембугамуртхи. Но ведь тот, в силу своего статуса грызуна и по нелепому несовершенству Российского Законодательства никак не мог понести этой заслуженной кары. Вот почему мы с Катковым выступили в поддержку пусть незаконного, но справедливого, на наш взгляд, сережкиного предложения.

Как это ни странно, хотя вообще-то и вовсе не странно, Иону самым решительным образом вдруг поддержал Шура Бадацкий. Хоть и был Шура ярким противником сентиментов и тайным недоброжелателем беспардонного животного мира, но был он также защитником слабых. А еще больше он предпочитал иметь собственное мнение, причем настолько собственное, что его скорее можно было бы назвать уникальным. Поняв, какое мнение на этот раз является исключительным, Шура встал на защиту «нашего меньшего брата» (именно так несколько раз подряд в своей речи он называл Иону), заявив, что Демушкин, дескать, сам увлек меньшего брата сопроматом, а от такой неистовой галиматьи, да еще в таком количестве кто угодно спятит, а уж особенно младшие. По словам Бадацкого выходило так, что меньший брат даже хотел сделать *доброе* дело, избавив Сережку от учебника по сопротивлению материалов.

Конечно, на эти слова Бадацкому было трудно что-либо возразить, и главным образом потому, что Бадацкий в спорах совершенно не терпел никаких возражений. Однако, ему в этом случае самому пришлось столкнуться с проблемой: а где же теперь держать Иону? Было очевидным, что почувствовав вкус к наукам, меньший брат не остановится на «изучении» лишь той литературы, которую взял в библиотеке Демушкин, ведь тяга к знаниям может повести его к новым высотам. А эти новые высоты представляли собой книжную полку Шуры, расположенную немногим выше сережкиной тумбочки. Но нет, трудности не пугали защитника младших братьев, и он предложил вариант, как ему казалось, поражающий элегантностью и законченностью новой идеи: под жилище

Сембугамуртхи предлагалось отвести нижнюю часть платяного шкафа, дверцы которого плотно закрывались. Причем, в этом временно заточении Иона должен был находиться только тогда, когда никого не будет дома, остальное же время он мог жить в своей старой резиденции за шкафом.

Ну что же делать, как я уже говорил, с Шурой спорить, это — то же самое, что играть в теннис со стенкой спортивного зала, так как все равно мяч пропустишь ты. Сембугамуртхи был пристроен в новых условиях. Но жизнь, эта мимолетная вереница бесконечного числа курьезов, эпизодически прерываемая более ощутимыми ударами судьбы, не преминула подтвердить свою суть и в этот раз. Курьез с Демушкиным сменился ударом судьбы, нанесенным, правда, Шуре Бадацкому. Буквально на следующий же день Сембугамуртхи, обживая в одиночестве новое помещение, обнаружил предмет из ранее незнакомого ему материала. Это были почти новые кожаные перчатки Шуры. Исследовательская искорка заставила меньшего брата немедленно приступить к дегустации левой перчатки, которая совершенно неожиданно оказалась абсолютно съедобной и даже не лишенной новых экзотических ароматов. Собственно говоря, Иона даже и не съел шурины перчатку, он только немного отгрыз нелепо торчащие в разные стороны и ничем не соединенные отростки. В итоге проделанной работы перчатка даже стала более геометрически правильной, а следовательно, более легкой и практичной. Но, видимо так уж заведено природой, что черные полосы бывают в жизни не только у людей, но и у животных, причем для последних инициатива оказывается наказуемой гораздо чаще, чем для первых. Так произошло и в этот раз.

Казалось, гневу Бадацкого не уместиться в пределах маленькой общажной комнатенки. Он бегал из угла в угол и готов был рвать и метать. Первой мыслью его было прикончить мародера тут же на месте, но сделать это, предварительно не посоветовавшись со своими друзьями он все же не мог. Бедный меньший брат был грубо брошен в пустую трехлитровую банку и выставлен в центр обеденно-письменного стола на обозрение всему народу. Народ же, в лице Демушкина, Каткова и меня не замедлил вскоре появиться.

— Это что же делается?! — встретил нас воплями негодования Бадацкий, как будто в новом проступке Ионы была и наша вина, — это же неслыханное по своей жестокости уголовное преступление, эта свинья сожрала мои новые перчатки! Помнишь, Демушкин, ты эту скотину хотел как-то утопить? Это новое преступление открыло, наконец, общественности глаза на эту подлую крысу. Я отдаю ее под твой справедливый карающий меч. Веди же, веди ее к заслуженному эшафоту!

С этими словами Бадацкий с силой всунул банку с Ионой в руки ошарашенному Демушкину, затем подскочил к двери, открыл ее и встал немного в сторонке, как бы давая Сережке проход.

Тут уже взбеленился Демушкин:

— Ах вот как! Теперь он уже преступник? А помнится кто-то его называл своим братом! Сейчас же ты меня захотел сделать братоубийцей, а я не то что на брата, но и на более дальнюю родню не поднял бы руку. Да и вообще, я ему уже все простил. Так что иди и сам становись палачом!

Сережка безапелляционно всучил банку обратно в руки Бадацкому, который, посмотрев на нас, вдруг стал менее суров и решителен:

— Хотите его вновь оправдать? Хорошо, как хотите, но учтите, что сегодня безжалостные зубы этого гада покусались на последнее имущество вашего товарища, а завтра с вами будет вот что!

Тут он достал из шкафа свою объединенную перчатку и, как всегда, театрально бросил ее на стол. Вид перчатки и в самом деле довольно убедительно предупреждал нас о новых реальных опасностях и заставлял невольно задуматься: а что же делать? Приговорить к смерти нашего совсем недавно горячо любимого приятеля, который в данном случае только того и сделал, что не смог устоять против своего естества. Если же учесть, что все это произошло по причине нашей же провокации, то это и совсем выглядело не по-товарищески. С другой стороны, меньшего брата можно было бы выпустить на природу самостоятельно познавать жизнь. Однако, Сембугамуртхи был совершенно неприспособлен к улице. Начинаящая весна также могла вскружить ему его усатую голову. Легко можно предположить, что он пошел бы знакомиться с любой первой встретившейся собакой или кошкой. Чем закончится это знакомство? Мысли эти одновременно и вразнобой роились в наших жизнелюбивых студенческих мозгах и стали причиной длительной паузы в разговоре.

Наконец, взять слово отважился обычно молчаливый Катков:

— Давайте не рубить сплеча и не хныкать с горяча.

В ответственных случаях в Мише просыпались мудрые мысли его по-деревенски мудрого и флегматичного отца. Катков закрыл дверь и пригласил всех садиться.

— Чтобы судить здраво нужно почитать право, — высказал еще одну мудрую мысль Миша.

И хоть сказанная фраза в силу своей многосмысленности никому из нас не была понятной, Шура сразу оценил ее по-своему:

— Точно, его надо судить и приговорить к расстрелу!

Вдруг похожая мысль пришла в голову и мне:

— В таком случае, — заметил я, — суд должен быть справедливым и представительным, то есть с государственным, так сказать, обвинителем, грамотным и гуманным адвокатом, а также с народными заседателями и судьей.

— Тогда судьей буду я, — не задумываясь выпалил грозный Бадацкий.

— Нет—нет, — сразу перебил я его фантазии, — как раз вы с Демушкиным, к сожалению, можете представлять на суде только сторону потерпевших.

— Так ты что же, хочешь сказать, что судьбу этого распоясавшегося подонка будете решать только вы с Катковым?!

— Не совсем так, — поспешил успокоить я Бадацкого, — тут необходимо привлечение народа. Что если нам пригласить независимых экспертов?

— Понимаю, — начал ехидничать Шура, — сюда нужно пригласить декана, председателя месткома и коменданта общаги.

— Нет. Я думаю, можно обойтись народными массами. В качестве таковых предлагаю пригласить наших соседок. Во—первых, они — лица незаинтересованные, во-вторых, уже давно посвящены в суть вопроса, и, наконец, в-третьих, они по своей природе гуманны, а все эти качества как раз и являются необходимыми и достаточными факторами вовлечения их в судебное разбирательство.

Эти мои слова оказали благоприятное воздействие на Демушкина и Каткова, которые, как мне казалось, не были равнодушны к нашим общим очаровательным знакомым.

— А что, это логично. Действительно, почему бы и нет? — воскликнули они, а Сережка полузадумчиво добавил, — В конце концов, если вынесенный Ионе приговор будет по их вине слишком мягким, мы можем предложить им взять его на поруки с предоставлением собственной жилплощади.

— Хорошо, — согласился Бадацкий, — раз уж так решило большинство, я вынужден подчиниться, но только при том условии, что общественным обвинителем буду выступать я.

После недолгих дебатов мы все же пришли к соглашению, чтобы разрешить Александру Бадацкому представлять сразу две роли в суде: пострадавшей стороной и прокурором одновременно. Было также решено направить в народные массы (так мы в данном случае называли девчат) меня и Мишу Каткова. Я должен был своим красноречием убедить соседок принять участие в справедливом суде, а Миша своим скромным фоном мог бы оттенить и сгладить избытки моего красноречия, буде такие случайно проявятся при встрече с прекрасным полом.

К нашему немалому удивлению девчата с состраданием выслушали нашу информацию о случившемся криминале и почти без колебаний согласились участвовать в суде, особенно после того, как узнали, что им достаются главные роли — роли судей и народный заседателей. Суд был назначен на восемь часов вечера. До этого времени Иона был помещен в камеру предварительного заключения, представлявшую собой трехлитровую банку из под компота. В банку мы набросали тряпочек и газетных обрывков, а Бадацкий в сердцах бросил туда и обглодок своей перчатки. Сембугамуртхи был явно расстроен и, не обращая внимания на уже

испробованный им деликатес, нервно бегал по кругу. Он поднимался на задние лапки и, упираясь передними в стекло банки, подпрыгивал то на одной, то на другой ноге, делая при этом руками движения пловца, отрабатывающего стиль брасс. Все эти движения недвусмысленно выражали его протест против произвола братьев старших и неумное стремление к свободе. Однако, мы были неумолимы и делали вид, что не обращаем на узника никакого внимания.

К восьми часам действительно пришли соседки и начался суд. Распределение ролей было следующим. Тамару, за ее внешний вид (очки, строгий взгляд и прилизанную прическу с хвостом) единодушно избрали судьей. Ее подругу, Олю (ту самую курносую брюнетку), и Мишу Каткова — народными заседателями. Шура и Сережка по факту совершившегося являлись потерпевшими, причем Шура по совместительству был определен также прокурором, или обвинителем. На мою долю досталась роль адвоката, а Катков с красавицей—блондинкой Аленой были названы свидетелями и одновременно родственниками подсудимого.

Прозвучало, правда, еще одно предложение, — пригласить кого-нибудь со стороны Сембугамуртхи, то есть кого-то из животного мира. Однако оказалось, что единственным таким животным в общаге является Никита Сергеевич, кот коменданта. Имя свое он получил по кличке одного из промежуточных советских политиков низкого пошиба, предавшего забвению Славу России и бесшабашно разбазаривавшего и разорявшего русскую землю. Кот Никита тоже был толст и ленив, весьма заурядного склада ума, и не только не ловил мышей, но и позволял воробьям воровать из своей кормушки нехитрое содержимое. Во многом по этой причине кандидатура Никиты Сергеевича была всеми единодушно отклонена.

Вот все расселись по своим местам: судья, как положено во главе стола, обвинитель слева от нее, защитник справа, остальные — на койках подальше от судьи. Подсудимый располагался в банке на столе. Он сидел почти посередине совей камеры и нервно втягивал носом воздух, все время подбрасывая при этом мордочку кверху. Со стороны это очень напоминало эдакий жест, вроде «ну говорите, говорите же...».

Дальше приводится протокол судебного заседания с краткими комментариями автора.

* * *

Судья-Тамара. Я, вообще-то, не знаю с чего начать. Разрешите считать наше заседание открытым, кворум есть, на повестке дня один вопрос: о поведении мышонка Ионы. Есть ли возражения по повестке дня?

Прокурор-Шура. Брось, Тома, ты не на пионерском собрании. Речь идет об уголовном преступлении. Ты тут главная, вызывай всех по очереди, приводи к присяге, предупреждай об ответственности за дачу заведомо

ложных показаний и спрашивай с пристрастием о подробностях преступления, а для начала предоставь слово мне.

Судья-Тамара. Ну хорошо, слово предоставляется потерпевшему. Вы предупреждаетесь о даче заведомо ложных показаний.

Прокурор-Шура. В данном случае я не потерпевший, а прокурор, и, как обвинитель, никакой присяги давать не должен.

Судья-Тамара. Сейчас перед вами выступит прокурор Александр Бадацкий, попросим, пожалуйста.

Прокурор-Шура (покачивая головой и тихонько плюнув в сторону). Дамы и господа! Дорогая судья, дорогие народные заседатели, свидетели и адвокат, уважаемый подсудимый! Я, как общественный обвинитель, должен быть сейчас как никогда принципиален, объективен, смел, суров и ... красив (*комментарий:* последнее слово было сказано Шурой лишь потому, что перечисляя необходимые ему сейчас качества, он загибал пальцы на руке, и, не скажи он про красоту, один палец оказывался бы лишним). Вот вы видите перед собой в лице этого гнусного уркагана воплощение лицемерия, ханжества, неблагодарности, ехидства и ... уродства (*комментарий:* последнее слово сказано по той же причине, что и в прошлый раз).

Судья-Тамара. Но—но, поближе к делу и фактам. Нам нужно знать, в чем обвиняется подсудимый, а кем он является, мы выясним и без Вас.

Прокурор-Шура. Ну что ж, извольте. Я начну с предыстории. Иона Сембугамуртхи, ничтожный представитель мира *зверей*, изначально был сиротой, лишенной наследства и не имеющей средств к существованию. Он был тощим и голодным бомжом, готовым за несколько хлебных крошек продать самое дорогое, что у него осталось — свою честь. Вот почему четверо молодых, умных и крепких мужчин, проявив волю и благородство, удовлетворили его просьбу о совместном проживании. Эти небогатые, но честные и бескорыстные, а следовательно, достойные уважения и любви девушек люди, пустили к своему уютному домашнему очагу жалкое и ничтожное животное. Они отогрели накормили зверя, предоставили ему комфортабельную щель за посудным шкафом и стали ежедневно делить с ним последней крошкой печенья «Юбилейное» и «Ленинградское». Уже тогда, без особой благодарности принимая щедрые дары своих опекунов, Иона Сембугамуртхи вел себя неинтеллигентно и пошло.

Судья—Тамара. А ну-ка, поясните-ка подробнее, что значит «вел себя пошло»?

Прокурор—Шура. Мне не хотелось освещать эти интимные подробности жизни подсудимого. Но внимая просьбе судьи, я скажу. Он мог, например, внезапно освободить свой кишечный орган прямо на учебник по линейной алгебре или на обеденный стол. Я уверен, окажись у него под рукой сборник стихов великого Александра Блока, он мог бы нага...

Судья-Тамара. Прекратите ерничать! Умерьте, ради бога, свои фантазии и приступите, наконец, к изложению сути! (*комментарий:* как вы уже помните, Блок был любимым поэтом Тамары, чем и не преминул воспользоваться опытный прокурор).

Прокурор-Шура. Не хочу показаться голословным. Приведу еще один факт темной биографии подсудимого. Вот перед вами сидит потерпевший гражданин Демушкин Сергей Борисович. Он ведет скромный и многотрудный образ жизни. Можно сказать, все его счастье только в том и заключается, чтобы почитать на ночь учебник по сопротивлению материалов. (*Комментарий:* Тамара, Алена и Оля смотрят в недоумении на Демушкина, который согласно кивает головой в так словам Бадацкого). Отобратить у человека последнюю радость жизни, скажите мне, кто на это мог быть способен? Я вам отвечу — вот он, названный в честь великого индийского ученого Ионой Сембугамуртхи. Так давайте спросим себя, а смог бы великий ученый съесть перелет сопромата и разорвать зубами в куски лучшие страницы этой священной книги? Конечно нет, нет и нет. Я считаю, что подсудимый недостойн данного ему честного индийского имени. Иуда Искарот — имя ему. Вот вещественное доказательство, эта всеми нами любимая и поруганная подлецом ученая книга. Мы кладем ее на стол для того, что другие выступающие поклялись на ней говорить только правду, еще раз правду, еще раз правду и ничего кроме правды.

Судья-Тамара. Хорошо. Только ли в этом заключается Ваше обвинение против бедного мышонка?

Прокурор-Шура. Да, он был бедным мышонком, вернее, очень неплохо разыгрывал перед всеми эту роль. Но правда, кто бы ни пытался ее в себе скрыть, рано или поздно созревает и с шумом выходит наружу. Так произошло и с подсудимым. Я молчал, когда этот преступный гад делал свои дела за посудным шкафом, я молчал и тогда, когда речь шла о несчастье Демушкина, но всему, граждане, бывает предел. Вполне закономерно, что настал тот день, когда подсудимый достиг самого дна нашей чаши терпения, чем и переполнил ее самым возмутительным образом, — он покусился на мою одежду, вначале надкусив, а затем и полностью сожрав дорогую кожаную перчатку. Вон она, несмываемая вещественная улика, посмотрите, как нагло он развалился на ней. Видите ли вы хоть крупицу раскаяния в его наглых очах? Нет, напротив, он снова нюхает перчатку и мысленно плюет в наши с вами души. Переходя к заключительной части, я выношу свой справедливый и гуманный вердикт: присудить бывшему гражданину Сембугамуртхи высшую меру наказания. Учитывая смягчающие обстоятельства, если такие появятся в ходе судебного разбирательства, предлагаю заменить предложенное наказание расстрелом. У меня все, спасибо за внимание, прошу остальных выступающих говорить покороче.

Судья-Тамара. Спасибо за доклад. Будут ли вопросы к докладчику? Нет. Кто еще желает выступить по повестке дня?

Прокурор-Шура. По какой там еще повестке, то что, ни разу в суде не была? Вызывай свидетелей!

Судья-Тамара. Вызываю свидетелей. Миша, что Вы можете добавить по рассматриваемому вопросу?

Свидетель-Катков. Я, конечно, не знаю, но думаю, что он это все не со зла. Мы ведь сами заперли его в одежном шкафу, а он, наверное, есть очень хотел.

Прокурор-Шура. Брось ты воду в ступе молот. Вот давай дадим ему твою кроликовую шапку.

Свидетель-Катков. Иону можно заставить съесть все, что угодно, но это не значит, что он в этом будет виноват. В общем, я считаю, что он просто должен сидеть в банке.

Прокурор-Шура. Выражайтесь правильно, свидетель Катков, надо сказать, что вы приговариваете преступника к пожизненному заключению.

Свидетель-Катков. Нам осталось учиться всего 2 года. Потом мы его все равно отпустим. По-моему, нужно приговорить Сембугамуртхи к двум годам лишения свободы и предоставить возможность прогулок согласно Женевской Конвенции.

Прокурор-Шура. Давайте так, два года строгого режима с расстрелом в начале срока отбывания наказания.

Судья-Тамара. Замолчите, наконец, прокурор. У Вас все, свидетель? Тогда пусть дальше скажет Алена.

Свидетель-Алена. Все мы знаем мышонка Йошу как мягкого и пушистого зверька. При мне он ничем подобным, из того, что тут наплел этот прокурор, Йоша не занимался. Один раз, как все сидящие здесь помнят, он даже спас всех нас от беды, причиной которой, я уверена, был выступавший здесь прокурор. Вот кого хорошо бы как следует проработать.

Прокурор-Шура. Дорогая судья, я протестую. Это что же получается, у меня съели перчатку, и я же должен нести ответственность? Ну, ребята, вы даете!

Судья-Тамара. Ладно, ладно. Алена, что ты предлагаешь?

Свидетель-Алена. Я ничего не предлагаю, а только мышонок не виноват. А если у Бадацкого есть, чем его расстрелять, то его надо привлечь за хранение оружия. Вот так-то. У меня все.

Судья-Тамара. Бадацкий, у тебя что, есть оружие?

Прокурор-Шура. Ой, неужели непонятно, я имел в виду расстрелять фигурально, можно, например, его притопить в туалете или свести с Никитой Сергеевичем и пусть дальше сами разбираются.

Судья-Тамара. Ну ладно, хватит говорить всякую гадость, кто еще желает выступить?

Адвокат. Мне кажется, пришла и моя очередь выступить. Вы позволите?

Судья-Тамара. Слово предоставляется адвокату для защиты бедного мышонка.

Адвокат. Раз уж мне положено защищать присутствующего здесь господина Сембугамуртхи, то я должен доказать полную его невиновность и просить суд о помиловании.

Прокурор-Шура. Вот еще один Иуда, жалко, он не сожрал твои ботинки, это было бы намного вкуснее и справедливее.

Судья-Тамара. Делаю прокурору последнее предупреждение. В следующий раз я попрошу его покинуть зал заседаний! (*Комментарий:* «ого, уже из своей комнаты выгоняют, скотоводы позорные», — пробормотал очень тихо себе под нос Бадацкий). Мне нравится выступление адвоката, продолжайте, пожалуйста, товарищ адвокат.

Адвокат. Во-первых, настоящий суд начат без материалов предварительного расследования и поэтому результаты его могут быть признаны недействительными в высших инстанциях. (*Комментарии, приведенные в речи адвоката, относятся к еле слышимым возгласам Прокурора-Шуры. В данном случае это было: «Тьфу, блин.»*) Во-вторых, неизвестно, кто тот преступник, который отъел пальцы от перчатки прокурора, так как свидетелей этому не было. Дело в том, что мне хорошо известна, дурная привычка Шуры Бадацкого грызть ногти, причем делает это он неосознанно, будучи как бы в забытьи. (*«Вот гад.»*) В третьих, когда Сембугамуртхи ел перчатку, он просто продолжал практические занятия по сопромату, которые начал с подстрекания второго потерпевшего, вовлекшего поддающегося влиянию меньшего брата к изучению соответствующей научной литературы. (*«Ну ни стерва?»*) И последнее. Вкусные шурины перчатки были оставлены им с явной целью подстрекательства к их съедению со стороны подзащитного. Почему Бадацкий их не взял на улицу, ведь не смотря на весну, там было почти 10 градусов по господину Цельсию? (*«Да это отпетая свинья! Надо бы ему потом не забыть морду начистить!»*)

Вся публика. Вот, оказывается, как? Свободу смелому мышонку! Нужно вынести оправдательный приговор.

Адвокат. (*Комментарий: остаток речи был произнесен с учетом долетевших до меня последних слов Бадацкого*) Да, приговор, конечно, должен быть оправдательным. Однако, учитывая неосознанную, я подчеркиваю это слово, неосознанную социальную опасность Ионы, его в этом случае нужно было бы передать нашим соседкам, ибо частично утерянное честное имя подзащитного не позволит ему с должной степенью свободы проживать рядом с некоторыми из нас. Вопрос же о том, чтобы поменять, например, некоторых из нас местом жительства с некоторыми из

наших соседак является правильным, но требующим неоправданно долгих экзотических согласований. Вот почему я предлагаю оправдательный приговор с последующей заменой его на следующую формулировку: «Признать Иону Сембугамуртхи невиновным и приговорить его к двум годам исправительно-трудовых работ с полной конфискацией недоеденного им имущества и с отбыванием наказания по месту его настоящего пребывания (пустая трехлитровая банка)».

Вся публика. Долгое молчание.

Прокурор-Шура. Ха-ха-ха, а как вы себе представляете «исправительные работы»? Ведь эта крыса уже исправила кое-что своими работами! Может быть назначите ему в качестве исправительных работ переработку верхней кожесодержащей одежды свидетеля и адвоката, а буде мало — и народных заседателей? Ну ладно, заседатели, совещайтесь, мы будем ждать результатов вашего судилища.

Народные заседатели. Долгое, продолжительное молчание.

Судья-Тамара. А действительно, пусть Йоша поживет пока в банке. Когда мы будем к нему приходить, его можно на немного выпускать на прогулку. Если отпустить его сейчас на улицу, он может погибнуть, ведь там пока еще холодно и так много кошек!

Народные заседатели. Хорошо, пусть так и будет.

Судья-Тамара. Пока, мальчики, мы пошли к себе. Наше решение вам, надеемся, понятно и обжалованию в других инстанциях не подлежит.

* * *

На этом суд, занявший не более получаса закончился и его действующие лица вернулись к своей прежней студенческой жизни.

Возможно некоторые из читателей, наиболее умудренные собственным жизненным опытом, скажут, что наш студенческий суд был нетипичным. Я не буду спорить, поскольку это действительно так. Где вы видели гуманных и неподкупных судей, и в каком из наших судов могла бы быть такая рабочая и вместе с тем непосредственная и искренняя атмосфера? Пусть так, но я готов принести присягу, что такой суд действительно имел место. Очень может быть, что этому суду были по силам и более сложные реальные дела, как знать?

После суда все мы понемногу успокоились и уселись ужинать за один стол как и раньше, ведь мы были друзьями. Ужинал и осужденный. Он задумчиво жевал в своей камере остатки Шуриной перчатки, не обращая никакого внимания на лежавший рядом с ним кусочек печенья, благородно преподнесенный ему в дар бывшим прокурором.

... И ПОСМЕРТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О НЕМ

Вот и настало время рассказать про наше прощание с Ионой Сембугамуртхи. История эта произошла в апреле того же года. Мучимые жаждой еды, мы долго искали какую-нибудь временную работу, пусть трудную и грязную, но оплачиваемую соответственно скромному студенческому аппетиту. Нечего скрывать, можно было бы поработать и просто за сытное, но трехразовое питание, причем трехразовое в день. Найти такую работу в нашем городе, полном студентов не только нашего, но и других вузов, было делом сложным, граничащим с воспроизведением землетрясения вручную. То есть нельзя сказать, что это в принципе было нереальным, но вызывало кучу разнообразных по своему размеру и бесполезным нервозатратам препятствий. «Ерунда», — скажут читатели—скептики, — «нельзя формировать природные катаклизмы самостоятельно даже при очень больших трудозатратах», но будут в этом случае, видимо, несколько не правы. Землетрясение вручную вовсе не такое уж безнадежное дело. В качестве примеров можно привести многочисленные опыты северных шаманов и лучших представителей нашего православного духовенства. Кто может отрицать, что иногда после совершения ими серии хитроумных обрядов действительно восходило солнце или шел дождь. Тут вся суть была в дотошном и старательном выполнении адекватных случаю высоких технологий. «Опять сущий бред», — парируют пессимисты, — «в случае с шаманами могло иметь место лишь случайное совпадение или несложный обман паствы». Но тут я ловлю моих оппонентов на слове: значит, случайное совпадение все-таки быть могло? Конечно могло! А

вопрос о том, что стало причиной того или иного трудновоспроизводимого в повседневном быту явления, уже не суть важен, главное — полученный человеком результат.

Все это я говорил к тому, что грязная куча необъяснимых современной наукой явлений, называемых почему-то «белыми пятнами», пополнилось еще одним мистическим событием, — неожиданно нам удалось найти работу! Как и в случае с шаманами, трудно определить, было это результатом наших многотрудных усилий или всего лишь случайным совпадением.

Такие счастливые мгновения удачи запоминаются сразу и на всю жизнь, а в последствии, передаются народом в своих национальных легендах от поколения к поколению. Как я уже говорил, это было в апреле, в самом его конце, когда у молодежи необыкновенно обостряются все доступные обострению чувства, как то: чувство голода, чувство собственного достоинства, жажда любви, и как следствие, обоняние, осязание и даже зрение. В данном случае решающую роль как раз сыграло зрение.

На старом, разошедшемся и посеревшем (а когда-то раньше, видимо, зеленом) заборе болталась из стороны в сторону, а временами мелко дрожала под весенним ветром до неправдоподобности засаленная бумажка. От проходящего по улице транспорта она то и дело закручивалась и запрокидывалась вверх. Забор же этот ограждал непонятное по существу, но очень заманчивое по названию заведение с вывеской «Маслосырбаза».

И кто мог заметить эту бумажку? А ведь на ней приводилась неизвестным талантливым автором поистине драматическая надпись, она гласила (приводится дословно с сохранением оригинального авторского стиля и пунктуации):

О Б Ъ Я В Л Е Н И Е

*Маслосырбазе № 3 потому что сломался зожимо-обёртный станок
срочно требуются месячные.*

Администрация базы.

Судьбе было угодно, чтобы мимо этого официального документа шли Миша Катков с Сережкой Демушкиным. Они шли на лекцию к одному из самых занудных в вузе преподавателей и поэтому особенно не торопились, уделяя свое рассеянное внимание чему не попадая, что подворачивалось на их пути. Вот тут и случилось, что Сережкин взгляд нашел-таки на воротах Маслосырбазы эту ценную бумажку.

— Ну-ка, ну-ка, прочтем, — слегка подтолкнув к воротам базы рассеянного Мишу, сказал Демушкин, — ты смотри, какой поразительный документ, образец изящной словесности, можно сказать. Интересно, о чем в нем идет речь?

— По-моему, о каких-то месячных, — пробубнил в ответ Катков, — и чего ты привязался к объявлению, будут у них когда-нибудь эти месячные.

— Э нет, — возразил Демушкин, все больше возбуждаясь, — сдается мне, что под этими полупохабными строчками кроется не только чья-то боль о своем предприятии, но и простое рабочее счастье четырех студентов.

— Постой, постой, — вдруг начал догадываться Катков, — так это объявление о наборе временных рабочих!

— Ну, пока это только предположение, — поспешил его остудить Сережка, — но, на мой взгляд, очень правдоподобное. И поверь моему опыту, очень хорошо, что оно написано какой-то не очень грамотной женщиной, думавшей в ту минуту, как всегда, о чем-то своем. Именно такие задумчивые и ломают обычно зожимо-обёртные станки.

— А что, ты имел когда-нибудь дело со станками такого типа?

— Видишь ли, Миша, я имел дело со многими станками, например, токарно—винторезными, фрезерными, строгальными, сверлильными и кучей других. Все они были нужны для обработки металла. Здесь же речь идет о каком-то станке, который обрабатывает сыр и масло. Думаю, что такого рода агрегаты не должны быть особо сложными, особенно, если на них работают такие женщины, как та, что выпустила в свет это объявление.

Так или иначе, Демушкин с Катковым все же поступили правильно, — первым делом они сорвали объявление (в целях устранения возможных конкурентов), и сразу после занятий сообщили мне и Бадацкому о своей находке. Оказалось, что Бадацкий вдруг работать расхотел, а Катков, имея пищевую поддержку деревенских родителей, после недолгого раздумья отказался в мою пользу. Мы с Демушкиным были легки на подъем и без лишних обсуждений решили тут же идти на Маслосырбазу. Сделано это было весьма вовремя, поскольку к тому времени у рабочих базы как раз закончился обед, и в отделе кадров царил умиротворенность, чуть ли не переходящая в благодущие, граничащее с человеколюбием.

Начальник отдела кадров, судя по прибитой к двери в кабинет табличке, прозывался Геральдом Станиславовичем Тухлевичем. При более близком рассмотрении он оказался мужчиной лет за пятьдесят, носил волосы с проседью, имел почти правильную форму лица и пронизательный колюще-режущий взгляд. Все это вкуче с гладкой выбритостью и костюмом «тройка» при галстукке выдавало в нем отставного военнослужащего—штабиста. Этот вывод напрашивался еще и в связи с тем, что порядок в его кабинете был идеальным. Личные дела контингента Маслосырбазы были аккуратно рассортированы по полкам шкафов с белыми, чистой масляной краски инвентарными номерами, и располагались в строю строго по росту и толщине. На столе же перед Геральдом Станиславовичем не было ничего, кроме невероятного по своим размерам альбома с толстой кожаной обложкой темно-коричневого цвета, каковой, по всей видимости, приобрелся

сам по себе по прошествии множества лет и зим. В отличие от всех других папок и книг, расположившихся в шкафах, альбом никакой нумерации, ни названия не имел.

Тухлевич встретил нас полным молчанием, показав, правда, повелительным жестом на стулья, стоящие рядом вплотную к стенке напротив стола начальника и поэтому располагавшиеся так далеко от него, что создалось впечатление, будто мы находимся в театре на первом ряду, а Тухлевич — на сцене. Вся строгость декораций должна была подчеркивать некую фронтальную суровость и непреходящую значимость всего действия, из чего можно было бы более точно заключить, что давать в этом театре собираются какую-то провинциальную постановку далекой от классики трагедии.

Однако, от нашего внимания не ускользнуло, что когда мы вошли, Геральд Станиславович сидел за столом в никак не подходящей ему позе романтического мечтателя, по-школьному подперев рукой щеку. Сейчас же он был собран и строг, подчинив себя натренированной годами железной воле. Усадив нас, начальник Тухлевич сразу открыл коричневый альбом и в суровом молчании с головой ушел в созерцание внутренностей этой гигантской книги.

— Может быть это Книга Судеб? — шепнул я на ухо Демушкину.

— Что-то вроде того, это, наверняка штатное расписание, — просветил меня Сережка, — начальники любят его изучать, хотя и знают наизусть, не хуже таблицы умножения.

Молчание продолжалось еще минут пять, в результате чего мы с Демушкиным уже начали было впадать в дрему. Оказалось, что именно этого Тухлевич и добивался, поскольку он резко выпрямился и, подавшись всем телом вперед, громко и коротко воскликнул:

— Я вас слушаю.

Это было сказано так неожиданно, что мы несколько смешались и очухались не сразу. Сережка, как более опытный в подобного рода делах, опомнился первый:

— Мы, собственно говоря, пришли по объявлению.

— По какому объявлению? — довольно искренне выразил на лице свое удивление начальник отдела кадров, — говорите быстрее и конкретнее, — у меня еще очень много дел.

— Объявление о приеме на работу, — пояснил я.

— Такого объявления мы не давали, так что вы ошиблись молодые люди. До свидания, — выпалил Геральд Станиславович так быстро и уверенно, как будто не только заранее знал о чем идет речь, но и беседует с нами уже часа эдак полтора и никак не может объяснить нам нашу ошибку.

При такой безапелляционной настроенности начальника я посчитал необходимым сразу уйти, причем не прощаясь, так как Тухлевич тут же

уткнулся в свою книгу, показывая этим, что в прощании с нашей стороны он вовсе не нуждается. Я поднялся и хотел уже направиться к двери, но был тут же остановлен Демушкиным, который крепко держал меня за рукав куртки.

— Подожди, — прошептал он, — это стандартное начало разговора у любого хоть немного уважающего себя бюрократа.

— Просим прощения, Геральд Станиславович, — невозмутимо возобновил разговор Сережка, — объявление, наверное, действительно давали не вы. Его скорее всего давала дирекция базы.

Мне показалось странным, но, по-видимому этот аргумент как-то подействовал на Тухлевича. Он поднял на нас уже менее уверенный и менее суровый взгляд и, как будто что-то припоминая, спросил:

— Да? Интересно... И о чем было это объявление?

— Там говорится о том, что Маслосырбазе жизненно необходимы месячные, поскольку вышел из строя зожимо-обёртный станок.

— Вы что, смеяться сюда пришли? Не было у нас таких объявлений и не могло быть! До свидания.

Начальник опять принял сурово—холодное выражение лица и уткнулся в книгу как бы твердо уверенный в том, что мы уже ушли. Но не таков был Сережка Демушкин:

— Однако, на объявлении подпись администрации!

Тухлевич заерзал на стуле, злобно бросил на Демушкина брезгливый взгляд и нервно схватил трубку телефона:

— Тамара Семеновна, мы давали какое-нибудь объявление о приеме на работу? Да, да. Говорят, нужны какие-то месячные. Да в том-то и дело, конечно, бред. Да, ну да, я так и думал. Ну, ну, все ясно, ясно. А то тут пришли какие-то дети, вот, говорят, хотим на работу, объявление вы дали. Да, да. Да, ну да. Ну, ну, все ясно, ясно. Вот и я им говорю, конечно. Ну что вы... А это так всегда бывает. Они орут, как недорезанные. Да, подавай им и все тут. Прямо не знаю, что и делать? Как вы сказали? Стерилизовать? Как это стерилизовать? Ах кастрировать! — тут он взглянул на нас таким отсутствующим взглядом, будто нас уже давно тут не было и продолжил телефонный разговор.

— Да нет, нет, — тон его смягчился, — ну они же еще молодые, неокрепшие. У них даже хвостов-то, фактически, еще нет.

Тут мы с Сережкой переглянулись. Далась же этому изуверу наши хвосты. У Демушкина был хвост по высшей математике, действительно, не очень длинный, а у меня — по философии пропуск одного семинара. Но как это связано с работой на Маслосырбазе? И для чего им именно отстающие студенты—повременщики? Впрочем, может такие студенты быстро «вылетают» из института и приходят к ним на постоянную работу?

Тем временем Геральд Станиславович продолжал:

— А может и нужно стерилизовать... — рассуждал вслух Тухлевич, — Да, и оправляются они вообще где угодно, это просто кошмар. А может у вас есть куда бы их пристроить? А то я готов уже вышвырнуть их на улицу. Недавно один из них сорвал с окна новую штору.

Этими словами мы с Демушкиным были просто возмущены. Во—первых, какое право имел Тухлевич за нами следить, во—вторых, он наверняка нас с кем-то перепутал и в—третьих, мы никогда не были с ним знакомы и сорвать и у него штору не могли, а в общаге у нас штор не было не только новых, о и вовсе никаких. Скоро, однако, все выяснилось из дальнейшего телефонного разговора. Начальник вдруг неожиданно закончил разговор так:

— Нет, они не линяют. Расцветка замечательная — трехцветная. Не котята, а игрушки. Тамара Семеновна, я прошу вас, найдите моим котяткам хозяйку. Буду премного благодарен. Спасибо, спасибо. Всего доброго.

— Вот, слышали? — обратился он уже к нам, — никакого объявления не было. До свидания.

— Нет уж, простите, — не сдавался Демушкин, — на этот счет мы имеем оригинал документа.

С этими словами он подошел к начальственному столу и с усилием, как заядлый картежник, хлопнул о стол бумажкой сорванного с ворот объявления.

— Это самый настоящий документ, — объяснил Сережка, — что написано пером, не исправишь топором! Или вы предлагаете с милицией искать этого хулигана из вашей администрации?

При виде документа Тухлевич сразу обмяк. Было совершенно очевидно, что объявление настоящее, поскольку в нем чувствовался дух и слог руководства Маслосырбазы. Геральд Станиславович сразу узнал и особую бумагу, используемую только на их предприятии и, кто знает, может быть даже почувствовал запах масла или сыра?

— Гм, — впал он в искреннюю задумчивость, — кто же это мог дать такое объявление? Наверное, из цеха упаковки и комплектации. Ладно, я попробую потом узнать, зайдите завтра. До свидания.

С этими словами он хотел взять «документ» себе, но не тут-то было. Демушкин предугадал дальнейшие действия Тухлевича и быстро схватил объявление назад:

— Видимо, нам самим придется поискать автора. Ведь у нас болит сердце за предприятие, на котором нам, возможно, предстоит работать и выйти в славную когорту передовиков производства. Здесь же четко написано: «срочно требуются месячные», а это значит, что дело не терпит отлагательства.

Зажегшись пафосом Сережки, я тоже подхватил его настрой:

— Мы пришли как честные люди, услышавшие крик о помощи. По объявлению явно видно, что производство находится в опасности, под угрозой срыв плана и договорных обязательств. В этой ситуации мы просто обязаны, как комсомольцы, в конце концов, предпринять все возможные активные действия.

— Да, — продолжил Демушкин, — и начать их необходимо с дирекции базы. Тем более, что теперь у нас есть полное право сослаться на ваш отказ, Геральд Станиславович.

— Ну да, — подхватил я удачную мысль, чтобы не дать Тухлевичу опомниться, — такое положение дел на Маслосырбазе № 3 вообще достойно фельетона в областной печати.

Нет, мы с Сережкой не были искушены в производственной дипломатии. Трудно сказать, что нас толкнуло на эту почти ничем не прикрытую угрозу. Так совершенно случайно распорядилась жизнь. С другой же стороны, терять нам все равно было нечего. Однако в данном конкретном случае этот наш шаг оказался абсолютно правильным. Геральд Станиславович был просто-напросто зажат в угол:

— Ну и боевые вы ребята, как я погляжу. Ох и натерпимся, наверное, мы от вас. Сейчас я попробую выяснить.

Он опять снял телефонную трубку:

— Тамара Семеновна, пригласите, пожалуйста, заместителя начальника цеха готовой продукции. Передайте, что у меня тут то, что она давно ждала.

Через несколько минут в кабинет Тухлевича зашла энергичная габаритная женщина. Она была полной противоположностью начальника отдела кадров. Казалось, что она только что на секунду отлучилась от поля брани, что-нибудь вроде Куликовской битвы, и готова была тут же вернуться в гущу боя. Рыжие, разметанные во все стороны волосы, явно говорили о том, что салонов моды они никогда не видели. Черты лица боевой зам.начальницы были живыми, и наметившимися в неполных сорок лет морщинами выдавали ее веселый и властный нрав. Рабочая спецовка и почти мужские кисти рук явно свидетельствовали о том, что начальницей в полном смысле этого слова их обладательница вовсе не была, и ее лучше было бы определить спортивной терминологией как «играющий тренер», а еще лучше по-военному — «Красная комиссарша».

При ее появлении Плесневич невольно привстал и даже как-то ссутулился:

— Здравствуйте, Мария Ивановна, я вам тут вот подарочек приго...

— А, ребяташки, долгожданные, — сразу поняв, что к чему перебила Геральда Станиславовича комиссарша, и, не обращая на него внимания, быстро подошла к нам и протянула руку, которую мы с Сережкой по очереди пожали.

— Ох, как вы нам нужны, просто зашиваемся. Все девчата и мужики мои в три смены пашут, еле-еле справляемся, станок-то у нас сломался. Ой, молодцы, что пришли помочь. Станиславич, давай, оформляй их месячными. Студентики, небось? Вот и чудно, подработаете немного, небось копейка трудовая вам не лишней будет?

Тут она разразилась громким заразительным смехом, весело подмигнула нам и строго посмотрела на Тухлевича, который, казалось, боялся проронить и слово, но, все же, сказал:

— Ладно, мы их оформим с начала следующего месяца.

За это он сразу поплатился. Мария Ивановна даже не слушала его, это был какой-то ураган:

— Да, с завтрашнего дня. Да смотри, чтобы табель на них завели, выдали спецовочки поновей и сапоги по размеру. С такими молодцами мы живо дела поправим, — и сразу обратилась к нам, — Так ведь? А может вы еще и в станках разбираетесь, посмотрите что так к чему? Мои-то олухи не все со средним образованием.

Дальше дело завертелось быстро. Буквально минут за пятнадцать были оформлены все необходимые документы на повременную работу, мы договорились о времени нашего труда, месте и существовании работы.

Вышли с базы мы с Демушкиным приободренные и довольные своей неожиданной удачей, которая по вине типичного начальника отдела кадров чуть было не вильнула хвостом перед нашими повисшими носами. По пути домой мы долго обсуждали двух так непохожих друг на друга начальников и восхищались своим бойцовским поведением по отношению к Тухлевичу. Сегодня ему не повезло, — удача была не на его стороне.

Значительно позже мы еще узнаем, что неистребимая бюрократия поддается *только* под угрозой неприятностей. Некоторые личности рождены быть начальниками, другие же ими становятся с течением времени, но и те и другие ужасно опасаются тревог. По этой причине они становятся тормозом во всех новых, а иногда и старых делах у себя на предприятии. Что значит, например, подписать какую-нибудь бумагу? С точки зрения малопрозорливого подчиненного — это две секунды. Вот он приходит с новаторским предложением, с тайной радостью в душе, ведь сейчас его похвалят, подпишут предложение, и пошло производство налаживаться. Тут тебе и качество и производительность труда, а значит польза всему отечеству. После этого может премию выпишут или даже почетной грамотой наградят, чем черт не шутит? Но вот он — заветный кабинет со строгим и подозрительным начальником. Строгость и подозрительность возвращена в нем многолетним опытом и скопившейся мудростью. Что будет, если он подпишет новатору разрешение на внедрение? Какие будут реальные последствия? Этого никто не знает. Вон, в Китае перестреляли всех воробьев, чтобы не истощали урожай зерновых. Казалось бы, все правильно.

А получилось наоборот, расплывшийся никем не преследуемый гнус пожрал зерновые на корню так, что пришлось потратиться на закупку племенных воробьев за границей. Новаторство — вещь хорошая, а вдруг она обернется неприятностями? Внедрили, допустим, передовой метод. Производительность возросла. А куда теперь девать лишнюю продукцию? Круг потребителей ограничен, складские помещения и так забиты, значит нужно строить новые склады, нужно искать новых потребителей. Если же новатор еще и качество улучшил, это совсем беда, поскольку тогда нужно выработать новые стандарты. Но это еще полбеда, значительно сложнее их потом согласовать с более высоким начальством, ведь оно хоть и высшее, а тоже начальство. Все это требует моральных и физических затрат и вносит излишнее беспокойство в стабильный и налаженный производственный процесс. Вот тут и появляется начальственное правило: если ты еще можешь чего-нибудь не подписать — не подписывай. Нужно сказать, это правило действительно стоит на страже производственной стабильности. Именно поэтому новатор сначала отправляется к заместителю, от него, например, к главному конструктору или инженеру по технике безопасности и так далее. Остальное зависит от новатора: сможет или нет он создать ситуацию, в которой начальнику не поставить подпись под разрешением становится себе дороже.

Известен очень показательный случай с одним молодым авторским коллективом, прилагавшим энергию своего энтузиазма в области черной металлургии, а конкретнее, в производстве труб для больших нефтяных и газовых трубопроводов. Занимаясь исследованием качества выходящей продукции, молодые специалисты довольно быстро поняли, что все их изобретения по поводу улучшения качества труб никому не нужны. Тогда они приложили усилия в другом направлении и создали прекрасный прибор, позволяющий без особого труда определять в трубопроводах те участки, которые не сегодня — завтра станут причиной аварии.

Порадовавшись своей, как им тогда казалось, удаче, они пошли предлагать свой прибор на предприятиях, выпускающих трубы. Их везде хвалили, но резонно отвечали, что к выпуску труб это имеет малое отношение. Тем более, что выпускающим предприятиям аварии были выгодны, так как появлялась возможность дополнительного сбыта своей продукции, ведь после аварии приходилось менять большую часть трубопровода.

Энтузиасты не отчаялись и пошли со своим детищем к руководству трубопроводов. Руководство их хвалило еще больше, но внедрить прибор под разными предлогами тоже отказалось. В неформальных разговорах удалось выяснить, что на аварии списывалось сырьё больше, чем реально было потеряно, а следовательно, аварии, да еще с учетом страховки, были просто золотым дном трубопроводчиков.

Вполне резонно в этом случае было обратиться к страховой фирме, но и там новаторам было отказано по причине несовместимости страховой деятельности с инженерной. И кроме того, им негласно намекнули, что если аварии будут заблаговременно предотвращаться, то может отпасть и необходимость в самой страховке, а это уже страховым фирмам совсем невыгодно.

Оставалось предложить ценный прибор представителям Министерства по чрезвычайным ситуациям. Однако и там оказалось, что сотрудники министерства как раз имеют доход от аварий, а не от их отсутствия. Больше молодым ученым обращаться было некуда, и они кто раньше, кто позже, уехали за рубеж. Ходят, правда, слухи, что и там прибор не пришелся к месту, и его авторы стали работать над другими проектами.

Вот почему наша победа над Тухлевичем была значительной и имеющей свою непреходящую ценность. О новой работе мы с Демушкиным тут же сообщили Бадацкому и Каткову. Радость за нас была всеобщей и весь оставшийся день мы провели с хорошим настроением.

Наступил и первый рабочий день. Нам с Сережкой дали по полставки техников с режимом работы в вечернее время. Теперь мы могли получать дополнительно к стипендии еще 40 рублей, что ставило нас просто в тепличные условия. Работа оказалась не очень сложной, но рутинной, то есть очень однообразной, — мы резали на куски по 200 граммов сливочное масло и далее заворачивали их в специальную бумагу с реквизитами товара. Для разрезания использовались весьма старые и тяжелые механические неэлектрифицированные резакИ, а для заворачивания — просто руки.

Первое, что мы увидели, войдя в цех, был довольно новый, судя по краске и техническим элементам, станок. Как нам объяснили, именно этот станок и служил в тот момент гарантией нашей занятости на производстве. Станок предназначался для нарезки и упаковки масла в пачки и очень долго и качественно работал, пока не сломался по неизвестной никому причине. Сейчас возле него колдовали два электрика. То, что этот процесс был действительно колдовством, было видно сразу. Они долго стояли в таинственной задумчивости, потом плавно, словно исполняя ритуальный танец, совершали вокруг станка 5-6 туров этого танца и вдруг, остановившись, видимо, поймав нужный момент, начинали громко кричать и размахивать руками, взывая к неведомым потусторонним ремонтным силам. Кульминацией всех таинств, как правило, становился фейерверк с большим количеством дыма разных цветов, который появлялся сразу после того, как монтеры делали попытку посмотреть станок изнутри. Все это, как оказалось позже, происходило с педантичной регулярностью каждый день, а иногда и понесколько раз в день.

Электрики были выразительными личностями. Один из них был худощав и высок, имя при этом необыкновенно узкое, выдающееся вперед и

ровное ото лба до подбородка лицо с необычайно близко посаженными глазами. Его облик был схож с хорошим развалистым дровяным топором. Второй монтер являл собой противоположность первого, будучи низкорослым и равномерно округлым, причем не столько толстым, сколько плотным и жилистым. Голова его была усиленно всажена в плечи и была покрыта широкой, некогда бывшей меховой, шапкой. Тут напрашивалась полная аналогия с куском бревна, или, точнее, с пеньком.

Вдвоем работяги вызывали у смотрящего на них воспоминания о жутких средневековых временах и казнях на лобном месте. По крайней мере, мне-то сразу бросилось в глаза их сходство с плахой. Этими соображениями я сразу поспешил поделиться с Демушкиным. Тот же, имея привычку к возражениям, сказал, что электрики скорее напоминают ему не очень свежую подсохшую селедку с хорошей кружкой пива, тем более, что именно такой запах от них и исходит.

И все-таки, «Селедка» и «Пиво» были не очень хорошими кличками, поскольку по родовому признаку не могли соответствовать мужчинам. В силу этой банальной причины, мы закрепили за работягами негласные прозвища «Топор» и «Пень».

Справедливости ради, однако, стоит заметить, что при таких не очень уж благозвучных прозвищах Пень с Топором вызывали в нас определенный интерес и не были лишены уважения со стороны других рабочих, а нас в том числе.

Во-первых, потому, что наряду с Марией Ивановной одни были самыми колоритными фигурами, явно выделяясь на фоне других рабочих (главным образом, это были малозаметные работницы).

Во-вторых, они хоть и терпели поражение каждый день в сражении со станком, но это было поражение электрическим током и у кого угодно могло отбить охоту к следующим сражениям. Наши же герои никогда не сдавались и не без гордости за свою опасную профессию входили в цех. Завидя их, верующие женщины начинали креститься, другие же всегда выражали взглядом свое сострадание, ведь все мучения Пень с Топором принимали ради облегчения жизни всех остальных работников.

Монтеры опять принимались за ремонт и, через 15-20 минут непременно слышался треск электрических искр и громкие русские ругательства подраненных электриков. Кого в этот раз стукнуло током, можно было определить издали, так как Топор всегда начинал ругательства со слов: «У-у-у, б...», а Пень с громкого: «Ах ты, с...».

Как бы то ни было, а дни шли за днями, станок починить не удавалось. Даже наоборот, в нем сгорали все новые и новые детали, которые зачастую были дефицитными, а значит, на их ремонт или замену требовалось приличное время. Нас с Демушкиным это вполне устраивало, и мы работали не покладая рук, пытаясь все время как-нибудь усовершенствовать свой труд

малыми средствами механизации, что обычно приводило к хорошим результатам.

Таким образом, план мы всегда выполняли и даже освобождали себе время для отдыха. Были, правда, у нас и свои неприятности. Учетчицей продукции цеха была косоглазая тетя Клава, которая все время норовила наложить на нас штрафные санкции, подозревая нас в поедании части готовой продукции. И хоть это было не так, вернее, не совсем так, мы никак не могли оправдаться и все время лишались премий.

Кроме того, мы были вынуждены выполнять повышенные нормы. Что сказать, конечно, мы иногда могли съесть какие-нибудь обрезки масла, но вряд ли их общий вес превысил бы 150 грамм в день на брата, а это было учтено в нормах естественных потерь. Реальная причина гонений на нас с Сережкой заключалась, скорее всего, в другом.

Тетя Клава и некоторые ее подружки частенько, как бы это получше выразиться, ну, скажем так, уносили фрагменты готовой продукции домой, видимо, чтобы показать ее своей семье и родственникам, а приносить ее назад забывали. В некоторых случаях естественные убытки продукции бывали превышены и превращались в малоестественную недостачу. Тогда ко многим применялись жесткие санкции. Эти многие как раз не входили в круг близких знакомых тети Клавы, продукцию домой не носили, но для острастки все же наказывались рублем, чтобы было неповадно. И хотя рабочие к этому уже привыкли, нам с Сережкой это было очень обидным.

У себя в общежитии мы тоже выслушивали не очень приятные намеки Бадацкого на то, что мы, дескать, объедаем на своей работе свою великую Родину, никак не делясь с ее наиболее лучшими представителями. Таким представителем Шура, конечно, считал себя, а иногда относил к ним и Мишу Каткова. Миша был человеком честным, но при таких словах все же не без доли недоверия поглядывал на нас с Демушкиным. Напрасно мы пытались объяснить, что на базе существует жесточайшая пропускная система, сопряженная с тщательным обыском всех выходящих.

— Ерунда все это, отговорки, — возражал Бадацкий, — а как же выносит масло ваша любимая тетя Клава? Неужели в самом потайном месте?

Что и сказать, мы с Сережкой сами не могли этого понять. В то же время получалось, что лишая нас части зарплаты, база задолжала нам в пересчете на то же масло 14 двухсотграммовых пачек! По словам Шуры Бадацкого именно это количество продукции мы теперь имели полное право принести домой, так сказать, бесплатно, чтобы, например, показать ее своим друзьям, разделив с ними радость от результатов труда. И хоть мы с Демушкиным понимали, что так поступать нельзя, но настойчивые ежедневные доводы Бадацкого со временем убедили нас в частичной справедливости его слов. Однако, что с того толку, ведь на базе был

действительно очень жесткий контроль. Но стоило нам как-то в этом духе высказаться, как Шура тут же взвился, озаренный новой идеей:

— Да вы поищите, мужики, наверняка найдете какую-нибудь дыру в пространстве. Кладешь в нее масло, а оно возникает у тебя на столе. За Клавой этой проследите, проявите исследовательскую жилку! Вы же — будущие командиры производства, как же вы будете жить, если не можете решить такой простой задачи!

Нет, в тот раз мы с Демушкиным проявили героическую честность и полностью отказались воплотить Шуркину идею. Однако, вскоре поймали себя на том, что в часы отдыха пытаемся под разными предлогами походить по базе и приглядеться к ее пограничным строениям. К тете Клаве у нас тоже стал проявляться более серьезный интерес, чем ранее. Вскоре, мы уже не скрывали друг от друга, что пытаемся найти разгадку проблемы, поставленной как-то Бадацким. Нет и нет, сколько мы не пытались, ничего не получалось: никакой даже самой маленькой дырки ни в бетонном ограждении базы, ни в каких-либо пристройках не было. Но вот, как принято говорить в подобных случаях, уже отчаявшись, мы вдруг напали на одно из возможных решений, в чем, как всегда, помог Его Величество Случай.

Тот день начинался очень необычно. Хотя и было весеннее время, резко ударил холод и пошел снег. Тучи так заволокли небо, что без наручных часов трудно было разобрать, что сейчас за время: день или вечер. По часам, правда это тоже было узнать сложно, так как снег попадал и в глаза, и на стекло хронометра.

Городской транспорт катастрофически опаздывал, а изредка даже сбивался с маршрута. Резко возросло число аварий. И что уж совсем непонятно, из водопроводных кранов, из которых должна бы идти горячая вода, вдруг действительно пошла горячая вода, что могло служить явным доказательством растерянности и бездействия местных властей. Чаще и громче, чем всегда в подворотнях выли собаки, в подъездах орали коты, а на помойках кричали вороны.

Что-то явно назревало и обязательно должно было случиться. И действительно случилось. Вечером Пень с Топором пришли в цех какими-то неестественно возбужденными, они даже икали и пошатывались, а изредка пытались исполнить какую-то очень знакомую песню про войну. Песня им явно не давалась, и они решили приступить к ремонту станка. Как и обычно, они сначала молча стояли возле него, потом несколько раз обошли его. Но нам сразу бросилось в глаза, что в нарушение сложившейся традиции обхода строго по часовой стрелке, мастера обходили теперь его в другом направлении.

Возможно, именно поэтому ремонтировать станок они стали с другой, ранее не исследованной ими стороны. Сначала ремонт шел хорошо, что можно было заключить из частых то удивленных, то восхищенных

восклицаний работяг. Однако, в какой-то момент восклицания прекратились, сменившись громким натужным сопением и кряхтением.

Было ясно, что этот этап работ был сопряжен с серьезными физическими усилиями. И вдруг вместо привычного треска электротока и снопа искр раздался прямо-таки взрыв. Вместо привычных «У-у-у, б...» и «Ах ты, с...» мы слышали только слабые звуки «У-а-у-а-у-а...», которые и вовсе вскоре стихли.

Мы с Демушкиным быстро бросились электрощиту и отключили питание. Пень с Топором лежали вповалку, причем сверху был Топор. Они лежали неподвижно и, судя по всему, в ближайшее время встать не собирались. Сознание еле теплилось в их удивленных глазах. Рабочие осторожно уложили их на подстеленные телогрейки и вызвали скорую помощь. Сразу скажу, что в больнице наши электрики быстро оклемались и на следующий день были готовы к продолжению ремонтных работ.

В этот раз мы с Сережкой вдруг поняли, что Пень с Топором ежедневно подвергались буквально смертельной опасности. С грустью нам вспоминались гордые слова Топора: «Электрический ток придуман для испытания настоящих мужчин». Вспомнив их, мы решили помочь с ремонтом злосчастного оборудования. В конце-то концов, кое-что в вузе нами в этом отношении изучалось, например «Теоретические основы электротехники», «Основы микроэлектроники» и, видимо, в данном случае самое важное — «Безопасность жизнедеятельности». Из последней дисциплины мы помнили самые важные правила: с электричеством нужно работать не менее, чем вдвоем, при отключенном напряжении, и ни в коем случае не братья за контакты двумя руками, стоять же при всем этом надо на резиновом коврике. Из других дисциплин важным было то, что любая неисправность электроустройства — это существование контакта там, где он не нужен или отсутствие контакта там, где он необходим. И хоть нам был выгоден простой станка, а с вводом его в действие мы моментально лишались работы, было решено помочь монтерам хотя бы как-нибудь обезопасив их.

Я испросил разрешение посмотреть станок у Марии Ивановны, которая долго протестовала против таких работ, справедливо ссылаясь на отсутствие у нас соответствующего допуска к работе с электрооборудованием, но под нашим жестким натиском все же согласилась на ремонт под нашу ответственность. Ответственность заключалась в том, что нам разрешат остаться якобы на сверхурочную работу, когда все уже уйдут, а мы, дескать, без разрешения сами будем заниматься ремонтом. На том и порешили.

Когда все рабочие разошлись, мы приступили к работе. Станок сначала был полностью обесточен, затем аккуратно открыты его щитки. Устройство оказалось не очень сложным и главным образом состояло из механики. Всех электроприборов было всего-то: трансформатор, несколько реле,

сопротивлений и конденсаторов. Довольно быстро Демушкину, уже имевшему некоторый опыт в подобного рода делах, удалось определить неисправное реле и заменить его из запчастей, оставшихся от наших неудачников—предшественников. Кроме того, мы обнаружили полное отсутствие заземления корпуса станка и паразитный контакт с корпусом, что со всей очевидностью и служило причиной постоянных страданий Пня с Топором.

Отойдя от станка подальше, мы включили его на расстоянии, используя общий приборный щиток. И что же? Он заработал! Какая радость в первый момент обуяла нас, мы чуть не прыгали от счастья. Однако, хорошенько подумав, решили, что увольнять себя с работы — дело не только жестокое, но и глупое. Конечно, снова ломать оборудование было бы неправильным. И мне пришло в голову другое решение: а что, если мы несколько изменим схему подключения. Пусть, например, станок работает, но как-нибудь не очень быстро и не очень правильно. Эту мою мысль Демушкин сразу подхватил и развил как раз в нужном направлении:

— Нужно, чтобы станок работал не только медленно, но и только с помощью двух дополнительных рабочих.

Вот тут нам действительно пришлось потрудиться. Мы поочередно отключали то одно, то другое реле, меняли конденсаторы и сопротивления. После двухчасовых опытов нам удалось-таки добиться своего. Подбором конденсатора электродвигателя мы снизили скорость работы механизмов, а отключением первого и последнего реле добились того, что станок не мог сам захватить заготовку и на противоположной стороне не мог выбросить в выходную кассету готовые пакеты с малом.

Таким образом, для работы агрегата требовались еще двое рабочих: один — подающий вручную заготовку на вход, другой — вытаскивающий пакеты на выходе. Мы были полностью удовлетворены. И тут, по привычке, присев отдохнуть, принялись оглядывать цеховое помещение. Толи по божественной воле, толи от того, что мозг еще продолжал усиленно работать, мне почти одновременно с Демушкиным бросилось в глаза сливное отверстие в полу. Оно было необходимо при промывке станка после работы, так как служило для отвода использованной при мытье воды. Но ведь вода куда-то должна уходить, неужели в канализацию? Что ж, это было бы вполне логично.

Но нам повезло и тут. Проследив путь сливной трубы, мы увидели почти необъяснимую картину: труба просто была выведена под забор Маслосырбазы в направлении старого оврага, тянувшегося через всю городскую рошу. В овраге обычно действительно тек ручей, впадавший в городской пруд. Ну что ж, это было настоящее открытие!

Домой мы шли с Сережкой возбужденными и счастливыми. Нет, не из-за найденной сливной трубы, она была достаточно длинна, да и уклон для

слива был самый минимальный. Если бросить туда пакет с маслом, можно было быть уверенным, что он тут же застрянет, не проплыв по сточной воде и полуметра. Да и кому нужно масло, побывавшее в грязи. Радость наша относилась к удачному ремонту, к тому, что монтеры не будут более испытывать жестоких мучений, а мы, скорее всего, не лишимся работы.

Дома мы наперебой рассказали про все сегодняшние события и были немало удивлены абсолютному безразличию к нашим подвигам со стороны Каткова и Бадацкого. Их взгляд, казалось, говорил: «Конечно, мы бы сделали что-нибудь даже получше, а эти строят из себя героев». Правда, такое отношение к нашему рассказу сохранялось лишь до тех пор, пока Демушкин не упомянул о сточной трубе.

— Вот! — вдруг вскочил Шура, — вот оно, то, что нужно, молодцы, мужики! С этого и надо было начинать.

— А что толку, — возразил я, — по этой трубе пакет не пройдет даже под приличным напором. А если бы и прошел, то слился бы с грязью.

— Зачем же быть таким пессимистом, — задумчиво сказал Шура, — не надо с грязью, надо без грязи. Пакет должен проходить, когда в трубе воды как раз нет.

— Ну, это уж совсем нереально, — поддержал меня Сережка, — слишком мал уклон.

— Значит, надо протянуть по трубе нитку, всего и делов! — осенило вдруг Бадацкого.

— Да ты что? Длина трубы — метров тридцать, по диаметру пачка масла туда если и войдет, то ровно-ровно. Просунуть же туда нитку — чистая утопия, — урезонил я Шуру, который сдаваться вовсе не собирался.

— Погодите, не торопитесь, я нутром чую, что тут должен быть какой-нибудь выход. Нужно просто хорошенько поразмыслить.

И действительно, в комнате наступила тишина. Все мы поневоле занялись решением этой сложной задачи. Я, Катков и Демушкин — скорее из интереса, чем для реального применения, Бадацкий же — совсем наоборот, абсолютно серьезно. Было так тихо, что стало слышно, как в своей банке шелестит бумагой мышонок Иона...

Теперь пусть читатель сам предложит какое-нибудь решение. Конечно, конечно, оно лежало на поверхности и было нами весьма быстро найдено.

Тренировка Ионы заняла у нас целую неделю. Из старых ватмановских чертежей по курсовым проектам было сооружено несколько звеньев бумажной трубы, общей длиной почти в комнату. Перед началом занятий труба собиралась, в конце — разбиралась и укладывалась под кровати. Сембугамуртхи поначалу никак не хотел лезть в длинный, идущий кверху тоннель. Иногда же он возвращался с полпути. Вскоре он все-таки усвоил, что единственная возможность получить кусочек сыру — это все-таки лезть по трубе до конца, где, собственно и поджидал его обед.

Через неделю успехи были впечатляющими. Иона, завидев трубу, сам бросался в нее и с невероятной скоростью добегал до ее конца. Как ни странно, он даже не обращал внимание на нитку, привязанную несколько позже к его хвосту. Если бы с нами в то время был бы Александр Васильевич Суворов, он, наверное мог бы сказать: «Тяжело в учении — легко в бою». Думаю, наш полководец был бы вполне доволен выучкой Ионы. И вот время «боя» наступило.

Как мы думали, Мария Ивановна была довольна результатами нашей с Демушкиным работы и согласилась на то, что бы мы на первых порах помогали станку, пока полностью не отремонтируем его. Даже тетя Клава стала на нас смотреть с уважением и в очередной раз не лишила студентов заслуженной премии. Мы же, в свою очередь, иногда оставались после смены, чтобы «отремонтировать» станок до конца. Днем же, когда шли занятия в вузе, станком занимались Пень с Топором. Током их больше не било, и они даже утратили в своем облике часть героизма. Станок же они чинили регулярно, причем так, что нам иногда по часу перед сменой приходилось приводить его в рабочее состояние. Пень с Топором ежедневно удивлялись, как же этим чахлым студентам удастся вновь наладить основательно разобранный агрегат.

В день торжественного пуска Ионы в сточную трубу мы с Демушкиным как обычно задержались после смены «для ремонта станка». Ремонт, конечно, мы не занимались. В условленный час крышка водостока была открыта, и вокруг образовавшегося отверстия были разбросаны сырные крошки. Для большей видимости на отверстие была направлена осветительная лампа.

Все прошло почти гладко. Бадацкий с Катковым запустили мышонка с противоположной стороны трубы и, через каких-нибудь полминуты Иона выбежал к нам с Сережкой. К хвосту Сембугамуртхи была привязана прочная нитка. Мышонок выбрался на свет и на какое-то мгновение застыл в нерешительности. Этого было достаточно, чтобы поймать его и отвязать нитку. План был блестяще реализован! Но не все так просто на этом свете. Всегда спокойный Иона каким-то шестым чувством почувствовал свободу. Как только он был освобожден от нитки, он резко рванулся из сережкиных рук и с небывалой скоростью бросился к приоткрытой двери цеха.

Нечего и говорить, как мы были удивлены и не сразу поняли произошедшего. Иона несся с такой энергией, что догонять его было почти бессмысленно. В дверях же случилось то непоправимое, что в этих случаях обычно любит готовить глупым слабым мышатам хитрая и необоримая судьба. И как там оказались Пень с Топором? Вопрос с Ионой был решен ими в одночасье. Пень с завидной реакцией наступил Ионе на хвост и крепко продолжал его держать, а Топор без лишних слов снял с ноги ботинок и со

всей силы ударил Иону по голове. Все было кончено. Пень с Топором выполнили свою миссию.

Мы с Демушкиным даже не успели крикнуть ни слова в защиту мышонка. Позже, естественно, все выяснилось. Монтеры чисто случайно решили на этот раз «помочь» нам в ремонте станка, тем более, что к этому давно толкало их начальство. Они оказались хорошими мужиками и честно сознались в своем полном незнании нового оборудования. Мы, со своей стороны, тоже были растроганы и сообщили главные вехи биографии Ионы Сембугамуртхи, не утаив при этом и его сегодняшних обязанностей.

К нашему удивлению, монтеры были потрясены рассказом и искренне огорчились происшедшему. Мы тоже были в абсолютно упадническом настроении.

— Эх-ех-эх, — сказал в конце рассказа Пень, — что же вы, орлы, нам сразу не сказали за эти 12 пачек, мы бы вам их и так вынесли.

— А мышей тут много, — поддержал его Топор, — если хотите, завтра мы вам их с десятков притащим.

— Не в том дело, — ответил я.

— Да уж ясно, не в том, — посочувствовал Топор, — небось, со станком теперь нам не поможете?

— Чего уж там, расскажем, — сказали мы переглянувшись.

С полчаса ушло у нас на растолковывание электрикам принципа работы станка. Оборудование, наконец, было полностью налажено. Вот, собственно, и все.

С работы мы уволились. На выписанную за отремонтированный станок премию монтеры купили нам ящик Жигулевского пива и два килограмма сушеной воблы. В отдельном пакете принесли 12 пачек сливочного масла. Все были довольны. А работать мы дальше все равно бы не могли, — вскоре начиналась зачетная неделя.

КАК СТАТЬ ОБЕЗЬЯНОЙ

Вопреки вполне очевидному заголовку речь сейчас пойдет совсем не о гороскопах и не о годе лошади, крысы или той же самой обезьяны. Тут необходимо вспомнить некогда известную в студенческих массах аббревиатуру — ССО. Как бы вы ее расшифровали? А как не расшифруй, все— равно смешно получается. На самом деле, это — Студенческий Строительный Отряд. Сами же студенты чаще говорили, что ССО — это современный способ отдохнуть. С другой стороны, рабочие, трудившиеся вместе с каким-нибудь ССО, называли их стадом сопливых обезьян. На мой взгляд, рабочие были более всего близки к истине, ведь в строительном отряде студенты становились настоящими людьми, причем, посредством физического труда.

Как тут не вспомнить слова великого Ф. Энгельса, прозорливо утверждавшего, что труд сделал человека именно из обезьяны. Худо-бедно, но все мы с вами — приматы.

Какими только эпитетами и метафорами мы не называем друг друга. Какие только животные не приходят нам на ум, когда мы по-дружески обращаемся к друзьям. «Эй, ты, осёл, быстро неси сюда вон ту хреновину», — говорим мы своим друзьям. Или «почему же, ты, собака, мне не

позвонил?». Своих любимых мы поначалу сравниваем с ланями, кошками и голубями, а в последствии — с другими более парнокопытными животными. Нам просто не приходит на ум называть своих коллег или знакомых приматами.

Иной оратор долго выбирает, как обратиться к публике, сказать «уважаемые господа» или «дорогие товарищи». А ведь насколько проще было бы обращение, например: «братья приматы!». Стало быть нет ничего удивительного в том, что для того, чтобы стать настоящим человеком, студент сначала должен превратиться в настоящую обезьяну, а уж потом воспользоваться волшебными свойствами труда.

Теперь возникает насущный вопрос: «Как все-таки стать обезьяной?». Так вот. Оказывается, самый лучший способ — это все тот же ССО. Я постараюсь привести наглядный пример из моей студенческой практики.

Существует известная крестьянская поговорка: «месяц год кормит». Тот месяц, который студенты проводят в стройотряде, выполняет почти те же самые функции. При удачно сложившихся обстоятельствах в какой-нибудь деревне или поселке можно за месяц заработать на вторую ежемесячную стипендию в течение целого последующего года. Но повторяю, только при удачно сложившихся обстоятельствах, поскольку в данном случае качество и производительность труда практически не играют особой роли. Совсем другое дело с такими обстоятельствами как:

- 1) кто заказывает работу;
- 2) какая именно предстоит работа;
- 3) кто и как обеспечивает снабжение материалом для работы.

Заказчик должен быть нескупым и честным, работа должна стоять в тарифной сетке как высокооплачиваемая, а снабженец обязан быть таковым от природы. Справедливости ради стоит сказать, что все перечисленные обстоятельства складывались удачным образом совсем не редко.

Я думаю, теперь становится ясным, почему один из месяцев очередного лета наш маленький коллектив, то есть коллектив комнаты в общежитии, решил провести с трудовым подъемом, или, как раньше говорили, в активном отдыхе.

Стройотрядов хватало. Вся институтская доска объявлений ломилась от приглашений на те или иные трудовые фронты. Здесь предоставлялась возможность сельскохозяйственных работ по прополке и окучиванию, уходом за поросятами и работе на фермах, а также неквалифицированному труду на товарных станциях и в цехах промышленных предприятий. Но из опыта было хорошо известно, что эти работы давали скорее моральное и физическое удовлетворение, нежели материальное вознаграждение. Зашибать полновесную копейку имело смысл лишь на сдельно—премиальной работе по отдельному договору с каким-либо крепким хозяйством.

В тот достопамятный год нам с Мишей Катковым и Сережкой Демушкиным крупно подфартило — удалось записаться в числе первых в стройотряд, фронтом деятельности которого были отделочные работы в почти достроенном сельском клубе, или, как звучало более модно, дворце культуры. В ССО предстояло находиться весь июль и одну неделю августа, так, что оставалось время и для последующих летних каникул.

Командиром отряда был избран наш профорг группы, то есть представитель студенческого профсоюзного комитета. Звали его Виктор Сидорчук, в нашей же студенческой среде — просто Витек. Он, в свое, конечно, время, был создан природой для руководящей должности. Так это было или нет на самом деле, судить трудно, но к должности такого плана он готовил себя большую часть своей сознательной жизни. В силу этой причины Витек был всегда для всех чутким и отзывчивым товарищем. Он всегда готов был помочь всем, чем мог, любому, чем вызывал к себе уважение студентов.

Другое дело, что, как чаще всего оказывалось, помочь он особо ничем не мог, поскольку учился не слишком преуспевающе, жил не в очень богатой семье, не слишком увлекался спортом или какими-либо другими занятиями, которые у нас в России принято назвать «хобби». Однако, Витек всегда всех поддерживал морально, обязательно по поводу любой чьей-либо неудачи выражал пострадавшему сочувствие и готовность помочь, чем может. Его чистосердечные переживания за всех окружающих были постоянны и, судя по всему, не покидали его ни на миг.

Иногда этой своей особенностью он мог обескуражить кого-нибудь, кто еще не был посвящен в тайные мысли Сидорчука. Он, например, мог находиться среди друзей в шумном застолье всеобщего праздника и при этом даже веселиться. Однако, веселье Витька было особенным. Он никогда не позволял себе громко хохотать или над кем-нибудь подтрунивать. Удачно высказанную кем-нибудь шутку Сидорчук принимал стоически, то есть он при этом понимающе улыбался, говорил вслух:»Ха», но тут же возвращался к серьезному озабоченному выражению лица.

Как то раз, в один из этих моментов я решил у него поинтересоваться:

— Витек, ты что такой невеселый, кругом ведь праздник, давай оторвемся на всю катушку.

Меня тогда буквально ошарашил его искренний ответ:

— Ты знаешь, о чем я сейчас думаю?

— Не-ет. — помотал головой я, поскольку всегда полагал, что во время шумного веселья думать о серьезных вещах, это все равно, что ходить отсыпаться на ипподром.

—Я не просто думаю, — пояснил Витек, — я мечтаю. Мечтаю о том, чтобы все-все люди на свете жили бы хорошо. Были все здоровы и

счастливы, и чтобы не было у них никаких горестей и несчастий, вот как у вас у всех сейчас.

— Ну и молодец, — весело воскликнул я, — так подними за это тост!

— Эх ты, — осуждающе посмотрев на меня, покачал головой Сидорчук, — это совсем другое, это — намного серьезнее.

Трагичность его интонации при этих словах пробрала меня тогда до мурашек за воротником. А и то сказать, трагизм в той или иной мере преследовал Витька всегда. Ему не везло в любви и в картах, в учебе и в спорте, на работе и в быту. Причем, если серьезных несчастий с ним обычно не случалось, то в мелочах бог над ним явно прикалывался. Сидорчуку обычно не доставалось нужной литературы в вузовской библиотеке, он всегда опаздывал на троллейбус, и дождь на улице начинался всякий раз, когда Витек не брал зонтик и легко одевался.

Одним из знаменательных свойств нашего профорга было совершенно необъяснимое явление, повторяющееся с ним настолько регулярно, что у находившихся рядом с ним студентов возникала вера в существование мистических сил. Дело было в том, что если Сидорчуку приходилось занимать очередь за каким-нибудь дефицитным товаром, то есть становиться в конце более или менее длинной очереди, как за ним ее уже больше никто не занимал. Проведя в такой очереди, скажем, полтора—два часа, Витек либо покупал товар, либо товар на нем заканчивался, но суть была совсем в другом: стоять в очереди ему, как оказывалось, было просто незачем. Он просто мог подойти через полтора часа и либо купить товар без очереди, либо убедиться, что товара уже нет.

Странность была также еще и в том, что вы могли встать в очередь вместе с Витьком и даже как бы пропустить его вперед. В этом случае очередь никто не занимал уже за вами, а вот товар все равно заканчивался перед Сидорчуком. Зная эту особенность нашего профорга, мы, если видели, что он становится в очередь, просто не вставали за ним, чтобы не попадать в подобную ситуацию. Так, что странный эффект, возникающий в очередях при появлении Витька, мы так и называли «эффект Сидорчука». Впрочем, это был славный малый и кому, как не ему, можно было поручить руководство стройотрядом.

Отряд был сравнительно небольшой — 12 человек. Наша общажская комната входила в него, как уже было сказано, полным составом.

Летняя сессия была позади, превосходным настроением светились наши глаза, кипучая энергия переполняла мускулатуру, в походных сумках томилась от скуки нехитрая сменная одежда, не давая позвякивать бутылкам с портвейном «777» или, как говорили в народе — три семерки.

Точкой старта недолгого пути на место работы была пригородная платформа городского вокзала. По вокзалу, изнывая от жары и жмурясь от июльского солнца, ходили туда-сюда всяческие пассажиры, но никаких

навесов для тени, ни тем более прохладительных напитков, они найти не могли. В те времена, о которых идет речь, это было просто немодно. Зато на вокзале были лавочки для сиденья, что в других местах города обычно не допускалось. При соответствующих усилиях городских властей лавочек, наверное, не было бы и здесь, да только сделаны они были еще до революции из такого тяжелого чугуна, что убрать их представлялось весьма нелегкой задачей. На лавочках и расположился наш ССО.

Сделав несколько деловых замечаний, Витек побежал в железнодорожные кассы за билетами, так как мизерная авансовая сумма на организационные расходы была полностью поручена ему. Что касается сделанных им деловых замечаний, они были скорее не очень оригинальными и, на первый взгляд, даже показались нам излишними:

- 1) не разбредаться по вокзалу;
- 2) громко не кричать;
- 3) окурками не сорить;
- 4) не приставать с плоскими шуточками к проходящим мимо девушкам;
- 5) не пить вино.

Вполне естественно, никто из нас и не собирался ничего такого делать, по той простой причине, что нам это просто не приходило в голову. Мы и хотели бы чем-нибудь заняться, но пока не знали чем и запросто скучали, одновременно изнывая от жары. Замечания Сидорчука мы и вовсе пропустили мимо ушей. Вернее, нам сначала так думалось.

Однако, позже все оказалось не совсем так. Поскучав пару минут, мы волей-неволей вспоминали сказанные командиром слова и все же, какое-то время опять не придавали им значения, пока кто-то не сказал:

— Послушайте, мужики, что это там говорил Витек насчет вина?

— Да какую-то ерунду, вроде того, что мы должны вести себя достойно и т. д., — отозвался кто-то другой.

И тут вдруг оживился Шура Бадацкий:

— Интересно, как вы думаете можно вести себя достойно по отношению к вину?

Умело поставленный вопрос Бадацкого заставил всех оживиться и даже призадуматься. Первым, кто через чур банально попытался на него ответить, был Катков:

— Вести себя достойно по отношению к вину — это значит не пить его.

— Вовсе нет, — возмутился Шура, — не пить вино — значит не уважать его, ведь оно как раз для этого создано.

— Правильно, — вдруг поддержал его Демушкин, — а не уважать кого-либо или что-либо — это не значит вести себя достойно по отношению к ним.

Тут возникла некоторая пауза, вызванная перевариванием такого странного коллективного рассуждения. И то сказать, не просто строить

логические умозаключения, когда в голове происходит солнцепёчное мление.

— Да нет, вступил в дискуссию еще кто-то, Витек не мог сказать про достойное отношение к вину, он таких слов даже не знает.

— Пусть так, — сказал Бадацкий, — ну а про вино-то он вообще говорил?

— Конечно, говорил, это я точно помню, — подтвердил Демушкин.

— Ну что ж, мне идея нашего командира в чем-то нравится, — продолжил Шура, — а мировецкий все-таки он парень! Хочешь — не хочешь, а придется-таки хряпнуть за него по стакашку.

И хотя среди нас были студенты, не очень уважительно относившиеся к спиртному, они вынуждены были подчиниться приказу командира, потому, что теперь считались *бойцами* стройотряда, в котором должна быть идеальная дисциплина.

Как сразу оказалось, вино, пусть в малом количестве, но в июльской жаре и без закуски резко повышает жизненный тонус. Мы неспешно закурили...

По вокзалу разлился розовый театральный свет. Утомленные и озабоченные лица спешащих в разные стороны пассажиров стали казаться добродушными и жизнерадостными. Значительно стройнее и симпатичнее стали проходящие мимо нас девчата. Иные из них несли нехитрые пожитки, другие уже их донесли до платформы и скучали в ожидании своего поезда.

— Кстати, — вспомнил я, — по-моему, Витек также что-то говорил о девушках.

— Наверное, он говорил, что и по отношению к ним мы должны вести себя достойно, — задумчиво добавил Бадацкий и выразительно посмотрел на Мишку Каткова, на что тот сразу одобрительно кивнул, хотя и мучался подступающим рвотным рефлексом после выпитого на жару вина.

— Интересно, что он при этом имел в виду? — отозвался уже начавший было дремать Демушкин.

— А это уже в зависимости от обстоятельств, — откликнулся я, — по-моему, девушкам надо помогать.

— И вообще, нельзя допускать, чтобы они скучали, — дополнил мое предположение Шура.

И тут, наконец, подал голос Дима Мухин:

— Нет уж, нам самими вина не хватает!

Надо сказать, что Дима был принят в наш отряд с параллельного факультета вопреки сложившейся самодостаточной факультетской традиции благодаря внешним данным. По-домашнему упитанный, росту он был около двух метров и занимался штангой. Ему сначала хотели дать банальную детскую кличку «муха», но потом остановились на более точном варианте «слон». Мухой называл его только Бадацкий, который сразу заявил, что

нечего делать из «мухи» «слона». Слон на клички не обижался, но Шуру он, почему-то, уважал более всех нас.

— С вином — это кому как, — выдал из себя Катков, которого уже явно тошнило.

— А все же, чего на девок пялиться, давай лучше себе накатим еще по стакашку, — пробасил Слон.

— Слушай, Муха, сразу видно, что ты не служил в армии, — одернул Слона Бадацкий, — приказ командира — закон для подчиненного! А в прочем, одно другому не мешает. Ребята, уважьте салагу.

Слон залпом осушил стакан.

— А, — сказал он, — небрежно махнув рукой, — как хотите, — я не против дисциплины.

Поодаль, на соседней платформе, две девицы сидели на чемоданах. Как известно, девичья красота по-настоящему оценивается только после хорошей порции спиртного. На этот раз девки почему-то были весьма симпатичными. Так что, многие из нас восприняли их скучающие физиономии за мимику любовного томления.

— Не встать мне с этой привокзальной скамейки, — оживился Бадацкий, — если эти старухи не мечтают сейчас о тайных любовных похождениях. Им грезятся влажные дубравы, могучие папоротники, припадающие грязными корнями к прохладному ручью лесного чайного цвета и наши с вами жаркие, но нежные объятия, исполненные страстью и трепетом потных и липких ладоней.

При этих словах одна из девушек вдруг выпрямилась и с тоской посмотрела в нашу сторону. Потом она поднялась, подошла к рельсам и что-то смачно выплюнула.

Шура просиял.

— Вот видите, сказал он сглотнув, — у нее даже слюни потекли!

— В такую жару, да без тени, кому угодно блевать захочется, — поправил его Мишка, который невдалеке уже успел вернуть часть природных даров их законной владелице.

— А все-таки, *надо* их развеселить, — не обращая внимание на вразумления Каткова, продолжал уже захваченный страстью Шура.

Он отошел поближе к девушкам, расположился на краю платформы и крикнул в их сторону:

— Эй, красавицы, куда путь держим?

С явно тоскливым видом одна из девиц глянула на Бадацкого и безо всякого энтузиазма негромко ответила:

— В Пензу.

— Как хорошо, — обрадовался Шура, — мы тоже в Пензу, значит, будем попутчиками! Ох и хорошо летом у нас в Пензе. Какие деревья, какие дома и улицы, а какие люди!

На тот момент он, по-видимому, думал, что хорошо пошутил. В Пензе Бадацкий никогда в своей жизни не был, и ехали мы вовсе не в Пензу, а совсем близко, в деревню Хомуты, что в десяти километрах от станции со звучным и вполне конкретным названием Чемодановка.

Однако, на девиц это произвело ошеломляющее впечатление. Особенно после того, как припьяноватый шутник оглянулся на студентов в форме ССО и испросил подтверждения:

— Правда, ребята, мы тоже едем?

— Едем, едем, — закивали мы со своих мест, не вполне понимая, о чем там вел речь с девушками Бадацкий.

Девушки живо вскочили с чемоданов и стали бегать по платформе, выспрашивая каждого встречного, с какой же платформы идет поезд на Пензу? Ведь в справочном им назвали вторую платформу, а вот студенты почему-то сидят на третьей. Увы, прохожие тоже ничего не знали. Шура, увидев странные действия девушек, издали ничего не смог понять. В его пьяную голову вовсе не приходило мысли о том, что он со своими мнимыми попутчицами находятся на разных платформах и вряд ли могут ехать в одновременно в один и тот же город. Он недоуменно пожал плечами, не спеша повернулся и поковылял к нашей скамейке. Беспокойство же девиц стало постепенно передаваться другим пассажирам, ожидавшим Пензенского поезда. Более всего усомнились в правильности выбранного ими места ожидания пожилые одинокие женщины и старушки, неотвратимо прощающиеся со своими, когда-то в юности не подводившими их органами чувств.

Бадацкий сидел с нами на скамейке и с явным непониманием следил за суетой на соседней платформе.

— Шура, что ты там такое натворил? — спросил я его, — ты ведь всю платформу понял на ноги.

— Ничего, — пожал он в очередной раз плечами, — просто сказал, что у них в городе красивые деревья и хорошие люди. Может это, конечно, и не так на самом деле, но стоит ли из-за этого впадать в панику?

В этот момент на наше спасение выбежал из здания вокзала наш командир Витек. Он начал ловко перепрыгивать через рельсы и поравнялся со второй платформой. Был он с портфелем, выглядел деловито и, в отличие от нас, был полностью трезв. Все эти внешние данные были объективно приняты во внимание введенными в сомнение пассажирами, отбывающими в сторону Пензы:

— Молодой человек, молодой человек! Что, действительно поезд идет с третьей платформы?

— Да, конечно, — без зазрения совести ответил Витек.

Народ зашумел:

— Ну что же, надо всем перебираться на третью платформу.

И тут наш командир сказал весьма нужную фразу, без которой бы паника могла иметь необратимые последствия:

— Странно, впервые вижу, чтобы столько народу, да еще с большими чемоданами, ехало именно в захолустную Чемодановку. Даже клуб культуры там еще не построен!

Вот таким образом и разрешилось недоразумение, возникшее по Шуркиной вине. Витек минут пять беззлобно пораспекал нас за нарушение дисциплины, но вот подошла наша электричка и возмутители спокойствия надолго покинули вокзал своего города.

Колхоз встретил нас весьма любезно веселой улыбкой и пышными усами председателя. Выглядел он лет на сорок — сорок пять, был счастливым обладателем внушающего почтение живота, имел картофельный нос и прочими чертами не выделялся. При всем при том из него при каждом движении исходила неумная кипучая энергия, выражавшаяся в неистовой жестикуляции и брызгах слюны в тех местах речи, где обычно ставят восклицательный знак.

Всем своим видом председатель отдаленно напоминал шумную водяную мельницу, которой поневоле приходилось остерегаться и все время хотелось встать подальше. Однако сделать это было непросто, потому, что эта мельница норовила подойти поближе к собеседнику и останавливалась только для того, чтобы не наступить вам на ногу.

— О, привет, братва! Меня зовут Дмитрий Дмитриевич, можно проще — Дим Димыч, я — местный командир колхоза, — приветствовал он нас, — ну, что, поработаем?! Работы у нас много, делать ее некому, а у вас все наоборот. Как погляжу на вас — орлы! Силы девать некуда, спины скучают по работе, руки зудят без физической нагрузки. Помогу, помогу вам, дам поработать и подзаработать, если не сачки!

Он провел нас по деревне, лаконично показав основные ориентиры. Деревня находилась на просторном холме и состояла из одной слегка сломанной в двух местах улицы и двух переулков, начинавшихся углах слов. Переулки криво уходили в небольшой лесок. Холм плавно огибала маленькая флегматичная речка с женским именем Проня. Она была почти чистой и местами скрывалась за разного возраста ивняком.

В середине улицы стояло краснокирпичное правление в два этажа, рядом зачем-то стоял старый двухкамерный деревянный туалет, напротив которого располагалась одноэтажная бревенчатая почта. В самом конце деревни имелся местный магазин, в котором продавали сапоги, сахар и спички, а раз в два дня завозили водку и хлеб. Другой конец деревни упирался в производственные сооружения, такие как машинный двор, коровники и прочие разного рода полуразвалившиеся амбары. Короче говоря, было все как у людей.

Дом культуры, который нам предстояло возводить, был уже частично построен и являл собой образец захолустного зодчества. Впрочем, так, наверное, только казалось, ведь он еще не был обшит доской, имел только каркас крыши и не был отделан внутри. Двери окна и пол тоже пока не просматривались. Географически же дом был предусмотрительно поставлен в довольно правильное место, то есть недалеко от магазина.

Нас поселили в старинном брошенном, но весьма просторном однокомнатном доме, наделив раскладушками, одеялами и набитыми сеном матрацами. Раскладушки, как и следовало ожидать не досталось только нашему командиру — Витьку. Он, как настоящий джентльмен, пропустил всех вперед и встал в конец очереди. Именно поэтому спал он не на раскладушке, а на огромном, обшитом железом сундуке, который, хоть и с пустым содержимым, но был оставлен прежними хозяевами дома.

Правда, несколько позже, Витек все-таки переехал на раскладушку, поменявшись со Слоном, который мог спать на ней, только сложившись втрое. Электричество в комнату не подавалось, и вечером мы пользовались двумя керосиновыми лампами, а также стеариновыми свечами. Впрочем, ночью дорогу к своей кровати было несложно найти и по звездам, просвечивающим в некоторых местах кровли.

По воскресеньям мы почти не работали, а в остальные дни, как и полагалось заправским шабашникам, вкалывали почти весь световой день, за что и пользовались уважением аборигенов, включая Дим Димыча.

Нужно сказать, что работа у нас спорилась, мы довольно быстро доделали крышу, застелив ее шифером, обшили досками фасад и весьма успешно занимались внутренней отделкой дома культуры. Многие успевали подрабатывать еще и на мелком ремонте амбаров и коровника. Несколько выделялись своим трудовым энтузиазмом только Миша Катков и Слон. Оба были мощными, не знающими усталости увальнями. В силу особого склада их характеров, работы более ювелирные, чем поднятие и перетаскивание тяжестей, им, конечно, не доверялись. В противном случае, такие хрупкие предметы, как пила и топор, просто не выдерживали их удали: либо расклепывались ручки у пилы, либо ломалось топорщице, либо, на худой конец, куда-нибудь улетал сам топор.

В общем, их труд был небезопасен для окружающих. Кстати, их следовало опасаться и при поднятии тяжестей, а также перетаскивании ими грузов. Запросто можно было случайно оказаться у кого-нибудь из них на дороге или где-то поблизости. В этом случае могло быть только два варианта развития событий: тяжесть или задевала вас, или просто ставилась на выступающие участки вашего тела.

Оба варианта в любом случае требовали последующего медикаментозного вмешательства. Как, вероятно, уже догадывается читатель, самыми фатальными были те редкие ситуации, когда, по какому-

нибудь недоразумению оба молодца оказывались рядом вдвоем. Жертвами при этом являлись не только все окружающие, но и сами Катков со Слоном. Учитывая все эти обстоятельства правилами техники безопасности нашим друзьям было строжайше запрещено заниматься одним и тем же фронтом работ.

Однако, все правила имеют исключения. Это знают все, кто изучал, скажем, таблицу умножения. На школьных уроках — она одна, а на рынке и в магазине — совсем другая. И упаси вас Бог пользоваться таблицей умножения при плотницких и столярных работах! Уж лучше просто складывайте и вычитайте.

Вот так и случилось, что в самом конце работ нам понадобилось установить на коньке крыши уже достроенного дома культуры громадную телевизионную антенну на тяжелом многометровом железном шесте. Поднять ее на крышу одному-двум среднестатистическим работягам нечего было и думать. С другой стороны, на самом коньке подступиться к месту ее крепления могли не более двух человек. Выбор поневоле был сделан в пользу нарушения техники безопасности. Под нашим пристальным присмотром и с кучей предупреждений об осторожности решено было отправить на верхолазные работы двух чудо богатырей. Как потом выяснилось, Миша со Слоном были действительно не только богатыри, но и редко встречающееся чудо.

Поначалу все складывалось как нельзя лучше. Четверо стройотрядовцев с невероятным напряжением после получасовой возни и надрывного сопения взгромоздили-таки верхнюю часть антенной мачты на край крыши. Там довольно быстро ухватились за нее Катков и Слон, буквально за секунды втянув все сооружение полностью на крышу.

К сожалению, пологие скаты крыши не позволяли нам полностью пронаблюдать, что происходило дальше. Видно было только, что антенна поднялась, покрутилась в разные стороны, потом покачалась и застыла вертикально. «Ну, молодцы», — закачали мы головами, «вот вам и увальни деревенские, могут, когда захотят!». Дел, конечно, оставалось еще много, ведь место крепления мачты нужно было тщательно загерметизировать и натянуть страховочные растяжки из толстой стальной проволоки. Но это уже была не самая сложная работа. Мы пошли ко крыльцу, уселись на ступеньки и не спеша закурили, полагая, что минут за тридцать ребята с этим делом справятся. Мы коротали время, вспоминая старинные анекдоты и, подбадриваемые смехом своих товарищей, сочиняли новые шутки.

Время шло. Оно шло еще раз. И вот, наверное, вышло. Сейчас наши увальни спустятся по приставной лестнице и доложат о своем полугероическом труде. Впрочем, их можно подождать еще минут пятнадцать—двадцать: не так уж просто закреплять страховочные растяжки. Чтобы антенна стояла в самые страшные ураганы, необходимо привязать к

верхушке ее мачты четыре проволочные шнура (это мы уже сделали на земле), крепко натянуть их, и закрепить противоположные концы шнуров к краям крыши.

Процедура эта похожа на борьбу с перетягиванием каната: два человека должны приложить свои усилия с разных сторон. После достаточно плотной натяжки каждый из них закрепляет концы проволоки на заранее вбитом в скат крыши и довольно большом гвозде. Вполне понятно, что для четырех растяжек это приходится делать дважды.

Их не было уже целый час, может быть и меньше. Мы не сразу сообразили о возможных последствиях.

Ребята, — всколыхнулся Витек, — что-то не так.

Елки—моталки, — поняв, что может случиться, заорал Демушкин.

Мы живо рванулись на противоположную сторону дома, ожидая увидеть один, а скорее, два трупа, лежащих с разных сторон на земле. Однако, наши беглые поиски ни к чему не привели. Мирно стояла приставная лестница, за дальней околицей мирно лузгали семечки местные старушки, на вытоптанной вокруг дома культуры траве валялись только наши окурки. И вот тогда наши глаза устремились к небу, вернее, не столько к небу, как таковому, сколько к крыше.

Установленная антенна стояла на месте, правда, слегка накренившись в сторону. Этот маленький изъян можно было бы простить и при более беглом взгляде даже не заметить. Но вот ведь странность. Как не кричали мы заветные вопли, вроде: «Катков», «Муха», «Миша», «Слон» и т.п., на сколько не отбежали подальше от нашего строения, что бы заметить там хоть какое-нибудь шевеление, ничего не обнаружили. Где же наши ребята? Что, собственно говоря, случилось?

Первым по приставной лестнице влез на крышу Демушкин, за ним Витек. Поразительно. Там никого не было. Стояла почти полностью закрепленная антенна. Все было на месте кроме одной из растяжек. Ее, видимо, просто не успели закрепить. Это было сделать несложно, и наш командир с Демушкиным укрепили последнюю растяжку за какие-нибудь пять минут.

Однако, нужно было продолжать поиски. Нами был тщательно обследован чердак, внутренние помещения дома культуры и вся прилегающая местность. Обследовать ее было несложно, тем более, что это был пустырь, если не считать старинного дуба, стоявшего метрах в пяти от нашей постройки. Но и на дубе тоже никого не было. Мистика!

Тут еще, как на грех, приперся Дим Димыч. Увидев наши растерянные лица, председатель решил нас подбодрить:

— Эй! Браво-молодцы! Чего такие скучные? Радоваться надо! Вон какой дворец отгрохали! Ух, ты... Даже антенну поставили. Будут вам премиальные!

— Спасибо, Дим Димыч, — подошел к нему Витек, — у нас тут мистические проблемы. Только что, прямо с крыши пропали куда-то Мухин и Катков. Со стройплощадки они не выходили, мы бы заметили. Прямо, как на небо улетели.

— Ну, что ж, — не до конца еще поняв сложившуюся ситуацию, сказал председатель, — раз на небо улетели, значит, скоро с него и свалятся!

И тут сверху раздался треск и перед нами почти одновременно бухнулось на землю два тяжелых мешка. Одним из них был Катков, другим — Мухин. Тут стало совершенно ясно, что все это время они находились где-то в густой кроне старого дуба. Но как они туда умудрились попасть? Упасть с крыши на дуб было невозможно, ведь он рос довольно далеко. Залезть же на него представлялось довольно изнурительным трудом, так как внизу у дерева ветвей не было, а главное — зачем?

Как бы то ни было, первое, что мы сделали, это ударились в неудержимый хохот. Наши богатыри были здоровы и невредимы, но представляли собой живописнейшую картину. У Слона лопнули сзади брюки и была основательно порвана рубашка. Миша же Катков был и вовсе без штанов.

— Мужики! Чем вы там на дереве занимались? — не могли мы сдержать смеха, — вы что там, дрались, или наоборот, дружили?

Нет, надо было их видеть. На их лицах был выражен такой вселенский конфуз, что в этом им могли позавидовать даже самые стыдливые собаки. Кроме того, было видно, что они явно на нас обиделись и нам никогда не удастся вымолить их прощения. Понемногу эмоции улеглись и мы стали приставать к друзьям с расспросами. Как и следовало ожидать, никаких ответов мы не добились.

Только значительно позже, к вечеру, когда нашим страдальцам были принесены извинения и было выпито несколько мировых стаканов вина, мутная картина сложившегося получила свое логическое прояснение.

Оказалось, что поначалу установка антенны шла прекрасно. Вдвоем они быстро воткнули мачту в заранее проделанное отверстие в катке крыши, также быстро замазали оставшиеся щели герметиком. Чуть-чуть больше времени ушло на крепление первой растяжки, поскольку ее приходилось сильно натягивать в разные стороны, в результате чего, то у одного, то у другого эти концы срывались с крепежных гвоздей. Но и эта задача была вскоре решена. И вот, когда вся работа подошла к завершению и осталось укрепить последнюю растяжку, Каткову пришел на помощь Слон. Они взялись за проволоку вместе, пытаясь последней растяжкой добиться идеального крепления. Проволока уже была прикреплена к последнему гвоздю, как вдруг противоположная сторона он сильнейшего перетяга оторвалась, и, чуть не убив наших верхолазов, как натянутая резинка, просвистела над их головами, рванувшись в другую сторону. В результате ее

конец был заброшен высоко на соседний дуб, где он так умело захлестнулся, что всякие попытки силой сорвать его назад ни к чему не привели. К тому же, наши друзья уже четко сообразили, что сорви они растяжку с дерева силой, последствия обратного выстрела могут оказаться менее удачными, чем в предыдущий раз. Ведь они уже только что заглянули в осоловелые глаза Фортуны.

Было принято непростое решение: чтобы не опозориться перед товарищами, пока никто не видит, залезть на дуб и снять с него конец растяжки. Верхолазы быстро спустились с крыши и Катков, встав на плечи Слону, ловко, как обезьяна, вскарабкался на нужную ветку дуба. Еще более ловко ему удалось справиться с проволокой. Подвела только самая концовка. Отцепив растяжку с дерева и выпустив ее из рук, Мишка не удержал равновесие и полетел вниз. Вернее, даже не полетел, а немного съехал на более нижнюю ветку, но так неудачно, что зацепился сзади за сук ремнем брюк. Теперь любое неловкое движение привело бы его к неизбежному продолжению начатой траектории полета. Катков тут же, как мог, в матерных выражениях объяснил ситуацию стоявшему внизу Слону.

Мухин, всегда отличавшийся отзывчивостью и склонностью к самопожертвованию приложил всю свою силу и ловкость. На дерево ему чудом удалось залезть. Еще какое-то время ушло на то, чтобы добраться до штанов Мишки. При этом, правда, лопнули его собственные брюки, а также пострадали швы рукавов рубашки. Главная же неудача ожидала приятелей дальше.

Когда Слон схватился за мишкины брюки, он невольно снял с сука самого Мишку. Какой-то момент Катков держался в воздухе просто за счет брюк, затем он все-таки покинул их и, пролетев еще с полметра, вполне удачно схватился обоими руками за нижнюю ветку. Немного покачавшись, как это любят делать, скажем, гиббоны, он, наконец, повис устойчиво и строго вертикально. Нечего было и думать о подтягивании: и сук был довольно толст, да и Мишка не отличался грацией.

Прыгать вниз и вовсе не хотелось. Прямо скажем, не та была высота, чтобы смело прыгать. Теперь пришла очередь Слона. Как вы понимаете, он еще меньше, чем Катков, по своей ловкости напоминал обезьяну. Кроме того, он совсем не думал о том, как будет спускаться, и влез на дерево лишь во имя спасения друга.

В это время мы уже стояли внизу и разговаривали с Дим Димычем. Позвать на помощь богатырям не дала гордыня, и они решили висеть на дереве сколько смогут. Первым не удержался Слон. Всего одно неловкое движение заставило его стремительно переместиться вниз, где ему чудом удалось ухватиться за мишкины плечи. Это несколько замедлило падение Слона, но дальше они летели уже вместе. Встреча с землей была не так

страшна, как встреча со своими товарищами. Неужели они заслужили этот глупый смех?

Как часто, например, в американских комедиях, объектом шуток являются боль и несчастье других людей. А представьте себя на их месте. Вот почему я уверен, что последние строчки этого рассказа, достойны не смеха, а вашей скупой слезы, читатель.

СУЖДЕНИЯ ЗАСЛУЖЕННОГО ИНГИБИТОРА РОССИИ

Из деревни город кажется большим, а деревня из города — маленькой. То есть, с какой стороны посмотреть. У человека городского и деревенского на первый взгляд все проблемы одинаковы. Он должен спать, есть и иметь множество положительных эмоций. Остальное для человека не очень существенно.

Спать и есть в городе и деревне обычно удастся, особенно, если нет войны или новых правительственных реформ, а вот с положительными эмоциями на селе значительно сложнее. На жителях здесь сказывается отсутствие цирков, оперных театров и городских парков с аттракционами. Иногда плохо сказывается отсутствие больниц, школ и детских садов.

В общем, если рассматривать проблемы города и деревни, то по их числу деревня явно выигрывает. Даже самый маленький населенный пункт по проблемам даст городу сто очков вперед. Вот почему на людей, бросивших урбанизированный образ жизни и перекочевавших на село нужно смотреть, если ни как на героев, то уж по крайней мере, как на персонажи чудесного свойства.

Далеко не в каждом селе встречаются такие исторические личности.

В нашем же, в котором мы клали свой молодой стройотрядовский труд на алтарь будущего процветания, такая личность была.

Это был бич, как он сам себя называл, то есть «бывший интеллигентный человек». Звали его Артемий Семенович Стеклышков. То, что он представлял собой интеллектуальную личность ни у кого не вызывало сомнений, поскольку Артемий обо всем имел собственное оригинальное мнение, всегда подтвержденное какими-нибудь душераздирающими примерами или сногшибательными аргументами.

Наш стройотряд познакомился с ним сразу. Вернее даже не так. Это Стеклышков познакомился с нами, как только мы закатали въездной банкет. Оказалось, что наш бич жил по соседству, по крайней мере, он так и сказал:

— Я, ребята, к вам по-соседски, на огонек.

При этом Артемий почти не соврал, ведь в небольшой деревне всех можно считать соседями. Кстати, это — тоже его мнение, которое никто не оспаривал.

Появлялся наш новый знакомый всякий раз, как у нас было чем закусить и что отпраздновать. У него была хорошая память, и он знал все дни рождения и самые мельчайшие личные праздники всех местных жителей. Врожденная вежливость не позволяла Стеклыкову манкировать всеми этими событиями, и посещал он их регулярно, согласно собственным интеллигентским взглядам на жизнь.

Да и то сказать, как же ему еще было выживать, если был он бобылем лет пятидесяти с хвостиком и никогда сам себе ничего из еды не готовил, кроме «кваса», который большей частью состоял из сахара, дрожжей и воды. Артемий имел лицо с неопределенными чертами, но очень уж какое-то помятое и быстро меняющееся цветом в зависимости от дозы и качества принятых им напитков.

В последствии у нас даже родилась некоторая коррекция к известному народному изречению, которое теперь уже выглядело «трезв, как Стеклышков». Эту фразу мы вечерком зачастую могли произносить про себя с полной искренностью.

Заглянув к нам в первый раз, он сразу представился, как бывший мосфильмовский режиссер, его фамилия — это псевдоним (настоящую он говорить не будет), и тут же без запинки назвал несколько своих фильмов, из которых мы, студенты, пока не видели ни одного. Судя же по названиям,

фильмы должны были брать хорошую кассу. Они назывались приблизительно так: «Берегите злых собак», «Не туда течет Волга», «Смех предпоследнего бабуина».

Артемий уверял, что все эти фильмы вышли на экраны страны, но очень скоро были сняты политической цензурой: «Только учитывая мое имя и талант, меня не отправили на Колыму, а фильмы все-таки снимать запретили», — горестно вспоминал он.

«Потом у меня был свой театр. Маленький, но очень перспективный, хоть и непрофессиональный, народный. Артистами в нем были работники разного ранга разных предприятий. Моя цель была — препятствовать развитию косности, рутинерства и бюрократии. Я был эдаким ингибитором в театральной жизни России.

Наши спектакли гремели по многим районным центрам, не говоря уже о сельской местности. Нами восхищались и среди прочих слов кричали «браво!». Зарботки, правда, были минимальные. Иногда мы могли сыграть спектакль просто за хорошо организованный стол и удобный ночлег. Те, кто хоть раз видели искусство моего театра, запомнили это на всю жизнь. Да вот только власти. Ну не любят они культуру, часто ее критикуют и загоняют в самый дальний угол. Вот и нас таки загнали. Запретили выступления. Из вредности и вообще...».

Как нам показалось, Стеклышков даже всхлипнул после этого повествования части своей судьбы.

— Ну что Вы, Артемий Семенович, — удивлялись мы, — да не могли наши власти вот так просто—запросто закрыть народный театр, наверно, что-то все-таки произошло, что-то Вы не договариваете...

— Конечно, все было не так уж гладко. Но искусство, как известно, славится своими жертвами, которых требует все больше и больше, — согласился он и рассказал о конце своей театральной карьеры.

«Казус случился. Не по нашей вине. Что-то там напутали эти партийные деятели. Вместо одного спектакля нам пришлось сыграть два. Только о втором мы вначале ничего не подозревали. О нем сообщили внезапно, но категорично. Дескать, выступили в этом колхозе — хорошо, но по плану ждут вас и во втором. И так это, знаете, неудобно вышло. Мы ведь уже начали получать гонорар за удачно прошедший спектакль. Причем получали его в натуральном выражении, то есть самогоном и закуской, которые реализовывали прямо здесь же, на театральных, так сказать, подмостках. И, даже можно сказать, почти все реализовали и мечтали только о расслабляющем сне.

Но, как оказалось, боевой дух в нас еще не упал, а многие артисты даже выразили явное желание тут же провести второй спектакль, намекая на то, что у них вдруг образовался прилив бодрящей энергии и что неплохо было бы получить и второй гонорар, поскольку первый уже кончился.

Наш автобус стоял наготове, и решено было не откладывать дело в долгий ящик, тем более, была выражена трезвая мысль, что нужно успеть сыграть спектакль пока совсем не развезло и языки еще способны твердо выговаривать нужный текст. Правда, когда приехали в другой колхоз, выяснилось, что некоторых довольно прилично укачало в пути и роли они соглашались играть только сидя, а если будет можно, то и лежа.

И вообще неплохо было бы сократить число трудновыговариваемых слов в репликах. Деваться было некуда, на том и порешили. Да только вся беда была в том, что играли мы одну-единственную пьесу, причем революционной тематики.

Представьте себе ситуацию, если кто-нибудь из верхнего начальства, а оно на спектакли ходить любило, вдруг заметит неполную трезвость труппы. Хорошо, если на сцену выйдет нетрезвый, скажем, белогвардеец. Это даже хорошо и совпадает с линией партии. А если пьяным окажется кто-нибудь из революционеров?

Пришлось быстро перестроиться и взять себя в руки. Так, например, Ленину предписывалось поменьше ходить по сцене и никаких текстов не произносить вообще, а разрешалось на все вопросы только кивать головой и, не открывая рта, говорить «угу».

Надежда Константиновна должна была все время лежать на кушетке и реплики говорить как можно тише, потому, что у артистки вдруг прорезался очень сильный низкий голос и повышенная веселость. Дзержинский должен был прикинуться больным и икать только в платок, стараясь быстро проговорить текст в икотных промежутках.

Принятые предосторожности, наверное, помогли бы делу, но реальность всегда бывает чуточку другой. А на деле оказалось, что перед самым выходом на сцену у Дзержинского наконец прошла икота, но она полностью не покинула театральный коллектив, а привязалась к Ленину.

Дзержинский же держался довольно сносно, но любая его речь почему-то всегда начиналась с громкой отрыжки. Ленин постоянно к месту и не к месту одобрительно кивал головой, встречая каждого вновь входящего к нему в кабинет громким иком, что со стороны очень напоминало внезапный испуг.

Что касается Крупской, которая после своих реплик либо глупо хихикала, либо откровенно хохотала, то это вдруг высветило в пьесе действительно некоторую двусмысленность некоторых реплик. В общем, целостное впечатление об обстановке в Смольном было весьма реалистичным и явно не в пользу революционеров.

Несмотря на перечисленные огрехи, все остальное было сыграно почти в полном соответствии с задумкой автора, если не считать, что некоторые актеры произносили иногда не свой текст, а текст партнера или партнерши, поскольку всецело полагались на суфлерские подсказки.

В зрительном зале был фурор! Грубые колхозные лица, встретившие поначалу нас неприветливо и настороженно, в процессе спектакля стали понемногу оживать и добреть, затем и вовсе переродились в добродушные улыбки. В конце же представления в зале царила веселая оживленность и явно приподнятое настроение.

По окончании зрители покидали спектакль, весело обсуждая наиболее понравившиеся мизансцены и некоторые даже, почему-то смеялись. Но смех, конечно, был не уместным, вещицу мы, все же, играли почти трагическую. Может быть, это было от того, что героини иногда падали, например, еще до рокового выстрела, а может и оттого, что Ленин в концовке немножко срыгнул во время речи на реввоенсовете. Ну, так со всеми бывает, особенно, после болтанки в автобусе по нашим сельским дорогам.

Так что было дело...". Артемий Семенович стрельнул у нас папиросу и, чувствуя, что мы все были очень взволнованы его повествованием, решил продолжить. «Был, конечно, еще один случай... Но рассказывать о нем неловко. Я лучше умолчу».

«Расскажите, расскажите», стали умолять девчата, «нам очень интересно, ваш театр закрыли после этого спектакля?».

Артемий приободрился, видя, что понравился дамам. «Не только из-за этого, был, конечно, еще один случай. Мы зареклись играть партийную тематику и перешли почти исключительно на классику. Довелось дойти и до Уильяма Шекспира. И такая трагедийная пьеса называлась «Отелло».

Все вроде катилось, как по маслу. Единственным изъяном была Дездемона. Ее играла высокая, крупная по габаритам и уже не очень молодая дама, снаружи напоминавшая продавщицу в мясных рядах. На самом же деле актриса была в жизни скромна и застенчива. Те, кто ее знал, никогда бы не удивились, что ей досталась такая созвучная ее душе роль.

Тут, правда, может быть, сыграл контраст с Отелло, которого играл актер по жизни грубый и скандальный, но наружно щупленький и даже как будто пугливый. Но все надеялись, что под личиной венецианского мавра это не будет броситься зрителю в глаза.

И все бы ничего, но случилось так, что еще до спектакля главные героини чуть было не подрались из-за пустяка. Знаете ли, курятина тогда была в дефиците. А тут еще пришел Первомай, будь он неладен.

Случилось так, что они оба стояли в сельмаге в очереди за курами. Последняя курица досталась будущей Дездемоне. И тут ее партнер понял, что зря пустил ее впереди себя, сказав всей очереди, что она, дескать, тут давно стояла. «Курица-то моя», — шепнул он на ухо партнерше. А я же говорю, был он злой и беспринципный. И будущая Дездемона в силу своей скромной честности безропотно отдала бы ему свою курицу, но он не стал ждать, а злобно пнул ее коленом прямо ниже спины, вырвал из ее рук вожделенный

трофеей и быстро так выбежал из сельмага. Вот скотина! И актриса так и подумала про себя: «Вот скотина! Прибью гада при первой же встрече.»

Встреча не замедлила со временем и ждала их в виде вечернего спектакля на районной (!), не какой-то там деревенской, сцене.

Не смотря ни на что, спектакль шел ровно и неторопливо, как утренний одесский трамвай. Практически никто не замечал, что между репликами двух актеров, они злобно поглядывали друг на друга, и при удобной мизансцене норовили ущипнуть или даже слегка стукнуть друг друга. Повторю, этого было почти незаметно.

Но перед самой кульминационной сценой удушения уже за кулисами произошла уже ничем не прикрытая междоусобная драчка, после которой разгоряченная Дездемона вылетела на сцену и присела на кровать, приняв позу затаившейся пантеры. Затем как-то неуклюже, бочком, вышел мавр.

«Отелло! А молился ли ты на ночь?!» — как-то зловеще прозвучало из дездемоновых уст.» Артемий Семенович затушил свой окурочок и, как будто что-то вспоминая, сокрушенно оглядел своих слушателей, то есть, нас.

«И что же было, чем все кончилось?» — загалдели студентки.

«Чем – чем... Она его задушила.» горестно почти всхлипнул Артемий. «Это что же, прямо насмерть?» — не унимались девчонки. «Скорую вызывали» — сказал Семеныч, «откачали парня».

Самое главное, что зрителям-то спектакль понравился! Вышло как-то оригинально и даже по-современному. Многие мизансцены и реплики встречались громкими аплодисментами, а иногда одобрительным беззлобным смехом. И что вы думаете? Вместо похвал и поддержки народного театра я получил строгий выговор и приказ о немедленном закрытии народного театра.

Вот и вся благодарность властей. После всего этого я еще долго топил свою грусть в вине. И вот сейчас работаю оформителем в этом колхозе. Рисую плакаты, лозунги, иногда просто что-нибудь крашу. Так-то, ребята.»

Артемий Семенович мог рассуждать о чем угодно и частенько к нам заглядывал «на огонек», так сказать, отдохнуть... Ему нравилось общаться со студентами, тем более, что слушателями мы были благодарными и почти не перебивали его. А если и спрашивали что-нибудь, то только для уточнения фактов.

Меньше всего Артемий любил говорить о политике и политиках, справедливо считая их людьми несерьезными, но умеющими создавать весьма серьезные неприятности. Так, например, когда мы задали вопрос о его отношении к Сталину, он сказал, что безусловно относится к нему отрицательно, и помолчав, добавил:

— А сейчас дело уже не в нем. Дело в средствах массовой информации. Журналисты, набросившиеся сейчас на прах и память Сталина, были бы при его жизни самыми первыми среди восхваляющих его, и, скорей всего,

погибли бы в толпе на его похоронах, пытаюсь поцеловать краюшек гроба. Как знать, может быть, это было бы честнее...

С политиками и даже с местными властями Артемию, по-видимому, регулярно не везло. Мало того, что ему не дали снимать фильмы и запретили руководство народным театром, но он периодически страдал от своей ингибиторской деятельности и сейчас. Как-то, пришедши вечером в нашу избушку, он поведал о своем последнем злоклучении, от которого чуть не лишился своего места оформителя.

«Было это перед ноябрьской демонстрацией. В наш колхоз ожидали с визитом районное начальство. Понятное дело — кутерьма, беготня и прочий нервный шорох. Сколотили и покрасили трибуну, смастерили лавки для средненачальственного народа: бухгалтеров, завгара, главного агронома, начальников отделениями. Закупили флаги и воздушные шарик, продумали выпивку и закуску после демонстрации. Ну и демонстрацию, конечно, тоже продумали.

Кто и в какие колонны должен собираться и какие крики выкрикивать. Кому кричать «ура!», а кому что-нибудь более вычурное. Вот тут и встал вопрос о лозунгах. Их было решено подновить в соответствии с последними партийными съездами и конференциями. Сам секретарь партийной ячейки долго копался в речах Брежнева и нашел пару фраз для помещения их на плакаты. Эти свои записки секретарь принес мне и пообещал заплатить премиальные. Ну а я, не будь дурак, вытребовал аванс. Тут, думаю, текста много, без бутылки не разберешься. Да и с бутылкой тоже будет тяжеловато.

Целый день я работал. Старательно выводил по возможности ровные буквы на растянутых в клубном зале холстах. Чего греха таить, отхлебывал, конечно, чтобы рука не дрожала и настроение от текста не портилось. К вечеру от всей этой работы я был в полусознательном состоянии и уже не помню, как отдал партийному секретарю плакаты.

На следующий день плакаты были развешаны по нужным местам, и тут я, наконец, трезво сумел разглядеть свою работу. Вышло вполне неплохо. Особенно те плакаты, которые я делал первыми. Остальные были выписаны не так гладко, но для сельской местности удовлетворительно. Надо отдать должное и партийному секретарю, который приказал умело разместить холсты так, что качество работы не особенно бросалось в глаза.

Несчастье нагрянуло только потом, когда ноябрьская демонстрация уже была в полном разгаре. Ну кто знал, что районное начальство от безделия на трибуне действительно начнет читать мои плакаты. Районный начальник читал их внимательно и с улыбкой. Постепенно улыбка его стала как-то меркнуть, затем он и вовсе посерьезнел, а под конец уже имел очень неопределенное выражение лица.

Сразу после демонстрации он не стал оставаться на банкет, быстро засобиравшись и уехал. Как потом оказалось, он был слегка шокирован

некоторыми изречениями Брежнева, написанными мною на плакатах, и поэтому, ни кому ничего не говоря, боясь выказать свою неосведомленность, поехал в областную библиотеку свериться с текстом. Два дня спустя наш партийный секретарь был снят с работы со строгим выговором. Меня тоже чуть было не уволили, но ограничились тем, что просто не выплатили моего гонорара за работу.

Я и сейчас считаю, что ничего из ряда вон выходящего не произошло. Просто в результате выяснилось, что пребывая к вечеру в поэтическом волнительном настроении, я слегка подправил некоторые из брежневских изречений. Смысл изречений при этом практически не страдал, но у них появилась новая оригинальная форма, а именно — стихотворная. Половина текстов на плакатах удивляла великолепной рифмой и строгостью строфы. Там было что-то вроде:

«Крепите дух коллективизма! Вперед, к победе коммунизма!

(Л.И.Брежнев, из речи на XXV Съезде КПСС)».

Скажите мне, что я сделал плохого? Разве от моего труда хоть кто-нибудь пострадал? Я думаю, даже наоборот. Ранее неизвестные слова Л.И.Брежнева народ теперь выучил и даже пересказывал в веселых компаниях, то есть именно там, куда передовые партийные идеи практически не проникали.»

Стеклышков нравился нам, как рассказчик. Рассказывал свои приключения он с жаром и чувством уязвленного самолюбия. В самых ярких местах его речи было видно, что он возмущен до предела. А в редких случаях его прошибала скупая актерская слеза. С одинаковым увлечением он рассказывал о чем угодно.

Как то раз мы сидели с ним на крыльце с полными стаканами местного зелья. Он подкармливал невесть откуда взявшуюся бродячую дворнягу, периодически потрепывая ее по загривку. Собака млела, а он вспоминал.

«У моего старшего брата была очень умная собака, по кличке Муська, каждый год приносила по пять щенков, топить не успевали. Все понимала, знала множество команд, правда, не все выполняла — очень гордый был пес. Терпеть не могла людей с вредными привычками. Свободно могла укусить мальчишку только за то, что он ковырял в носу, громко облаивала безвкусно одетых женщин, а пьяных готова была убить. Однажды брат, будучи ее хозяином, пришел в сильном подпитии и решил потрепать по загривку своего любимого пса. Собака оцетинилась, зарычала и больно укусила своего хозяина за живот. Брат мой сразу загрузил, гордо встал и сказал: «Муська, уходи! Вон твоя дорога!», и с этими словами он показал на дверь своего дома. Собака с напускным сарказмом посмотрела на брата и, не оглядываясь, гордым шагом ушла из дому.»

Тут Артемий еще раз приложился к стакану, что-то вспомнил, прослезился и закончил свой рассказ:

— Муська ушла гордо и ни разу не обернулась, хоть и знала, что уходит навсегда.

— Куда же она ушла? — с участием спросили мы.

— Она, — дрожащим голосом произнес наш помощник режиссера, — в никуда, — она покончила с собой, — тут он не сдержался от горьких рыданий.

— Как же она могла покончить с собой, она ведь — собака и сделать ей это не так просто, — засомневались было мы.

— Эх вы... , — с разочарованием посмотрел на нас Артемий Семенович сквозь слезы, — не верите. А между тем все очень даже просто — она отравилась. Нашла на ближайшей помойке какой-то яд и тут же выпила его. Скончалась уже на следующий день. Вот какая преданность бывает в животных. Это вам — не человек!»

Как-то раз Стеклышков показался у нас в трезвом виде. (Я не преувеличиваю, это было действительно всего один раз). Мы коротали время, разучивая гитарные аккорды и пытаясь разложить по голосам и спеть одну из новомодных тогда песен. Артемий Семенович сидел и морщась при каждом звуке гитары смотрел на нас с недоумением. В нем так и сквозило: «Ну зачем браться не за свое занятие?». В конце концов, мы не выдержали: «Артемий Семенович, что, плохо у нас выходит?». Он покачал головой и, ничего не ответив на вопрос, выложил нам еще один мудрый рассказ.

«У меня в городе был сосед. Мальчика учили играть на скрипке... А он был прирожденным барабанщиком. Это он всосал еще в детстве, от отца, любимым делом которого после, конечно, дегустации спиртного, были ритмичные удары в стену, сопровождавшиеся различными угрозами в адрес соседей. Вот так и полюбил мальчишка барабан.

И хоть играть на нем не умел в виду абсолютного отсутствия чувства ритма, он просто млел при первых звуках любого ударного инструмента, даже если им оказывался обычный молоток в руках строителя заборов. А его все продолжали учить и учить играть на скрипке. Дорого отдали бы соседи, чтобы что-нибудь нехорошее произошло с этой скрипкой, однако произошло все наоборот.

Вскоре умерла его мать, и заставлять мальчика игре на скрипке стало некому. Бывший скрипач все хирел и хирел. Да что там. Если говорить начистоту, чуть было не охирел совсем.

Он быстро стал опускаться, часто курить подозрительного вида сигареты и брезгливо относиться к моющим средствам, стирке и утюгу. Вынести мусор на помойку было для него если не адскими муками, то, как минимум, каторгой. Он все чаще не доносил его до бака, затем до угла дома, потом до дверей подъезда и вываливал всякую гадость там, где кончалось терпение.

На это время всем жильцам подъезда было тоже плохо, пока мусор, наконец, не кончился, что стало ясно потому, что мальчик его выносить перестал.

Тогда добрые люди сжалились над мальцом, и чтобы хоть как-то вернуть его к жизни, купили ему мощный музыкальный центр, в котором игра на барабанах чувствовалась лучше всего. Вот когда наступил его звездный миг! Он упивался игрой барабана во всех попсовых песенках. А какие у него были уши, уши природного барабанщика. Он включал динамики во всю мочь, садился к ним поближе и ему хотелось лететь, нет даже не лететь, а парить над всей бездарной людской суетой.

Однако, длилось это недолго, не выдержав его ушей, аппаратура пришла в негодность. Сначала отказал один динамик, а затем, катастрофически охрипнув, ушел из жизни и второй. Неизвестно почему, но добрые люди не стали больше покупать мальчику новых музыкальных центров, и вскоре он так и увял, никого как следует так и не порадовав своим талантом.»

Проговорив этот монолог, Артемий Семенович просто вырвал из рук у нас гитару, с минуту покрутил колки и вдруг ... запел.

«Сияла ночь. Луной был полон сад.

Стояли мы с тобой в гостиной без огней.

Рояль был весь раскрыт. И струны в нем дрожали.

Как и сердца у нас за песнею твоей.»

Он допел до конца. Мы просто онемели от тоскливого удовольствия. Перед нами стоял артист. Артист с большой буквы.

ДВА СЛОВА ПРАВДЫ О РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

В те далекие 70-е годы нельзя было найти студента, врача, педагога или инженера, как впрочем, и научного работника, который не знал бы, что такое «колхоз». И дело тут было не в банальном теоретическом знании истории революционной коллективизации, которую, само собой, изучали в любом вузе не менее тщательно, чем специальные дисциплины, а совсем в другом.

Каждый год любой уважающий себя специалист с высшим образованием или, на худой конец, студент должен был поработать пару месяцев в уборочную страду на какой-либо овощной ниве. Чаще всего это были картофель или свекла, реже — капуста или морковь. Реже потому, что морковку с капустой студенты могли есть прямо сырыми, а от этого существенно могла пострадать производительность труда, не говоря уж о закромах Родины.

В это время управлением уборкой и закладкой в те самые «закрома» были заняты все руководящие органы страны.

Однако поездка в колхоз для помощи крестьянам имела два удивительных свойства.

Первое заключалось в том, что дело это было абсолютно добровольным. Добровольцем быть почти никто не хотел, но ехали все, понимая необходимость выполнения продовольственной программы. Да, к тому же, у отказавшихся могли возникнуть всякие неприятности на работе или в учебе

вплоть, скажем, до увольнения. Увольняли, конечно, редко, да и не всех. Особенным авторитетом пользовались инвалиды и кормящие матери многодетных семей.

Второе свойство удивляло очень многих, а именно тех, у кого за городом были собственные сельскохозяйственные участки. На участках выращивался тот же самый урожай: от картофеля до капусты. Выращенного полностью хватало на семью, а иногда и на помощь хорошим соседям или даже тем беспризорным особам, которые помогали убирать урожай ночью. Что же в этом случае получалось? Городской житель кормил себя сам, а потом еще ехал в колхоз, чтобы обеспечить провизией крестьян?

Эти соображения не давали покоя пытливым умам интеллигентской прослойки. Я и сам до сих пор не могу ответить на этот самый частый и безответный в России вопрос: «зачем все это было нужно?». Так, например, в большинстве картофелеводческих хозяйств, куда мы ездили в студенчестве, по осени весьма стабильно получали урожай чуть-чуть меньше, чем было вложено посевного материала предыдущей весной.

Однодневные же выезды на картошку ведущих сотрудников научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро просто потрясали своей целесообразностью. Срывались крупнейшие государственные научные разработки, вплоть до космических. В то же время, собранная научными сотрудниками овощная масса стоила в несколько раз дешевле бензина, затраченного на доставку этой рабочей силы к месту их трудового подвига и назад, в учреждение.

Но хочу успокоить читателя, небольшое оправдательное объяснение этому все-таки есть. Дело в том, что совсем не всегда тот, кто передвигает по доске шахматные фигуры, знает, как они правильно ходят. Но сам процесс передвижения при этом очень важен, ведь в это время горе-игрок не занят другими делами. Он, скажем, не подходит к электроприборам и газовому оборудованию, а это, согласитесь, уже не шутки. Во время уборочной страды город пустел, высшее руководство хоть и оставалось в нем, но полностью уходило в организацию агрономических работ. Это было самое социально и экономически стабильное время. Не было аварий, стихийных бедствий, ценовых и политических потрясений. Это было здорово! Может быть, во многом и поэтому время студенческих колхозов вспоминается с веселой ностальгией, манящей туда, в те годы бескорыстной и повсюду бесшабашно порхающей юности.

В колхоз нас направили быстро. Занятия начинались 1-го сентября. 2-го сентября мы входили с головой в тематику новых курсов лекций и лабораторных работ. 3-го сентября у каждого из нас уже было свое оцинкованное ведро, принадлежность к бригаде из трех человек и четко очерченный участок полевых работ по уборке картофеля в колхозе деревни Хомуты.

В общем, еще не успели как следует стереться с наших ладоней чернильные пометки, а под ногтями уже ровным аккуратным кантиком пристроился мелкозернистый полевой чернозем.

Первые числа сентября. Может ли быть что-нибудь лучше в средней полосе России? Особенно, когда нет ветра, а облака редки и неназойливы, и нужны вообще только для того, чтобы усладить своим разнообразием берущие за душу художественные иллюзии авангардизма. Многоликие ватно-паутинные шедевры неспешно вытягиваются, меняясь лучшими фрагментами своих прозрачных полотен, а затем, расползаясь в тончайшие ангельские перышки, нежно тают, уходя в вечность, чтобы уже никогда не повториться, но именно этим оставить у вас в душе светлую чуть сознаваемую, донесшуюся откуда-то из дальнего детства, неуловимую капельку радостного дыхания жизни.

Веселое нежаркое солнце утешает вас ласковым материнским теплом и старые влажные, еще полностью зеленые, деревья одобрительно кивают улыбчивыми кронами: «да, да, все правильно, все правильно, все чудесно и так будет всегда, будет всегда».

Но стоит вернуться к оцинкованным ведрам и бригадам. Бригадами считались маленькие мобильные спаянные группы студентов из трех человек. Не важно, были это девушки или ребята, или в половом отношении смешанный коллектив. Главное, что задачи каждой бригады были одни и те же: после прохода по грядкам картофелекопалки (техническим же языком — культиватора) необходимо тщательно и быстро собирать в ведра картошку.

Каждая бригада — со своей грядки, кто первый, тот трудовой герой дня, кто последний, тот, как оказалось с годами впоследствии, более умен и экономичен. Сзади всех бригад и грядок медленно короткими перебежками ехал грузовик марки ГАЗ или ЗИЛ, в которые и сыпалась из ведер добытая высокопроизводительным и качественным ручным трудом картошка. Грузовиком, как правило, управлял в меру пьяный колхозный шофер, впрочем, достаточно трезвый, чтобы не подавить колесами работающих впереди студентов.

Я как-то уже сказал, что ведра были у всех. Теперь следует уточнить, что это было не совсем так. Нескольким опоздавшим к раздаче девчатам тары все-таки не досталось и они были отправлены в помощь колхозной поварихе на кухню.

Кстати, во всех колхозах разных районов и областей этих поварих всегда зовут Марьями Ивановнами, или короче, Маривановнами. Не без гордости могу заявить, что это — мое личное наблюдение на примере трех разных колхозов, в которых мне посчастливилось побывать. Девушки не любили работать на кухне. Там было душно, грустно, ну и, конечно, немного мешали крысы, которые как могли, в меру сил помогали поварихам освобождаться от отходов производства.

Девчата с кухни периодически просили выдать им боевое оцинкованное ведро и отправить их на фронт полевых работ. Это происходило приблизительно так.

Нас было в Хомутах две группы студентов и один руководитель — старший учебный мастер одной из кафедр нашего вуза, Вениамин Ефимович Вандыч. Между собой мы его звали просто Беня. Был он по нашим меркам уже не молод, годов 30-ти, слегка лысоват, с красными отвисшими щеками. В остальном же был строен и длинноног, и всегда предпочитал веселье унынию, особенно по вечерам. Беня владел великим множеством модных по тому времени пословиц и поговорок, и высказывал их всегда точно к месту, а при необходимости, дополнял собственными доходчивыми пояснениями.

Девчата, опоздавшие в колхозный склад за ведрами, обступали Вандыча и наперебой в разноголосицу молили об одном и том же: «Дайте нам ведра, ну пожалуйста, дайте, мы хотим работать на поле вместе со всеми». Вениамин Ефимович, прошедший в свое время премудрости Советской Армии, очень не любил разноголосицы и ни как не мог понять, почему девки кричат одну и ту же фразу не хором, а как-то нескладно, то одна опережая другую, а то отставая друг от друга.

Он с отвращением ежился и тоже говорил одну и ту же фразу: «Поезд ушел», что означало для вопрошающих безоговорочный отказ. Эту фразу он говорил по-армейски четко, лаконично и настолько громко, чтобы она выделялась среди неразборчивого девичьего трепя. Беня был предельно терпелив, но студентки были настойчивы и заранее подготовились к длительной осаде. Тогда Вандыч принимал единственно правильное решение: он трогался с места и, ускоряя шаг, не переставая повторять фразу об ушедшем поезде, двигался в направлении своего расквартирования, в полуразвалившуюся избу на окраине деревни.

Девчонки следовали за своим руководителем растянувшись гуськом в походный порядок и продолжали гомонить про свое. Со стороны в этом случае казалось, что студенты весьма забавно играют в паровозик. Среди шума, гама, фырканы и свиста девчат периодически явно выделялся оповещающий голос «машиниста»: «Поезд ушел, поезд ушел, поезд ушел». Так и чудилось, что вот-вот паровоз выпустит пар и громко загудит «Ту-ту-у-у-у!». Однако все кончалось совсем не так. Беня резко останавливался у двери в свой дом, поворачивался к бывшим «вагончикам» и, грозно сверкнув очами, кричал: «Тихо, сейчас все объясню.»

~ Вы понимаете, что на складе больше ведер нет?! Поезд ушел!

~ Но мы же приехали убирать картошку, а не кормить крыс! Дайте нам ведра! Мы можем хорошо работать!

Объясняю медленно. Вот вы купили в трансгентстве билет на поезд. Вот вы пришли на вокзал. Вот вы чуть-чуть опоздали. Вот вы пришли на перрон. И вроде все в порядке и все правильно: а) вам нужно ехать, скажем,

домой, б) у вас есть билет, в) вы пришли именно на тот вокзал, который нужно, вы находитесь на той платформе, с которой и должен отправиться нужный вам поезд. Но тут вмешивается извечный пункт «Г», — и тут Вандыч переходит на крик, выражающий отчаяние и безысходность, — Г) Но поезд ушел !!! Теперь поняли ?!

При этом Бенья не попрощавшись резко закрывал за собой дверь. Девчата, чуть не плача расходились. Еще бы не огорчаться, ведь ушел-то именно их поезд.

НЕСКОЛЬКО ПОЛЕЗНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ ЛЮБВИ И ПОЭЗИИ

Что такое «любовь»? А черт его знает. Заметьте, именно черт. Вот почему именно к нему следует отсылать интересующихся подобного рода вопросами. И хватит об этом.

В то же время, следует признать, что слово «любовь» существует в каждом из языков мира и часто употребляется в весьма разнообразных ситуациях, проигрывая по частоте употребления только ненормативной лексике. Поверьте, познания автора и в том, и в другом весьма обширны, но, в силу этических соображений, в этой главе было решено остановиться, все-таки, на любви и поэзии.

Сравнивать любовь с полетом души в бездну божественной сказки, это все равно, что сравнивать, скажем, розу с кактусом. Любовь, это когда на землю спускаются звезды и тихие ангелы ласковым мановением крыльев наполняют все ваше существо таинственными ароматами влажных вечерних бризов, когда сердце трепещет, разливая по каждой жилке сладостный

пьянящий нектар самой нестерпимо возжеленной мечты, которая воплощает в себе счастье всех немислимых таинственных миров, и которая вот-вот осуществится. Излишне говорить, что при этом навсегда обречены на забвение все тревожные мирские горести, мелкие печали и неудобства, связанные, например, с комарами или расстройством желудка.

Увы, все сущее на свете, что имеет начало, всегда имеет и свой конец. И только любовь — бесконечна... Нет, она, естественно, конечна во времени, но поистине безбрежна внутри. Мало того, что это чувство не притупляется со временем, а лишь все более и более расцветает и крепнет, высвечивая перед влюбленными все новые и новые самоцветные грани с каждым новым предметом обожания, но с каждым новым романтическим романом она становится желаннее, ярче и убедительнее.

Кстати, мне почти нечего добавить к непререкаемой истине о незабвенности первой любви. Воспоминания о ней всегда свежи и трепетны. Второй, третий и последующие любовные транши, действительно запоминаются гораздо менее твердо, особенно те из них, которые случаются в глубокой старости, при наличии у влюбленных устойчивых склеротических симптомов.

Да что говорить, в последнем случае и про первую любовь тоже забывают начисто. Тут нет ничего удивительного, ведь даже многие здоровые молодые люди часто просто не в состоянии вспомнить, какая любовь у них была первой.

С возрастом любовь постепенно отходит на второй план и у женщин полностью компенсируется чувствами материнства, а у мужчин — любимым занятием или, как говорят англичане, хобби, часто, например, это может быть коллекционирование, мелкое домашнее ремесло или, на худой конец, банальная пьянка. Но любовь, даже оставаясь на втором плане, остается чем-то светлым и ностальгическим.

Лично я своей первой любви не помню, зато прекрасно помню вторую, поскольку она связана с моими первыми стихами и поэтическими чувствами.

Как в молодости бывает со многими, я любил поэзию и философию. С философией все понятно. В 18 лет все молодые люди, за редким исключением, считают себя достаточно мудрыми, основательно потрепанными жизнью и поэтому имеют на все собственные принципы и непререкаемые взгляды. В жарких спорах эти взгляды могут отстаиваться и не отстаиваться, но в любом случае не могут поколебаться.

С поэзией дело обстоит сложнее. Дело в том, что для того, чтобы сочинять стихи, нужно уметь рифмовать разные по смыслу и написанию слова. Все молодые люди делятся на два больших класса: первым это удастся, вторым — не так чтобы очень. Первые пишут стихи, вторые могут точно определить, какие из произведений лучше, а какие хуже. Есть, правда, и третий класс, хоть и весьма малочисленный, но всегда ярко выраженный.

Это те, кто любит сочинять рифмованные строки, тратит на это нечеловеческие усилия, всегда остается доволен результатом и зачитывает их наизусть при каждом подвернувшемся под руку случае. Свои рукописи такие люди хранят аккуратнейшим образом и до старости, зная, что слава обычно приходит после смерти поэта. Примером могут быть, скажем, произведения такого типа:

«Любовь всегда волнует кровь,
Без ней, друзья, никак нельзя.
Влюблен? Тебя я поздравляю
И жить в любви всегда желаю.
Вот так теперь ты и живи:
В здоровье, счастье и любви!».

Думаю, что в этих стихах многие читатели узнают стихи своих знакомых, а некоторые, возможно, даже и свои собственные. Спешу сразу же всех успокоить: я хоть и придумал эти стихи для примера сам, на их авторство вовсе не претендую, поскольку их творец - народ.

Во время своей второй любви я относил себя к настоящим поэтам и никогда не хранил свои произведения, предпочитая, как говориться «писать на снегу» (прошу не ерничать и правильно употреблять ударение).

Я забывал свои стихи начисто и писал новые и новые. В моей памяти остались лишь некоторые из них, а большей частью, только отрывки. Как и полагалась юному поэту в 12 лет, мне казалось, что я достаточно пожил на свете, обрел ум и мудрость с легким оттенком жизненной потрепанности и одиночества. В то время стихи были приблизительно такими:

Мне все говорят: «Ты слишком груб!»
Я знаю это, но не исправлюсь.
Я бывшей жизни глубокий сруб.
Посмотрим, как я с обстановкой справлюсь.

Или еще так.

В этой жизни, как в тесном, кипящем котле,
Я в мечтах о грядущем, не мирском,
Представляю себя головою в петле
На могучем кресте монастырском.

Еще один пример.

Лишь холод кругом, и я среди льдин.
Трещит подо мною лед.
А я на белом свете один.

На помощь мне кто придет?

Да, здесь страдают и рифма и размерность, но зато ничего не приукрашено, это, действительно оригинальные строки детства.

Как это часто бывает, вторая любовь кончилась, но жажда стихосложения все больше захватывала организм. Рифмы прилагались ко всем темам и предметам, которые встречались в жизни.

Например, в свое время я любил биологию. На школьных уроках нам много рассказывали о лошади Пржевальского. При этом всегда демонстрировали ее портрет. Лошадь Пржевальского была кургуза и некрасива, но очень легко узнавалась по телевизору и в зоопарке (даже если это была не она). До сих пор, среди тысячи лошадей я всегда найду эту лошадь, если она там есть. Мало того, в слове «Пржевальский» даже само по своему звучанию для меня было что-то лошадиное, особенно, если произносить медленно: «Пр-р-р ... жевальский».

Именно поэтому нет ничего удивительного в том шоке, который я испытал, впервые увидев портрет самого ученого. Поверьте на слово, он был совсем не похож. Это было настолько сильным потрясением для детской неокрепшей нервной системы, что тут же родился стих.

Был когда-то я пригож и юн.
Верил взрослым. Только клевета:
Пржевальский вовсе не был лошадью!
И не будет ею никогда!

Несколько позже из той же биологии я узнал, что я и все мои товарищи являются Homo Sapiens, т.е. человеками разумными. Однако, прекрасно зная своих товарищей, я вновь решил поправить науку.

В голове у тебя не солома?
Ты умен? Не стоит спешить.
Даже с явным задатком Homo
Можно Sapiens—ом не быть.

Вскоре мои стихотворные упражнения надолго прекратились. Дело было в том, что все поэты, даже те, которые «никогда не мечтают о славе и признании, а пишут лишь затем, что не писать не могут, т.к. у них такая душа» и т.д. очень—очень надеются на осознание миром их гениальности. Причем получить что-то вроде этого, хотя бы частями и пусть даже поначалу в меньшем размере хочется как можно быстрее.

От этого произведений у них становится все больше и больше, они увеличиваются в объемах и чаще оглашаются на публике. Вполне понятно,

что в такой ситуации у поэта становится все меньше и меньше друзей и все больше и больше товарищей, а также случайных знакомых, желающих при удобном случае начистить поэту его поэтическую морду.

Настоящие поэты принимают такие удары судьбы стоически, выносят все лишения, объединяются с менее талантливыми авторами в группы и добиваются публикации своих произведений в журналах. В период наивысшего творческого взлета этих стойков общество вынуждено терпеть их дарование, уважать и почитать авторов вместе с произведениями и надеяться, надеяться, надеяться ... В конце концов, надежды сбываются, и народ отдает лучшим своим сынам последние почести.

Так было и со мной. Немного забегаю вперед, и желая несколько успокоить читателя, скажу: не волнуйтесь, я, таки, по окончании своего поэтического творчества остался жив. Но в остальном все было как у других. Сначала на меня перестали обращать внимание наиболее любимые девушки, затем все реже стали здороваться друзья.

Я даже начал вызывать подозрение у комсомольских и партийных функционеров. Ведь я неоднократно печатался в институтской стенгазете по поводу всяких злободневных тем, попутно желая выдать свое творчество за общественную работу и получить то самое заветное место в общежитии. Однажды, когда меня попросили сочинить что-нибудь для Нового Года, я долго не думал и принес длинный поздравительный стих. Испытывая сострадание к читателю, все произведение приводить не буду, да, если честно, и не помню, но там, например, были строки:

Вот Новый Год, а дела нерешенные.
Выйдь к общежитью, чей стон раздастся?
Плачут студенты, студенты бездомные:
— Жить, видно, нам на вокзале придется?!

Это мое творческое детище так и осталось неопубликованным, и в стенгазету меня больше не приглашали, но место в общежитии почему-то дали. Быт общежития сделал меня окончательно трезвым человеком (в поэтическом отношении, конечно), и я стал предпочитать сочинение *научных* произведений, причем в прозе. Кстати, в качестве замечания для начинающих поэтов, могу поделиться опытом: сразу стал чувствовать себя лучше и вскоре восстановил и преумножил свою популярность среди друзей и наиболее любимых девушек.

И все же, поэзия — трудноизлечимая болезнь. Ее рецидивы, как правило, еще не раз настигают пациентов, но уже не так часто и на более короткие сроки. Как только я восстановил собственное реноме, меня вновь посетила любовь. Она пришла летним вечером откуда-то с левого боку, и слегка

пощекотав душу приятным замиранием сердца, больно и жестоко долбанула по темени.

Голова после этого отказывалась конструктивно мыслить и все больше хотела шутить, смеяться и плакать, высказывать вслух нелепейшие восторги и непродуманные восхищения. А ведь голова — самый трудноуправляемый орган нашего с вами тела. Народ, почти не задумываясь, изобрел мудрость: «сердцу не прикажешь». Так вот что я вам на это скажу, подумав более тщательно: «с головой дело обстоит еще хуже». Вот почему получилось так, что мне выпало несчастье проговориться своей девушке о ранних опытах с поэзией.

- Ты умеешь писать стихи? — изумилась она, — Ах, как я люблю стихи! Прочти мне что-нибудь свое, ну прочти, пожалуйста.

Эта ее фраза быстро отрезвила меня, я стал упорно отказываться и утверждать, что пошутил. Но где там, разве возможно долго терпеть такое искреннее огорчение милого человечка. Основательно напрягшись, я вспомнил собственные белые стихи, которые, по моему мнению, могли привести к моментальной потере интереса ко мне, как к поэтической личности, и вернуть ход событий в прежнее счастливое русло. Я продекламировал:

Любимая, сиреневые ветры
Сплелись с прохладой гребешков лазурных,
К твоим ногам пригнав зарю в тумане.
Сверкнула тайная звезда Венеры,
Явилось чудо, сотканное Богом,
В создании, в веках неповторимом.
Судьба нечаянно тебя мне подарила.

- Что это? — сказала она, — Кого это ты так любил до меня? И почему так нескладно, ведь тут же нет ни одной рифмы!

Черт побери, она была полностью права. Мне даже нечего было ответить. Пришлось объяснить, что та, прежняя, давно уже нелюбима мной, да и не была любима. К тому же, она была так глупа и некрасива, что у меня даже рифмы не получались. Впрочем, разговор был долгим, и мне пришлось сторговаться на том, что я посвящу своей настоящей любимой самые настоящие стихи, в которых будет рифма, а при возможности, и смысл.

Теперь мне нужно было поступить очень тонко. Нужно написать так, чтобы в стихе сквозила философия и самый минимум упоминания о любви, Боже, упаси переборщить. Я взял беспроегрешную тему бренности бытия и написал:

Секунда — зло людского бытия.
Мгновенье — лом, крушащий слепо Вечность!

Тоска мирская — даль и бесконечность,
И безвозвратность самой малой капли
Промозглого осеннего дождя...
Рок весел кровью, мчится — слеп и нем.
Борюсь я не с любовью, а со временем,
Ломающим и душу, и любовь.

- Это про меня? — спросила моя девушка, — Как грубо и непонятно, неужели я заслужила именно это? Нет, ты — не Блок.

У меня сразу отлегло от сердца.

- Ну да, никакой я не поэт, давай об этом забудем, — сознался я честно.

И мы забыли. Забыли о стихах и прозе, забыли о мелких обидах и нелепых спорах, а вскоре и вовсе забыли друг о друге. Как-то, уехав по делам в Новосибирск, я почему-то вспомнил о своей подруге и подумал:

Глаза ее — волны морские, снежинка в ручье — ее возглас.
И даже в холодной Сибири, безбрежно тоскуя о ней
В морозном окне я увидел далекий мечтательный образ
Бегущей по звездному небу любимой... Любимой моей.

Мысль эту я записывать не стал и сразу постарался выбросить из памяти. Но так уж устроен мир: то, чего не хочешь помнить, остается с тобой надолго, а то, что помнить необходимо, улетучивается быстро и как-то само собой. Эта особенность организма дана человечеству эволюцией.

Когда забываешь необходимые вещи, часто попадаешь впросак. Пусть от этого становится немного стыдно (кстати, стыд — качество разумной материи!), зато потом есть над чем посмеяться, а значит испытать положительные эмоции и укрепить нервную систему. Из всего этого следует, что мать Природа не только мудра, но еще и обладает прекрасным чувством юмора.

«Ну вот», скажете Вы, — «дорвался, графоман. Стихи он не любит. А сам их тут напечатал, спасу нет». Правильно, как честному человеку мне этого скрывать не стоит, то есть все так и есть. Из всех стихов, которые я когда-либо читал, мне больше всех нравятся свои собственные. Не потому, что они лучше, чем у классиков, совсем наоборот. Мне их просто жалко, как собственных детей, не во всем преуспевших в сравнении с героями—сверстниками, но от этого любовь к ним не ослабевает. Вот почему я приведу еще одни стихи. На этот раз просто так.

Нет... Темно... Темнота...
Тьма... Ни мысли, ни слов.
Дни... Секунды... Года...
Миллионы веков.

Миллиарды столетий,
Черной бездны моря...
Вдруг! В весеннем рассвете
Вспыхнет странное «Я»...

«Я»... И всё очень просто.
Нет пространств и веков.
Всё обычного роста,
Без дверей и замков,
Без запоров и ставен.
Время мчится, скользя...
Мир прекрасен и славен.
Нету слова «нельзя».

Свойство времени — быстро
Течь, лететь, и тогда
Встанут в даях ветвистых
Лишь огней города.
Лишь мечты и страданья.
И, пока не всерьез,
Про «зачем» увяданья
Вдруг задастся вопрос.

Осень жизни, дожди
В грудь, штыками, как в сечу.
Жди, любимая, жди,
Помни первую встречу.
Это жизнь — это бой.
Лишь дороги вокруг.
Значит так нас с тобой
Ждут десятки разлук.

Но кончается миг,
Замывается круг.
«Я» проходит, как крик,
«Я» стихает, как звук.

«Я» стихает, как звук,
Стон. И меркнет рассвет.
Обрывается миг,
Темнота... Темно... Нет.

Если вам хочется сочинять стихи, смело это делайте. Неважно нравятся ли они кому-то или нет. Это намного лучше, чем если бы вы так и не попробовали сочинять.

Снова вспыхнут рассветы
И не будет тьмы лет,
Раз оставил Земле ты
Добрый собственный след.

СБОРЫ. РАЗБОР ПОЛЕТОВ

Студенты в армии не служат. Так происходит потому, что они либо уже отслужили, как, например, Шура Бадацкий, или еще будут, как, например, Мишка Катков. В сборнике анекдотов под общим заглавием «Конституция» записан вместе с другими один из наиболее популярных: «Служба в армии — почетная обязанность каждого гражданина». С этим не поспоришь. Обязанность — есть обязанность. Труднее дается понимание слов «почетная» и «каждого», несколько уводящие от сложившейся действительности. Сколько я, в свое время, ни пытался вникнуть в смысл этих слов в таком контексте, только все больше запутывался. В конце концов, пришлось согласиться с тем, что тут-то и кроется некий тонкий юридический юмор.

В технических вузах существовали военные кафедры. Учился на них весь мужской студенческий контингент института один день в неделю. По окончании многолетнего обучения студент, называвшийся на кафедре курсантом, получал звание лейтенанта-инженера (или лейтенанта запаса) с

какой-либо военной специальностью. Нужно сказать, что ребята выходили классными спецами.

После учебы многим из них приходилось служить в войсках два года, кому-то и больше. Отзывы о таких специалистах были превосходные. Огромные деньги тратились западными спецслужбами, чтобы через наше правительство провести решение о закрытии военных кафедр. Однако, вузы и оборонка по этому поводу объединялись на нижнем уровне и всегда выходили победителями в битве с коррумпированным чиновничеством. Была такая кафедра и в нашем институте. Изучалась на ней радиолокация и зенитно-ракетные комплексы, т.е. все то, что помогало обнаруживать чужие самолеты на подлете к границе России и отпугивать их по мере сил вплоть до полного уничтожения.

Для студентов обучение военному делу оканчивалось вместе с окончанием ими четвертого курса. В конце обучения министр обороны подписывал приказ о присвоении студентам (курсантам) званий младших офицеров. Правда, до этого каждый будущий лейтенант должен был один месяц отслужить в настоящих войсках, т.е. пройти так называемые «сборы». Для тех кто прошел сборы, кого ни спроси, этот месяц полон приятными воспоминаниями, остающимися на всю жизнь. Вот почему о сборах сейчас и пойдет речь.

Вся наша общажская комната в полном составе: Шура Бадацкий, Сережка Демушкин, Миша Катков и я были полностью военнообязанными, а значит сборы ожидали и нас, в том числе и Бадацкого, который в свое время уже воспользовался почетной обязанностью и полностью использовал свои два года. Шура был отставным сержантом и, в то время, как для всех остальных звание «курсант» было более коротким обозначением слова «рядовой», сержант так и оставался во время сборов сержантом. Как говорил сам Бадацкий, «ради этого стоило послужить». После сборов эта привилегия пропадала, и мы все становились лейтенантами, но пока этого не произошло, сержант для нас был весьма большим начальником.

Где же нам предстояло защищать отчизну? Сколько мне ни приходилось читать разных военных мемуаров и даже фантастики на армейскую тему, все действия в них разворачивались в городе N или его окрестностях. Создавалось впечатление, что вся наша отечественная оборона сосредоточена в этом городе.

Судя по книгам, географически этот город мог находиться в существенно разных широтах, но никогда не назывался ни N-1, ни N+1, а почему-то всегда именно N. С детства мне хотелось попасть туда, осмотреть достопримечательности и, если после этого не станет ясно самому, спросить у N-чан, зачем они так называли свою малую родину. Так вот, теперь мое желание было удовлетворено. После четвертого курса мы все отбывали на сборы в далекий северный город N, а точнее в местечко, на 121 км северо-

восточнее. Север... — место, где рождается вечность. Огромное холодное малиновое солнце, скрипучий искрящийся снег и необозримая сказочная равнина.

Впрочем, наша воинская часть была не на Крайнем Севере, а в северной тайге, но холодное дыхание вечности ощущалось и здесь, особенно в ночные и утренние часы. Часть была огорожена высоким забором деревянного зодчества с ровно подогнанными сосновыми досками, окаймленными сверху фигурной проволокой с узорными колючками. Такой забор давал возможность личному составу части не отвлекаться от несения службы и защищал от диких зверей, обитавших в тайге. Внутренние дороги и тропинки в части были заасфальтированы. В центре располагался плац для утаптывания сапог. Вокруг него — одноэтажные казармы, в которых кроме двухъярусных кроватей были еще спортивные снаряды, уборные и комнаты для политзанятий. Ближе к забору в разные стороны абсолютно без какой-либо системы были разбросаны: столовая, баня, спортплощадка, гаражи и автомастерские, два трехэтажных офицерских дома, медсанчасть, универсальный магазинчик (универмажек), штаб командования и другие подсобные постройки.

Командиром части был майор Вихров, в солдатском быту упоминаемый как майор Вихрь. Были и другие офицеры: начальник штаба, замполит, зам. по тылу, командиры взводов, в общем, все как у людей.

У нас, курсантов, начальства было много. Если точнее, начальством было все, что движется, начиная с сержанта Бадацкого и заканчивая майором Вихрем. Из офицеров чаще других нами командовали трое. Первым был майор, работавший на нашей военной кафедре и сейчас прикомандированный к нам для сопровождения.

Фамилия майора была такая редкая и нелитературная, что автор этих строк, будучи воспитанным человеком, не решился записать ее буквально и серьезнейшим образом изменил здесь самую ее суть. Для секретности здесь мы изменим не только фамилию, но и звание нашего начальника и будем называть его капитаном Ароматько. Ароматьке было около 45 лет, он был глуп, широк и приземист, обладал презрительным серым взглядом, коротким носом с трепещущими ноздрями и головой, все время поданной чуть вперед, из-за чего казался горбатым. Если сбоку посмотреть на его фигуру, то она с потрясающей точностью выражала собой команду «как стоишь, разгильдяй!». Кстати, все команды капитана Ароматько звучали примерно в такой же интонации.

Вторым нашим командиром был лейтенант Сивцев, более метко прозванный нами «товарищ лейтенант», впрочем, так к нему обращались практически все, включая высокое начальство. Он был из суворовцев, затем закончил высшее командное училище и поэтому считал себя гораздо более

военным, чем все другие офицеры части, которые с этим в принципе соглашались.

Нам, курсантам, и вовсе было трудно понять, хорошо это или плохо, но быть похожим на него никто не хотел, хотя, как молодой человек, он был подтянут, подстрижен, обладал правильными среднестатистическими чертами лица и нахальным командным голосом высокой тональности.

Третьим командиром был наш любимчик, старший лейтенант-срочник, т.е. призывник после технического вуза, Сергей Алексеевич Ковригин. Внешними данными он не уступал товарищу лейтенанту, был высок, улыбчив и философски флегматичен. Срок его службы скоро заканчивался. Встречались мы с Ковригиным ежедневно на политинформации, которую он проводил, и изредка на боевом дежурстве.

Режим дня у нас был почти стандартным: подъем в 6—00, зарядка, построение, завтрак, строевая подготовка, занятия по уставу, строевая подготовка, обед, политзанятия, спецподготовка и работа с матчастью (техникой) или боевое дежурство, ужин, свободное время, отбой в 23—00. Этот распорядок мог меняться в зависимости от того, как вел себя враг. Мы не знали, кто этот враг, но о его существовании несложно было догадаться по частым учебным и боевым тревогам, объявлявшимся, например, среди ночи. В этом случае распорядка дня не было вообще, а все наши действия напрямую зависели от врага.

А еще мы проходили курс молодого бойца. Стреляли, бегали в противобазах и ОЗК (общевойсковой защитный комплект), рыли окопы по полному и неполному профилям, совершали увлекательные марш—броски и многое другое, о чем вспоминать не хочется. Понятно, что все, чем мы занимались, было важно и давало возможность приобрести множество практических навыков и теоретических знаний. Однако самым главным, для чего нас и призвали на сборы, было боевое дежурство. Только оно давало возможность почувствовать себя будущим дежурным офицером подразделения противовоздушной обороны. Деталей дежурств я уже не помню, да и не имею права их помнить, поэтому схематично приведу лишь один из эпизодов, который так или иначе отражает суть нашей службы.

Четыре часа утра. Курсанты спят. Дневальные дневалют. В тайге брезжит рассвет. Вдалеке начинают петь неведомые ранние птицы. Ах, какой в это время сон, блаженство, вдыхаемое всей грудью организма. Где-то там, не очень далеко, вздрагивает во сне и кутает рыжим хвостом свой нос лисица, жмутся в дупле друг к другу уже подросшие бельчата, высунулся из норки и опять исчез в ней суетливый ёж. Только юркий поползень уже проснулся, порхает с сосны на сосну, снует вверх и вниз, быстро вертя своей пернатой головой. Но вот он застывает, прислушиваясь к чему-то, внимательно вглядывается вдаль и открывает рот.

— Рота, подъём! Учебная тревога! — это кричит дежурный, вечно он как-то некстати.

Рота вздрагивает, вскакивает с коек и начинает неистово шуршать. Первые пять секунд все происходит в полном молчании. Штаны, портянки, сапоги, гимнастерки, ремни. Потом мы начинаем просыпаться:

— Опять проклятые враги!

— Всех уничтожим! Чур, огонь открывать только по команде.

— Друзья, пришел и наш черед!

Эти крики произносятся бойцами как-то буднично, сурово, без огонька, даже с некоторым озлоблением. И хоть никто не обращает на них внимания, со стороны это могло бы показаться весьма правдоподобно. Просто ребята должны что-нибудь говорить, подбадривать друг друга.

Через две минуты мы на плацу. Бадацкий с хмурым видом стоит перед строем.

— Отделение, равняйся, смирно! Товарищ сержант, отделение построено, — докладывают ему один за другим командиры отделений.

Все происходит быстро и слажено. В каждом еще теплится надежда на ложную тревогу, пока мы еще до конца не проснулись и не успели остыть под одеялами наши койки. Но надежда быстро тает. Появившись откуда-то из—за казармы к Бадацкому подходит товарищ лейтенант:

— Слушай приказ!

Лейтенант оглашает разнарядку, из которой следует, что нам с Дёмушкиным и Катковым под командованием Бадацкого:

— Бегом марш!

Спасибо Шуре, уговорил-таки начальство. Сегодня все роют окопы, правда, не очень далеко, а мы, правда, далековато, но заступаем на боевое дежурство.

КП — командный пункт, который находится от нашего непосредственного расположения в 6 километрах. Бежать, конечно, недалеко, и в окружении таежной природы, но это, все-таки, не прогулка по лесу. Однако, нам уже веселее, мы смотрим на широкую Шуркину спину, аккуратно подогнанный ремнем калашников, ритмично работающие локти сержанта Бадацкого. Теперь он нам как старший брат. Чувствуется какая-то надежность и правильность происходящего.

А что, вот мы и самое настоящее подразделение, что-то вроде боевого расчета. Шурку мы прекрасно знаем, он лишнего не скажет и глупых команд, типа «не отставай», «не растягиваться» или «дыши ровней» давать не будет.

— Дыши ровней! — вдруг выкрикивает он, — мои боевые друзья, нужно бежать медленно, любоваться природой, наслаждаться жизнью, но без остановок, — так будет легче и прибудем вовремя. Я под честное слово старлею Ковригину пообещал. Катков, сбавь ход, не на войну бежишь.

Ну, это другое дело, подводить Ковригина было нельзя, ведь он был из наших, из технарей, очень правильный и справедливый мужик. И мы бежим, бежим ровно и неторопливо. Дорога в лесу сложная: вверх — вниз, вверх — вниз, влево—вправо, из стороны в сторону, то сучок, то коряга, то по уху веткой получишь, то споткнешься о сосновый корень, когда по сторонам-то глазеть? А все же хорошо, воздух душистый, хвойный. Тут есть все запахи: и прелея листва, и смола, и зреющая грибница, и лесные травки—папоротники, ягоды, наверное, есть, черника и брусника всякая.

А время летит, метр за метром остаются позади. Вон впереди береза, вроде далеко, а еще немного, еще чуток, и будет она рядом, а после и вовсе исчезнет сзади. Как и любая жизнь, армейская тоже имеет прекрасные мгновенья, как и любая жизнь, армейская тоже кончится. Дорога потянулась вверх, стала расширяться, превратилась в полянку, затем в поляну, затем и вовсе в КП. Прибыли.

На небольшой возвышенности стояли РЛС (радиолокационные станции). Каждая из них имела прицеп, т.е. передвижное помещение с сидящими внутри операторами, а также свою антенну и, как могла, крутила ей. Некоторые, называемые дальномерами, как карусели поворачивались на 360 градусов, делая нескончаемый оборот за оборотом, другие назывались высотомерами и вращались даже вверх—вниз. Короче говоря, крутизна!

На КП мы доложили о прибытии старшему лейтенанту Ковригину, который внимательно выслушал доклады и тут же ответил:

— Ну, в общем ясно. Учиться, значит, пришли. Ну и ладно, давайте, спускайтесь в КП, поможете, чем сможете.

Спускаться нужно было в центральный КП. Это серьезное подземное сооружение с узкими коридорами, весьма слабо реагирующее на разного рода бомбёжку. Главным было вместительное помещение с большими вертикальными пластиковыми планшетами, на которых солдаты рисовали как на карте трассы передвижения, например, самолетов и множеством индикаторов обзора воздушной обстановки — больших электронных экранов, на которых самолеты, например, в форме точек светились сами. Здесь же располагалась и вся прочая аппаратура, сопрягавшая центральный пункт с крутящимися наверху РЛС.

Всякие летательные аппараты засекались такой аппаратурой за многие километры вдаль и про них становилось сразу известно все: на каких дальности и высоте, с какой скоростью и в каком направлении передвигается аппарат. Почти сразу становилась ясной и еще одна важная вещь, а именно, кто это летит: свой или чужой.

Поскольку типов летательных аппаратов существует много, например, воздушные шары, дирижабли, вертолеты, ракеты и отдельные виды птиц, то называть их по имени в войсках ПВО не принято. Все они называются одинаково, лаконично и по деловому — цели. Если летит кто-нибудь свой, то

это — своя цель, если чужой — чужая цель. Чтобы цели не перепутать, каждой из них присваивается свой номер.

До заступления на дежурство было еще полчаса, и мы примостились на деревянной скамейке, стоявшей у неосвещенной стенки по левую руку от дежурного офицера, Ковригина. Он, казалось, сразу перестал обращать на нас какое-либо внимание и сразу окунулся в работу. Было несколько странно наблюдать, как он окунулся. Старлей просто плюхнулся в жесткое кресло возле ИКО (индикатора кругового обзора), и, облокотившись обеими руками о стол, безвольно шлепнул в руки небритый подбородок. Глаза его с недоумением смотрели в ИКО, а откуда-то из самых глубин организма выдавился и застрял в горле не очень внятный звук, что-то вроде:

— О-ох, саранча поднебесная.

Судя по всему, целей на ИКО хватало. Двое младших сержантов, стоявших за стеклом обзорных планшетов, торопливо перерисовывали все время меняющиеся координаты самолетов, диктовавшиеся им через наушники операторами. Ребята явно устали, поскольку слегка пошатывались и поминутно зевали. Впрочем, при всем при том, они пребывали в прекрасном настроении, потому, что время от времени кто-то из них оживлялся, бил себя по затылку или потешно всплескивал руками, со смехом мотая головой и подмигивая своему товарищу.

В то же самое время, Ковригин тоже глядел на планшет с нарисованными там трассами полетов и, подскакивая на месте, с явной досадой бурчал себе под нос:

— Стой, куда? Убью гада!

Это было очень странно. Я поймал себя на мысли, что все происходящее напоминает игру в преферанс. Играли старший лейтенант и оба младших сержанта, причем старлей явно проигрывал. На самом деле ничего подобного не могло быть. Задачей всей команды было просто наблюдать за режимом полетов всех пойманных локатором целей. Каждая цель должна была при появлении получить свой номер и спокойно лететь, не нарушая графика и маршрута, по своим делам и, когда нужно, приземлиться или исчезнуть с экрана и планшетов в правильном направлении. Никак иначе просто не могло происходить, т.к. при отклонении цели от заранее известного маршрута, информация об этом немедленно отправлялась в высшие инстанции. Те, в свою очередь, немедленно принимали решение, что делать с такой целью и, как минимум, поднимали в небо самолеты—перехватчики. Однако, перемигивание и смешки продолжались, продолжал негодовать и Ковригин.

Но время летело быстро. На свою вахту пора было заступать и нам. Бадацкий, как старший из нас, сел дублером дежурного офицера, а мы с Демушкиным и Катковым на сменке пошли за планшеты. Там оказалось как-

то неуютно и душно. Наши предшественники быстро сдали нам дела и немного замешкались в дверях при выходе.

— Удачи, салаги, любви вам, счастья и мирного неба! — с ехидцей выкрикнул один из них, что был повеселей.

— Спасибо. И мы стране послужим, — отшутился Демушкин, — Мужики, а чем это тут нос закладывает?

— Что закладывали, тем и закладывает, — огрызнулся веселый, — Это спирт. Планшеты чистили. Поменьше трепите языком.

Сержант вдруг что-то вспомнил, поманил меня к себе пальцем, и дыша перегаром, негромко сказал на ухо:

— Поосторожней там с целью 113.

— Правительственный самолет? — быстро переспросил я, пока весельчак не ушел.

— Да нет, наоборот, это — маневровый, — хохотнул сержант и быстро выбежал, хлопнув дверью.

Мы в недоумении посмотрели друг на друга. Какой, к черту, «маневровый»? Небо — не железная дорога, где маневровые тепловозы мотаются по путям туда—сюда, перегоняя на нужные пути и убирая с ненужных всякие там вагоны и целые составы. «Шутники» — решили мы, — «что с них возьмешь», но на всякий случай 113 номер запомнили.

Со всей ответственностью наш расчет приступил к работе и через каких-нибудь пару часов все выяснилось само собой. Информации в наушники поступало много, диктовалась она часто, быстро и невнятно. Еле-еле успевали мы стирать старые и рисовать новые трассы самолетов.

Азимуты маршрутов часто менялись и пересекались, увеличивались и падали высоты, скорости полетов становились то быстрее, то медленней. Я, Демушкин и Катков рисовали, рисовали, рисовали... Предельная серьезность, предельная сосредоточенность.

И тут я посмотрел на Шуру Бадацкого. Он сидел немного сзади старшего лейтенанта напротив нас и был на пике душевного подъема. Что и говорить, таким я его не видел даже после тройки по сопромату. Шурка заходилась от немого смеха и, зажав в руке пилотку, то и дело смахивал ею слезы счастья. Ковригин наоборот был расстроен, хотя, видимо, не так сильно, как ранее, пару часов назад.

Мы с Катковым и Демушкиным стали подозревать что-то неладное и попробовали соотнести свои действия с поведением нашего начальства. Вскоре обнаружилась следующая интересная закономерность. Дежурный офицер начинал сокрушенно качать головой, объясняя что-то Бадацкому, а тот с серьезным выражением кивал, отодвигался чуть-чуть подальше и хватался за живот всякий раз, когда какой-нибудь из сопровождаемых нами самолетов резко сбрасывал скорость и высоту или наоборот, стремительно набирал высоту и скорость.

Понемногу до нас стало доходить, что такое поведение нашего начальника было вызвано какими-то нашими ошибками. Мы стали действовать более мудро и осмотрительно, используя следующие рассуждения. С чего бы самолету, тем более гражданскому, делать резкие маневры по высоте и скорости? Следовательно, тут просто появлялась ошибка, возникавшая либо по вине операторов, сидящих за своими приборами и диктующими нам информацию по дальней связи, либо по нашей вине, когда трассы самолетов пересекаются под малыми углами и их очень легко перепутать. Поняв это, мы выделили специального человека, а именно Мишу Каткова, для отслеживания таких нештатных ситуаций. Мишка быстро находил ошибки и подсказывал нам, что нужно исправить. Мало—по-малу дело налаживалось, несколько успокоился и дежурный офицер, стал скучать и Бадацкий.

И все было бы хорошо, но тут мы вспомнили совет веселого сержанта. Прошло уже более пяти часов, а цель Ё 113 так и не исчезла с планшета! Она моталась с разной скоростью из стороны в сторону, иногда подолгу стояла на одном месте, давая нам передохнуть, потом вдруг снова начинала маневр, совершенно непредсказуемый по нормам поведения.

Было вполне очевидно, что ни один воздушный аппарат не мог так долго находиться в зоне видимости наших локаторов. С одной стороны, зачем самолету совершать броуновское движение, с другой, у него давно закончилось горючее, т.к. он достался нам «по наследству» от предыдущего боевого расчета. К завершению нашего дежурства на нас, наконец, нашло озарение: борт Ё 113 попросту не существует! Его по ошибке добавили или «забыли посадить» наши предшественники. Функции Ё 113-го брали на себя по очереди разные самолеты, пролетавшие где-нибудь вблизи отметки Ё 113. Стало ясно, что «маневровый» нужно как можно быстрее «сажать», пока не закончилась наша вахта. Мы втихаря задали ему азимут на север и за каких-нибудь полчаса сбагрили с планшета. Можно было с облегчением вздохнуть.

И тут мы посмотрели на Ковригина с Бадацким. О, счастье! Они радовались, как дети, подбадривающе кивали нам головами и трясли кулаками с поднятыми большими пальцами. Нам было неслышно, что они говорили, но судя по эмоциям, это были хорошие, радостные, хотя, возможно, нецензурные слова.

Дежурство закончилось, мы устали, словно были выжаты, как шерстяные носки, случайно упавшие в брагу. Дежурный офицер встречал нас уже со спокойным, но строгим видом.

— Ладно, ладно, хорошо, что разобрались, — сказал он, — ставлю на первый раз четверку с минусом, заставили, черти поволноваться. Отправляйтесь в казарму.

Он повернулся к Бадацкому и уже по военному приказал:

— Сержант Бадацкий, по прибытию в казарму провести разбор полетов и разъяснительную работу с личным составом. После мне доложить.

— Есть, — товарищ старший лейтенант!, — вскинул руку к пилотке Шура.

Мы построились и шагом, не очень напомиравшим строевой, проследовали в лес, в обратную дорогу.

Бадацкий шел впереди, шел молча, изредка оглядываясь на нас и слегка похмыкивая себе под нос.

— Не тяни, Шурка, — взмолились мы, — ты что, в самом деле хочешь разбирать полеты в казарме? Не будь жлобом!

— Ладно, — согласился Бадацкий, — слушай разбор полетов. Ставлю вам пару. Тройку вы пока не заслужили, но двойка твердая, можно сказать, с плюсом!

Мы молчали. С Бадацким и раньше-то спорить было бесполезно, а теперь, когда он сержант, да еще твой начальник, и подавно. Сделав паузу после первых слов и убедившись, что его внимательно слушают, Шурка взбодрился и перешел на излюбленный выпенный слог.

— Запомните, салаги, гражданские самолеты перевозят десятки пассажиров. Там едут женщины и дети, старики и старухи, рабочие и крестьяне, комсомольцы и даже члены партии! Все они пьют чай и вино, едят вафли и рыбу. Все это им дают очень-очень красивые белокурые девушки с длинными и стройными ногами. За это всех их зовут стюардессами. А теперь вспомните, что вы, юные чкаловцы, вытворяли с нашим населением?

Всего я перечислять не буду. Рассмотрю только наиболее запомнившееся. Пассажирский Ту-154 из Ленинграда в Новосибирск летает уже три года. Кукурузник из Нижней Вышегды десять лет доставляет рабочих на алмазные прииски севера. И никогда, слышите, ни-ко-гда с ними еще не поступали так жестоко. Ленинградский самолет, судя по вашему планшету, вдруг вошел в резкое пике с перепадом высот в 8 тысяч метров, сбавил скорость до 350 км/час и медленно так улетел на Крайний Север. Нет, вы подумали, что в это время творилось в салоне?

Как сейчас я вижу лица и глаза женщин, детей и особенно старушек, испытавших в нижней точке пике перегрузку в 4g ! Не каждый космонавт выдержит такое. Зря, эх зря они ели рыбу. Ай, да что с вами говорить. С другой стороны, судя по вашему же планшету, в поселке Мирный не дождалось сезонных рабочих. А ведь сегодня — последний день полетов. И все потому, что перевозивший их кукурузник взвился ввысь, не хуже Икара и на неприличной для машин этого класса скорости просто усвистел в Новосибирск. Но даже эти два случая — ерунда в сравнении с теми тремя рейсами местного значения, которые резко развернулись, пересекли государственную границу СССР и улетели в Швецию и Финляндию.

При этих словах Бадацкий остановился, заставив тем самым остановиться и нас, с минуту покачался взад-вперед на каблуках, убрав руки за спину, и вдруг резко вскинув голову, пустил в нас глазами крупнокалиберную пулеметную очередь:

— Думаю, ребятки, вами уже вплотную занимается КГБ.

Похоже, им сказано было все. Дальше мы шли молча. Каждый думал о своем.

— Саш, а за что нам Ковригин поставил четверку? — вдруг с наивностью в голосе спросил Катков.

— Четверку? Да пожалел он вас, врагов народа. Ну а вообще-то помогли вы ему. Помните борт Ё 113 ? Он, ведь, фашист, уже третий день висел над нашей территорией. С самого дня рождения младшего сержанта Веселкина. Никто не мог его вычистить. За это спасибо, сынки. Не подвели наш расчет.

Солнце клонилось к закату. Стволы сосен стали желто-малиновыми, почти нарядными. Они вселяли в нас чувство радости за то, что мы живем, за то, что мы дружим, за то, что скоро научимся защищать эти сосны и березки, защищать нашу родину. Служить в армии хотелось.

СБОРЫ. ЧЕРТ НА ОДНУ НОЧЬ

Эта история случилась с Серегой Демушкиным. Вышло так, что пришлось ему целую ночь проработать чертом, в одном из самых страшных смыслов этого слова.

Дело в том, что около тридцати километров юго-западной нашей воинской части находился наблюдательный пункт. Стоял он на небольшой

возвышенности, состоявшей из неизвестной каменной породы, толи завезенной сюда специально, толи являвшейся остатком Уральских гор, непонятно. Каменное чудо было и вовсе странным, поскольку располагалось среди северных болот, и добраться к нему можно было лишь узенькой малопроезжимой дорогой, если, скажем, ехать на тягаче, ну а лучше всего — вертолетом.

В переводе с иностранных языков «пункт» — это «точка», маленькая такая точка на карте, размеры которой свидетельствуют о ничтожно малой роли этого объекта с военной точки зрения. От этого слова и пошла офицерская поговорка «для одиночек хватает точек», т.е. мелкие, заброшенные к черту на рога, воинские подразделения принято называть точками, и посылают туда молодых и неженатых. В таких местах нет никаких культурных развлечений, никаких перспектив повышения по службе, зато и надзора за ними никакого, попробуй, доберись. Охота да рыбалка — вот и все удовольствия, а дальше — у кого на что фантазии хватит.

Наш наблюдательный пункт представлял собой самую мельчайшую точку. Была там где-то рядом замаскированная зенитно-ракетная установка, а официально — стояла на открытом месте деревянная вышка и прилагалось к ней пара тяжелых биноклей. Смотри, дескать, на небо. Если увидишь низколетящую цель, которой здесь по регламенту быть не должно, беги к аппарату дальней связи и докладывай в часть. В общем, это был рудимент старинных времен самого царя Гороха. Впрочем, стоял там еще сруб—пятистенок общим размером $6'8\text{м}^2$. В нем жил-существовал текущий дежурный младший офицер или даже сержант, у которого все должно было быть наготове для охоты на такого же, как он сам, мелкого зверя: лисицу, куницу, зайца, а чаще просто на пернатую дичь. Проверки большим начальством нашей части заканчивались именно здесь, а иногда здесь и начинались.

Послать кого-нибудь на дежурство в этом наблюдательном пункте означало, что человек всем сослуживцам уже надоел и от него нужно было отдохнуть. Хотя, случалось по-разному. В этот раз в части на военных сборах были мы, курсанты военной кафедры из политеха.

Трудно в такое время ожидать проверок, правда сезон для браконьерства уже наступил и выдался он вполне благоприятным. С другой стороны, дел в части было много, да еще добавилось хлопот с курсантами. В общем, посылать на точку было просто некого. А в этом случае срабатывает еще одна армейская поговорка, которая называется так: «ну-ка, кто у тут нас самый молодой?». Вот так и вышло, что дежурить на пункте выпало «кому-нибудь из курсантов».

Дежурить надо было две недели, на сменке, два дня кто-то один, затем два дня другой и т.д. Наш ротный, товарищ лейтенант, к своей, так не

свойственной ему, чести, поручил сделать этот выбор сержанту Бадацкому, а тот уже принял самое мудрое в таких случаях решение:

— А что, сынки, может быть, кто-нибудь сам хочет отдохнуть пару дней, грибочки там пособирать, ягодками полакомиться? Ну, кто смелый, кому доверить право первой внебрачной ночи? Рекогносцировка — задача сложная, но почетная. Тут уж, как говорят американцы, «под щитом или без щита..., куда кривая выведет!» или по-нашему «либо рот во щях, либо голова в клещах!».

Мы взяли было паузу для размышления, как вдруг Сережка Демушкин, который был родом сам почти из этих мест, вызвался добровольцем:

— Нет на этих болотах клещей, товарищ сержант, кстати, грибы и ягоды тоже встречаются нечасто. Змеи есть, чирки да куропатки... Но хорошенько выспаться не помешало бы. Записывай меня первым.

Это было так удачно и вовремя сказано, что оставшийся народ живо повскакивал с мест и наперебой бросился в добровольцы. Кто успел, тот записался, остальные с черной завистью поглядывали на Демушкина, всех обхитрил, местный гад.

Сказано — сделано. Утром пришел за Демушкиным тягач. Посадил его себе внутрь и увез. Только мы его и видели.

Что для солдата два дня? Пролетят — не заметишь. Зарядка..., плац..., политзанятия..., зарядка..., плац..., политзанятия..., вот и настало время встречать Серегу с дежурства. Многим курсантам не было до него никакого дела, но те, кого ждала очередь заступить на вахту в той самой дальней точке, переживали малость, как оно там? В казарму наш дежурный вернулся утром лишь на третий день. Что там говорить, узнать его было тяжело. И так всегда худой Демушкин стал совсем тощим, его даже шатало под порывами ветра. Он осунулся и дико устал, а самым странным было то, что он был черен, как негр средней пигментной насыщенности. Потемнела даже его гимнастерка. Демушкин сразу сел на койку и устало вздохнув только покачал головой на наши расспросы.

Тут как раз в казарму вошел Шура Бадацкий, сходу бросившийся к отдежурившему курсанту и издали начиная приветствие:

— Ну как дела, отщепенец?

Тут он увидел Демушкина, что-то сразу скумекал и намного тише добавил:

— Выжить ... Удалось?

— Порядок, — с трудом сумел ответить Серега, — работал чертом в пекле. Кто там следующий?

Этим следующим был Мишка Катков, он с ужасом смотрел на своего товарища:

— Серега, что случилось?

— Мишка? Да все путем, не дрейфь. Главное, знай, дрова найдешь в камышах под лодкой, под долбленкой, запомнил? Принимай вахту. — это было сказано Демушкиным из последних сил, ибо он сразу как мешок завалился спать поверх одеяла прямо в чем был.

— Серега, Серега, да что случилось? Что там было? — пытался будить его Катков.

Но это было без толку, отдежуривший черт был в самой глубине своего сна. Так и уехал Катков на точку, полный мрачных предчувствий.

Только поздним вечером удалось как следует расспросить Демушкина о его приключениях. И вот, оказывается, в чем было дело. Да, законы армии сложны и непредсказуемы.

Когда Сережка залез в тягач, жизнь начала понемногу налаживаться. Ехать по труднопроходимой местности предстояло часа полтора, а то и два. Веселый водитель, ефрейтор по званию, подбадривал пассажира, чем мог, рассказывал анекдоты из армейской жизни, и что успел, рассказал и про свою гражданскую.

Чем больше узнаешь о человеке из его собственных уст, тем более близким он тебе становится. И хоть трясло и бросало тягач вверх и вниз, да с борта на борт, путь пролетел почти незаметно. К концу дороги они уже стали старыми знакомыми, даже друзьями. Вот и приехали на наблюдательный пункт. Собственно говоря, до самого пункта доехать было невозможно, слишком заболоченное место, но пешком пройти нужно было совсем немного — метров пятьсот. Пошли вместе, т.к. ефрейтор был веселым парнем, а таким в армии торопиться некуда. Украсть его вездеход тут никто не мог.

Пункт вблизи оказался совсем непохожим на точку. Каменистая поляна, хотя и находилась среди болот, была вполне вместительна. Сюда без труда поместилась, не только наблюдательная вышка и бревенчатая сторожка, но и вертолетная площадка, не говоря уж турнике, туалете и большом столе с лавками под открытым небом. Прямо на берегу не то болота, не то озера стояла низенькая банька, между банькой и озером лежала перевернутая лодка—долбленка.

В общем, это было целое хозяйство... Вот тут можно было бы спросить, а как это Демушкин определил, что здесь была вертолетная площадка, может это мини-плац или так, для волейбола? В данном случае все оказалось намного проще — на площадке стоял Ми-8 и, судя по всему, уже «под парами».

— Неужели начальство? — вслух удивился Сережка.

— Да нет, — пояснил ему ефрейтор, — вертолет тут как такси для офицеров. Видно, кто-то из них уже отдежурил. Только тебя и ждут.

В самом деле, из сторожки вышел старлей Ковригин и направился к вертолету. Потом немного замешкался, подманил жестом к себе Демушкина и скороговоркой крикнул:

— Ночью тут очень холодно. Завтра на этом вертолете прибудет начальство, в погон им звезду. Ты печку протопи. Да много не надо, хватит одного простого ящика. Разломаешь — и в топку. Пока, салага, спать можешь до семи утра, раньше никто не появится.

Старлей поднялся в вертолет, тот не спеша раскрутил винт и ... поминай, как звали.

Сергея стоял огорошенный. Получилось, что он принял вахту по несению дежурства, а в чем она, собственно, заключалась, так и не понял. Он растерянно посмотрел на ефрейтора, который с интересом оглядывал хозяйство наблюдательного пункта.

— А что, жить можно, — констатировал тот после непродолжительного раздумья, — я бы тут пожил с пару недель, отдохнул, выспался, короче говоря, свезло тебе, курсант.

— Оно, все может быть, и свезло, — засомневался Демушкин, — только неясно, чего теперь мне нужно делать на этом самом дежурстве.

— Как это что? , — удивился ефрейтор, — Что приказали, то и делай.

— Да мне, вроде бы, ничего не приказывали.

— Еще лучше, значит, ничего не делай. В армии как? Если приказали — обязан выполнять, если не приказали, то и выполнять не имеешь права. Инициатива — штука наказуемая. Как тебе сейчас сказал старлей: спать до семи часов утра. Я бы на твоём месте не гневил начальство, а молча выполнял эту команду.

— Да нет же, спать он мне не приказывал, — поправил ефрейтора Серега, — он сказал, что я *могу* спать до семи. Видимо, могу и не спать.

— Чудак-человек, — еще больше удивился ефрейтор, — если *можешь* спать, нужно спать, вот и все!

— А ведь он еще что-то сказал про начальство, которое прилетит завтра, что печку надо топить... Может быть, в этом и есть вся служба? — урезонил собеседника Серега.

— Да это дело пустяковое, но нужное, — согласился тот, — разбей ящик и протопи. Так, он, вроде, сказал?

— Ну ладно, с печкой вопрос решим, — стал успокаиваться Демушкин, — где тут эти ящики?

— Ящики — это не вопрос. Они сюда столько вина привозят в этих ящиках — топить не перетопить.

Выяснив, наконец, в чем заключается основная задача дежурства, солдаты попрощались. Если у Демушкина еще роились в голове некоторые сомнения, то ефрейтору было все абсолютно понятно, и уходил он, откровенно завидуя курсанту. Ему бы такое дежурство, он приступил к нему

немедленно. «Дураки, все-таки эти студенты, им бы подольше нужно служить в армии, чуток бы поумнели», — думал он, уже подходя к вездеходу. Но тут вдруг ефрейтор услышал дикий вопль: «Стой, ефрейтор, стой! Не уезжай!». Кричал, безусловно, курсант, но чем он был так взволнован, они ведь все выяснили? А может там змеи? Пришлось возвращаться. К нему навстречу неся обалделый Демушкин.

— Нету, их нету! Нет ни одного! — орал он.

— Что нету, кого нету? Успокойся! — заорал в ответ ефрейтор.

— Ящиков нету! Куда они их дели, черт их знает. Может уже все пожгли. А может этот старлей имел в виду какие-то другие ящики, не из под вина?

— Да? Может и так, топить то тут больше нечем. Лес-то далече. — задумался ефрейтор, — постой, а ведь тут недалеко чалятся ребята, ракетчики. Километра три, наверное. Тоже как-то обогреваются. Может у них ящики есть?

— Да как я туда пойду? Я ведь на дежурстве. — совсем расстроился Серега, — да и не знаю я, где они, эти ракетчики. Слушай, может сможешь, подвезешь?

— Это — не вопрос, — вновь развеселился ефрейтор, — садись, отвезем с ветерком! Знаю я, где они кантуются.

И снова вездеход закачался по ухабам, то ныряя носом в жидкую грязь, то выскакивая на короткие сухие островки дороги. Примерно через полчаса удалось достичь позиции зенитчиков. Ребята оказались своими мужиками:

— Есть ящики, хорошие, сортовые, прямо первый класс! Сами ими отапливаемся. Как раз поместится на крышу твоего тягача. Есть, чем привязать? Сейчас закинем.

Ящик, правда, удалось «закинуть» не без труда. Пришлось звать ребят на подмогу, вшестером с работой управились.

— Тут одно только «но», — сказал в конце один из зенитчиков, — вы это, ящик сожгите полностью, без остатка. На нем маркировка секретная. Из под ракет, все-таки. В общем, под ваше честное слово.

Поблагодарив своих «спасителей», друзья отправились в обратный путь. Сбросить ящик с вездехода на месте было значительно проще. А вот как его дотащить до сторожки? Но и тут бывалый ефрейтор не растерялся:

— Это я тебе немного помогу. Сейчас сам сможешь дотащить. Ну ладно, мне уже пора, а то нагоняй получу, пока, служивый, может где еще встретимся!

Ефрейтор вскочил в тягач, развернул его на месте и пару раз сдал взад—вперед, прокатившись гусеницами прямо по доскам ящика. Оставив после себя груды обломков, он тронулся в обратную дорогу, на этот раз в дальнюю.

«Вот она — армейская взаимовыручка», — с гордостью подумал Демушкин, оставшись один на один с разломанным ящиком. — «Выходит, и мы, русские, тоже кучкой держимся. Хорошо, все-таки, все вышло.» С другой стороны, ничего удивительного не было. Сережка и сам привык всем помогать. Значит, все так и должно быть. Он не спеша собрал несколько досок, взял их в охапку и потащил к месту дежурства.

Все складывалось как нельзя лучше. В сторожке он нашел топор, пилу, старые газеты «Служу отчизне», спички и несколько сухих пайков. Русская печка находилась в углу первой комнаты, почти напротив входной двери, была большой и белой. Над топкой стояло два чугуна и чайник. Заслонка и задвижки были в исправности.

Наш дежурный свалил дрова возле печки, достал из своего вещмешка часть пайка, вскрыл ножом тушенку и не торопясь плотно перекусил. «Сейчас еще и чайку организуем», — подумал он, — «печка еще теплая, топить долго не придется». Дрова занялись сразу и через пятнадцать минут чай был готов. Теперь Сережка сидел на деревянных нарах и радостно вздыхал, полностью довольный армейской жизнью. Ну дальше, что могло быть дальше? Сморил его от такого удовольствия богатырский сон.

Проснулся Демушкин от холода и, посмотрев на часы, вскопчил, как сурок, почувывая беду: было уже 19 часов 30 минут. «Ого!», — подумал Серега. Вместе с этим он подумал еще кое-что, что на этих страницах приводить не имеет смысла. Впрочем, общая суть всех его мыслей можно свести к этому самому «ого!». «Топить, быстрее топить», — явно вырисовалась вторая мысль, — «Ведь нужно успеть все сжечь, а это займет часа три, а то и больше, ящик-то немаленький».

Вот тут и начались для Демушкина суровые армейские будни. Во-первых, оказалось, что разбить огромный упаковочный ящик — непростая работа, во-вторых, перетащить на полкилометра дрова, которые в собранном виде ворунали шесть дюжих мужиков — оказалось еще более сложной задачей, в-третьих, ...

Впрочем, пока и этих двух пунктов было достаточно. Не покладая рук, Сережка рубил и таскал, таскал и рубил, через каждый час делая небольшие пятиминутные перерывы, чтобы хоть немного отдышаться. В итоге первый этап работы был завершен. На часах в это время было 23 часа 15 минут, а это значит, что работал он больше трех с половиной часов! Демушкин так хорошо согрелся, что топить печку после этого не было никакой необходимости. Но вся беда была в том, что необходимости не было топить ее для себя. Другое дело — для начальства. А сжечь дрова без остатка — это просто вгоняло в ступор. Вот тут и понял курсант всю сложность армейской службы. Волею судьбы, он внезапно оказался на передовой.

Хорошо, что с печами Демушкину уже приходилось иметь дело в школе—интернате. До отказа выдвинув все задвижки и полностью распахнув

поддувало, он принялся топить. Поначалу, казалось, беспокоиться было не о чем. Два—три часа работы и спать, спать, спать... Хуже стало спустя эти самые два часа. Стенные ходики показывали второй час ночи, а дров было, что называется: начать и кончить.

В какой-то момент Сережка даже чуть было не решился снести доски на двор и запалить там пионерский костер, за час бы все сгорело. Но так уж была устроена эта бесова площадка наблюдательного пункта, что следы такого пожарища было бы после не скрыть. Пришлось продолжать.

К шести утра Демушкин уже изнемогал от усталости, весь вымазался в золе и смотрелся в точности, как черт в пекле, эдакий черт, явно не из сачков. Жара в сторожке стояла трудноописуемая. Впрочем, в парной бывает и не такое. Однако, при всем при том гора дров ощутимо уменьшилась. Становилось ясно, что к восьми утра удастся уложиться без остатка.

И тут, вдруг, Серегу осенило: «батюшки, а как же Мишка Катков, ведь следующее дежурство — его?». Выходило, что хотя бы на одну протопку дрова надо было оставлять. Можно было опозориться перед начальством, даже попасть под трибунал, но не позаботиться о товарище Демушкин не мог. Так и вышло, что спрятал он остаток дров под лодкой, что лежала перевернутой кверху килем на берегу: так было и незаметно, и в дождь топливо останется сухим.

Удалось, все-таки, нашему дежурному прикорнуть, на часок, а все же вышло. К восьми утра, как по будильнику, слышался стрекот вертолета. В вертолете сидел полковник из округа, начальник части, майор Вихрь, и товарищ лейтенант Сивцев. Как сидели, так и прилетели. Демушкин, увидев в этой глуши начальство столь высокого ранга, совсем смутился, но как мог быстро подбежал к полковнику и начал докладывать:

— Товарищ полковник, за время моего дежурства никаких происшествий не произошло ...

— А что тут может произойти, пожар, что ли? — усмехнулся полковник, — так вода же кругом, сыро и холодно. Тут в пожар только погреться можно. Отдыхай, браток, отдыхай. Мы тут сами немного «подежури́м».

То, что «дежурство» у комсостава получится, Демушкин сразу понял, поскольку из вертолета пилот с лейтенантом вытащили ящик каких-то бутылок, и после еще три тяжелых сумки с провизией. Оставив вертолет стоять на площадке, начальственная компания скрылась в сторожке.

Сережка сел на скамью за деревянным столом, что стоял прямо под открытым небом, и уронив голову на руки, принялся «отдыхать». После горячей ночи утренняя прохлада доставляла только удовольствие. Однако, было как-то тревожно, а что, если кто-нибудь из начальства найдет обломки секретного ящика, которые были запрятаны под лодкой? Вдруг они захотят на лодке покататься, вот будет на орехи...

Не спалось. И тут Сережка услышал тупой стук захлопывающейся двери. Из сторожки вышел полковник, он был весел, в одной руке держал початую бутылку вина, накрытую стаканом, в другой — какой-то сверток. Оглядевшись по сторонам, полковник, словно удивившись, что дежурный курсант никуда далеко не ушел, напрямик направился к Демушкину, у которого со страху чуть ноги не отнялись.

— Эй, курсант, как тебя звать—величать? — спросил начальник.

— Курсант Демушкин, — как можно бойчей доложил Сережка.

— Так и зовут, что ли, Демушкин, а имени нет? — продолжал допрос полковник.

— Если полностью, то Сергей Борисович.

— Сережка, значит?

— Так точно, Сережка!

— Это хорошо, сережки — они ребята деловые, много я знавал вашего брата, — балагурил полковник, — не то, что витьки или полуэжты. А ты что такой чумазый, в саже что ли?

— Так точно, товарищ полковник, испачкался чуть—чуть с непривычки.

— Когда печку топил? Это славно. Молодец! Тепло там, в сторожке, спасу нет. Вот вышел подышать на природу. Угощайся.

Полковник поставил стакан на стол, налил вина и развернул сверток. В свертке лежала жареная утка и два яблока.

— Что вы, товарищ полковник, я не пью. Да и сыт, мне паек дали на два дня. — засмутился Демушкин.

— Не видал я солдат, чтобы не пили, скверно это, а еще Сережка. А ну давай, залпом, а то устрою тебе нагоняй!

— За что же нагоняй, товарищ полковник, я же ничего плохого не сделал.

— Не сделал? А чем ты топил, друг сердечный, ну-ка скажи? Мне врать нельзя!

— Ящиком топил, мне старший лейтенант так сказал, — Демушкин понял, что где-то прокололся, но никак не мог понять, где именно.

— Ящиком, ящиком... Секретным ящиком?! — вдруг в упор спросил полковник.

— Секретным, товарищ полковник, но я не специально...

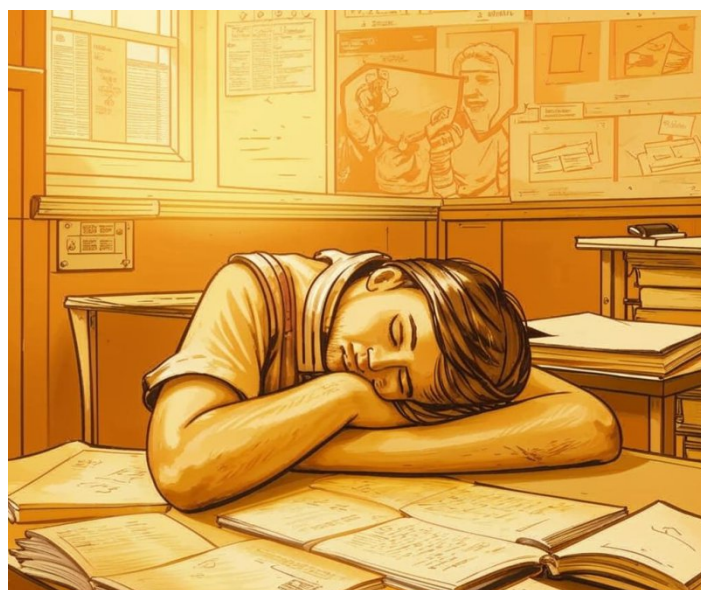
Полковник сердито хлопнул себя по колену и быстро встал:

— Что за наблюдательный пункт? Вечно здесь ракетными ящиками печи топят. Что им дрова лень завести, что ли. Тут лес-то в шести километрах. Правда, я и сам забываю проследить. А вы тут, бедные, потом всю ночь... Да... У меня и самого по молодости был аналогичный случай.

Полковник посмотрел на Демушкина, словно решая, рассказывать ему про случай или нет, потом криво усмехнулся и похлопал курсанта по плечу:

— Ешь, сынок, ешь. Да и вино не больно крепкое, разрешаю. Мы тут еще долго сидеть будем. Вон иди в баньку, выспись. Мы сегодня париться не будем. Дрова-то остались? Под лодкой, небось. Ну подтопи там для себя в баньке-то, а может помоешься? — полковник весело подмигнул и пошел в сторожку.

Вот как бывает. Сережка полностью последовал советам начальства и докоротал свое боевое дежурство до конца, пока за ним не приехал вездеход. Служить в армии хотелось.

СБОРЫ. СЛАВА И КРУШЕНИЕ МИШКИ КАТКОВА

К своим 20-ти годам любой человек создает о себе вполне прочное общественное мнение, или имидж, как говорят об этом наши американские фрэнды, или реноме, как говорят более грамотные французы. Такое представление о человеке может служить как в пользу его славы, так и наоборот.

С некоторой долей определенности люди делятся на два класса: хорошие в глазах большей части общества и плохие в глазах той же самой части. Абсолютно хороших людей не бывает, абсолютно плохие встречаются не очень часто. Абсолютно хорошим человек может стать только после смерти. Впрочем, такой поворот событий нас может только увести в сторону от главного вопроса, который мы сейчас зададим: «а вот Михаил Катков, он плохой или хороший?».

Возможно, дорогой читатель уже знает Каткова и даже часто с ним встречается. Тогда вы уже составили какое-то собственное мнение по этому поводу. Однако, я все-таки кое-что добавлю.

Катков был не только простой и открытой личностью, он был к тому же доверчив и искренен. Любые слова принимал на веру: верил всем и во всем, даже в заведомо явную чушь и откровенному вранью. Вот почему получилось так, что верил он и политическим деятелям той социалистической эпохи. Мишка верил не только Ленину, но также Марксу, Энгельсу, материалам партийных съездов и всему, что печатными буквами написано в книгах и газетах.

В общем, он был настоящим комсомольцем, одним из тех, кто первыми вызывались поднимать Целину, строить ДнепроГЭС и прокладывать Байкало-Амурскую магистраль. Как нетрудно догадаться, среди таких печатных тестов, которым Катков верил, были и Конституция, и Устав воинской службы.

Еще будучи студентом на гражданке, Михаил так много уделял времени классикам марксизма-ленинизма, что не успевал даже поухаживать за девушками, а иногда и как следует пообедать. Зато классиков он знал назубок. Кроме того, в университете и во многих других общественных местах стены за неимением более содержательных стендов украшались табличками «НЕ КУРИТЬ!». Мишка не курил.

По телевизору говорили: «пить вино нельзя». Мишка не пил. Преподаватели марксизма уверяли: «Бога — нет», Мишка соглашался, хоть и рисковал этим загубить свою бессмертную душу. Вот так и вышло, что на студенческих военных сборах Катков сразу выучил Устав, свято исполнял его статьи и самым серьезным образом относился к политинформации.

Учитывая все положительные качества Каткова, большая часть нашей курсантской общественности была не прочь пошутить над ним, но по существу дела относилась к Мишке, как к хорошему свойскому парню, имеющему вполне понятные причуды и, очень может быть, будущему большому человеку. В этом и состояла невидимая Мишкина слава. Ее не смогли омрачить даже два нелепых случая, существенно позабавивших всю нашу роту.

Первый случай произошел на стрельбах из пистолета Макарова. Катков внимательно вместе со всеми выслушал инструктаж майора Ароматко о том, как изготвиться к стрельбе, как целиться в мишень и как стрелять. Однако, впервые получив в руки настоящее боевое оружие офицера, впал в эйфорию гордости и, по всей видимости, вспомнил свое ковбойское прошлое. И, хоть это прошлое осталось вместе с годами, прошедшими в его родной деревне, он живо представил глаза своих друзей детства: «эх, видели бы они меня сейчас». И вспомнилось еще галдение: «чур, я — командир», «нет я», «а я комиссар», «а я тоже», «нет, я первый сказал»...

А сейчас стоит Мишка — без пяти минут офицер, держит в руке настоящий заряженный макаров. Но вот началась стрельба. Рука вытягивается до отказа вправо в направлении мишени и «бах», потом еще «бах». Но что-то там на неприличном языке орет майор. Если прислушаться, то выходит так:

— Ты что, скотина, застрелиться решил? Убирай пистолет от виска, гад, вниз его после выстрела, вниз!

Оказывается, Мишка не обратил внимания на опасность своих манипуляций с пистолетом. После каждого выстрела он расслаблялся и откидывал руку с пистолетом назад, но не вниз, как учили, а вверх, к виску, как любил представлять это когда-то в детстве. Не каждый ковбой позволил бы себе такую раскованность. Хорошо еще, что Мишка не вертел макарова на пальце и не дул после выстрела в ствол.

— Прекратить огонь! — кричал майор, подбегая к Каткову.

Но он очень быстро понял, что делать этого не стоило. Мишка еще не опустошил обойму и поэтому был чрезвычайно опасен. В здоровых его кулачищах, накаченных в деревне, пистолет и в самом деле казался игрушкой. А ну, как пальчиком неудачно шевельнет?

Катков же в это время как раз чрезвычайно удивился, с испугу прижал пистолет к животу, как обиженный ребенок, у которого хотят отнять любимую игрушку и повернулся всем телом к майору. При этом все сразу обратили внимание на то, куда при этом нацелился пистолет.

Первым, кто это понял и даже испытал смертельный ужас, был сам майор. Он все сразу осознал и интуитивно резко успокоился. Ароматко остановился, глаза его стали такими добрыми-добрыми. Взгляд майора светился такой вселенской любовью... Это был взгляд отца, пришедшего с войны и вдруг увидевшего подросткую красавицу-дочь.

— Опустит пистолетик, сынок, вниз его, ну, вниз... — ласково говорил «отец» и покачиваясь из стороны в сторону, боком пятился назад, уходя из под прицела.

— Мишка, едрена вошь! — вдруг завопил стоявший сзади от Каткова сержант Бадацкий, — ты же сейчас раньше времени застрелишь товарища майора! А у него может быть дети есть, дочери...

Бадацкий в два прыжка подскочил к Мишке и, перехватив руку с пистолетом, опустил ее вниз.

— Я тебя на гауптвахту посажу, недоносок! — ожил майор, — отстранить его от стрельбы. Двадцать лет парню, а все в детском саду, б...!

Только тут рота расслабилась, прокатив по себе неровные смешки. Большого хохота не было, не все даже поняли, что, собственно, случилось. Однако тем, кто видел, сразу стало понятно, почему солдатам никогда не доверяют пистолетов, а выдают громоздкие однозарядные карабины.

Часто карабин не заряжают, даже если рядовой стоит с ним на посту. При этом, видимо, полагают, что приклад такого ружья тоже обладает серьезной поражающей силой. А что, тоже верно.

Второй случай с Катковым произошел под самое окончание военных сборов. К тому времени мы уже свыклись с распорядком армейской жизни, полностью влившись в ее несуразную кипучую волну. Действительно, жизнь рядового не подчиняется никакой логике и непригодна для прогнозирования. Одно можно сказать точно: эта жизнь полна внезапных и разнонаправленных физических затрат организма.

Сегодня вы, скажем, выкапываете окопы, завтра таскаете ракетные ящики с севера на восток, послезавтра вы таскаете ящики с востока на север, а на третий день закапываете окопы. При этом некогда остановиться. Если близок конец работы, то вместе с ним близится и начало следующей. Перекур у солдата редок и хватает его максимум на одну сигарету. Вот почему солдата невозможно встретить в состоянии отдыха с открытыми глазами.

Солдат либо спит, либо делает что-то очень трудоемкое. Именно поэтому, если у нас, курсантов, выдавалась лишняя минутка-другая времени, мы попросту валились на траву (если она оказывалась под ногами) или на столы (если они оказывались под руками) или на что угодно другое, но сразу засыпали. Далее следовала команда сержанта — и опять пошло-поехало. Вот и выработался у нас устойчивый рефлекс: остановился — спи. Так, например, выходило на политинформации. Стоило просидеть за учебным столом три-четыре минуты и не было никакой возможности удержать глаза в открытом состоянии.

Политинформацию проводил старший лейтенант Ковригин. Единственный во всей части понимающий нас человек, он никогда не мешал нам спать в процессе получения важных политических сведений. Старлей садился на стул напротив нас, брал в руки газету и начинал монотонно читать всякие международные новости.

На спящую аудиторию он не обращал никакого внимания, а вот в окно поглядывал. Как только в нем замечалось приближение майоров Вихря или Аromatico, Ковриги командовал: «подъем, враг не дремлет!», и мы просыпались для выполнения следующей команды: «товарищи курсанты», что понимается как «встать, салаги». Получалось, что старлей попросту стоял на стреме, охраняя наш драгоценный сон. Однако, во всей этой идиллии была одна неприятная для всех аномалия под именем Миша Катков. Он сидел на самом первом столе и, мотая головой из стороны в сторону не спал, а слушал политинформацию. Мишка пытался смотреть прямо в глаза старшему лейтенанту, из-за чего тот вынужден был прятаться за газетой. Образцовый курсант выслушивал всю политинформацию до самого конца, так и ни разу не сомкнув глаз.

Мы, конечно, возмущались этим безобразным фактом и делали Каткову разнообразные замечания, призывали к дисциплине и воинскому братству. Но Мишка воспринимал политинформацию как одну из тягот армейской службы и день за днем преодолевал ее. Нам же было стыдно перед старлеем за такое поведение нашего товарища, хотя, с другой стороны, мы просто восхищались стойкостью Каткова. Но всему на этом свете бывает предел, кончилось и наше терпение. Пришлось обратиться за помощью к сержанту Бадацкому. Сашка был человеком во всех отношениях опытным и, после небольшого раздумья, дал дельный совет:

— Скомандовать спать курсанту Каткову я не имею права, но ради боевого единства, так и быть, подскажу мысль.

Бадацкий повел нас в красный уголок, то есть священную комнату, находящуюся рядом с залом для политинформации. В красном уголке стоял бюст Ленина, лежал на столе Устав КПСС и по углам, как иконы, висели коммунистические лозунги.

— Поклянитесь вот перед ним, — Сашка показал на бюст, — что никому не скажете о моем совете.

— Чтоб нам не дожить до коммунизма — поклялись мы, как один.

— Ну, что же, тогда — вот он! — Бадацкий показал пальцем на мягкий зеленый стул, стоявший за председательским столом.

— Это же просто стул — возмутились мы.

— Не просто стул, — ответил Сашка, — это стул старинный, на стеганой вате. Смотрите, какой наклон спинки, а как ножки выгнуты. Бодрствовать на таком стуле сможет только какой-нибудь Рахметнов (йог), которому для нормального сна требуется перина из гвоздей и постоянно звенящий будильник. Любой же нормальный человек, и даже не совсем нормальный, скажем, тот же Катков, почит на этом стуле в глубокую летаргию.

Мы приняли Сашкино предложение, хотя и сомневались в действенности такого примитивного решения.

— Ничего, — подбодрил нас Бадацкий, — не сомневайтесь, для верности я вашего Каткова с утра окуну в пучину марафонской дистанции, а в обед, как раз перед политзанятиями, поощрю дополнительной порцией свиной тушенки. Если после этого он не уснет, я первый поступлю к нему в вечное услужение, ибо быть ему тогда с годами никак не ниже президента Израиля.

Было не очень понятно, как это можно «окупнуть в пучину марафонской дистанции» и почему Мишку может ожидать карьера президента именно Израиля, а не какой-то более близкой страны.

— Интересно, а почему Израиля, — не удержался и спросил я, — что, для Мишки не найдется более близкой страны?

— Чудак—человек, — изумленно посмотрел на меня Бадацкий, — Израиль как раз находится на Ближнем Востоке, что же нам может быть еще ближе?

— Ну, например, Дальний Восток, — почему-то вырвалось у меня.

— Вот это логика! Дальний Восток для тебя ближе, чем Ближний Восток? Тогда тебя тоже не мешало бы окунуть в марафонскую пучину. Ладно, кончай базар. На Дальнем Востоке стран нет, а значит нет и президентов. — закончил Шура, как отрезал.

План сержанта Бадацкого пришлось принять единогласно. Мягкий и удобный стул мы перенесли в зал для политзанятий и заменили им самодельный деревянный стул с острыми углами и ребрами, который стоял за первым учебным столом и на котором всегда располагался Мишка.

Такие стулья были практически у всех нас. Угловатый и неошкуренный, стул этот, как ни повернись, давил на седока какой-нибудь всякий раз новой своей гранью. Если же забыться и провести по его боку рукой, можно было и вовсе посадить занозу.

Спать на таких стульях было крайне неудобно, причем не столько из-за острых углов, к которым мы быстро привыкли, сколько по вине сидений. Мало того, что они были до блеска ошлифованы многими солдатскими штанами, они еще и приделаны были под таким углом, который образовывал крутой скат вперед. Пять—шесть секунд сна, — и спящий слушатель сползал со стула. Регулярно приходилось подтягиваться нижней частью тела назад, что делало сиденье еще более отшлифованным и скользким. Однако, никто не жаловался, все как-то приспособлялись, а этот Катков... Впрочем, все по порядку.

На следующий день на утреннем построении сержант Бадацкий, как бы находясь не в духе, начал распекать всех нас по поводу подтянутости, и вдруг, ни с того ни с сего, придрался к Мишке, у которого всегда в обмундировании был полный ажур:

— А это что за явление? Почему ремень болтается? — вспыхнул сержант. Он подошел к Каткову, ухватился рукой за гимнастерку на животе и резко дернул ее вверх.

— О, боже! Какой большой живот! А ну втяни, не уродуй строй запасами деревенского сала. — Шура явно намекал на деревенское пристрастие Мишки к плотной пище.

Только как же можно втянуть живот, если из под ремня висит кусок вытянутой Бадацким гимнастерки. Да и в любом другом случае втянуть ничего не удалось бы, ибо в том смысле, который имел в виду сержант, живота у Каткова отродясь не бывало.

— Все, курсант Катков, придется сегодня заняться с вами устройнением фигуры, — продолжал сержант, — сегодня сразу после завтрака подойдете ко мне, потренируем несколько марафонских упражнений.

Как и следовало ожидать от Каткова, он даже возмущаться не стал: ну надо, так надо. После завтрака, Михаил получил ответственное задание преодолеть бегом дистанцию по пересеченной местности до командного

пункта и обратно, причем «уложившись в норматив». И хотя такого норматива в части не было, Мишка спорить не стал и по команде взял старт, даже не спросив про нормативное время. Он рассудил просто: «пробегу, как сумею, а с нормативом посмотрим после, это даже интересно». Он также прекрасно понимал, что его товарищ и сосед по общаге Шура Бадацкий не станет придирается к таким мелочам.

Собственно говоря, так и вышло. Основательно измотавшись, Мишка прибежал и с удовольствием узнал, что спортивный норматив им выполнен, и что даже он теперь может пойти в любой момент к командиру части майору Вихрю и получить у него значок перворядника с подтверждающими этот факт документами. Зная скромность и застенчивость Каткова, Бадацкий правильно рассчитал, что никуда его подчиненный не пойдет и никаких значков просить не станет.

Впрочем, как и было обещано, Шурка выпросил в обед для курсанта Каткова «разовое материальное вознаграждение в форме банки свиной тушенки количеством 1 шт. (одна штука)».

— На долгую память, — сказал он, протягивая Мишке тушенку, — я прослежу, чтобы ты ее съел сейчас же и полностью самостоятельно. Я должен убедиться, что поросячий жир ты правильно расходуешь своим организмом и направляешь его не в подбрюшные запасы, а в гладкую мускулатуру разнообразных конечностей.

Катков удивился, но свой спортивный приз немедленно оприходовал, стараясь направлять съеденные калории то в одну конечность, то в другую, по очереди, так сказать.

А дальше наступил долгожданный час «Х». Рота строем направилась на политзанятия, где измученного, но сытого Мишку уже поджидал мягкий и уютный стул. Эксперимент был настолько интересным, что дневальные даже раньше времени помыли в зале для политзанятий пол и капитально проветрили помещение. Все были в заботе о Каткове прямо как о грудном ребенке.

Мы вошли в помещение и по приказу старшего лейтенанта Ковригина распределились и сели по местам. Остался стоять только Катков. Он с глупым видом оглядывался вокруг себя в поисках обычного своего стула, но нигде его не находил. Возле него стояло почти кресло. Задуманный нами план грозил вот-вот сорваться, если бы не сержант Бадацкий, который тут же, опередив старлея, решительно и строго скомандовал:

— Вам что, курсант, особое приглашение, живо садись на стул! Смущенный Мишка в ту же секунду плюхнулся в прокрустово ложе.

Политинформация началась. На этот раз никто из нас не спал. Все старались не шуметь и глазели на Каткова, который сидел за первым столом, и поэтому увидеть, спит он или нет было невероятно трудно. Но эффект был необыкновенным.

В наступившей тишине, старший лейтенант стал читать газету еще тише, чем обычно. Он изредка в недоумении оглядывал нас, все более удивляясь нашему бодрствованию так, что начал произносить слова как-то глухо, почти нараспев, и как можно более монотонно. В конце концов он не выдержал, замолчал, положил газету на колени и стал вглядываться в наши лица. На его собственном лице застыло выражение: «черт возьми, что произошло?». Он переводил взгляд с одного курсанта на другого и даже поднялся, чтобы пойти по рядам, как вдруг все выяснилось.

В абсолютной тишине раздалось неуверенное, но весьма слышимое сопение. Неужели вышло? Катков спал! Мы готовы были ликовать и победно потрясая кулаками, беззвучно давились от смеха. Сразу все понял и Ковригин. Он подошел к Мишке и наклонился над ним. Мы умоляюще стали подносить пальцы к губам, дескать, «тише, товарищ старший лейтенант, пожалуйста». Ковригин улыбнулся, заговорщически подмигнул нам и снова сев на стул, тихо продолжил чтение. Катков в это время уже пригрелся на мягком стуле и сопел все увереннее и четче, а через минуту заставил старлея засмеяться вслух.

Он внезапно выпрямился, громко и сладко почавкал во сне ртом и произнес какие-то невнятные слова, закончившиеся четко различаемым «ну, погнали», захрапел... Захрапел, да как! Задрал голову назад, чтобы не падала влево и вправо он храпел смело, талантливо и самозабвенно, вкладывая в этот процесс всю истомившуюся за долгие прошедшие политзанятия душу.

— Да, так храпеть может только человек с чистой совестью, — вслух произнес старший лейтенант.

Мишка дрых. И хотя за таким храпом услышать политинформацию было невозможно, чтение газет было честно возобновлено. Тут настало и наше время отдыха, мы понемногу успокоились и тоже стали прикрывать глаза. Но настоящее веселье ждало нас впереди. Нам выпало счастье в первый и последний раз услышать как Катков не просто храпит на политзанятиях, но ругается матом.

А вышло так. Покрутившись во время сна то в одну, то в другую сторону, Мишка, видимо, стал искать подушку и..., не удержав равновесия на стуле, с шумом грохнулся на пол. И при этом не проснулся! Тут уж мы отвели душу. И хоть я не был знаком с Гомером, но по дошедшим до нас слухам этот парень смеяться умел.

Ответственно заявляю, что в переводе на децибелы, рекорд громкости для книги Гиннеса после этого случая перешел в Россию. Об этом можно было судить хотя бы по тому, что наш герой дня от этого шума проснулся, и увидев себя в непривычном месте, под столом и не сразу поняв, что к чему, необдуманно грязно выругался.

За такой проступок по Уставу полагалась гауптвахта, но за Каткова старшего лейтенанта просила и даже умоляла вся рота. Напуганный и счастливый, стоял среди нас Мишка и впервые в жизни слушал от своих товарищей о том, каким он был хорошим и незаменимым, полезным отечеству человеком. Отстоять честь Мишки удалось без труда. Так что, даже он сам вышел из зала политзанятий не только выспавшимся и посвежевшим, но и веселым, в чудесном настроении. Курсанты наперебой подбадривающе хлопали его по плечам и трепали шевелюру. В заключение подошел к Каткову и сержант Бадацкий:

— Ты не больно-то слушай, что о тебе тут наговорили. До человека коммунистического общества тебе еще перевоспитываться и перевоспитываться. Как ты только мог храпеть и ругаться матом на политзанятиях? А я ему скормил тушенку.

Но на этот раз в Шуркиных словах явно слышался беззлобный одобряющий смех. Катков даже не придал этим словам особого значения. Однако, последняя фраза Бадацкого должна была запомниться ему надолго:

— Ты, оказывается, хороший мужик, Катков, наш мужик, жаль, что в разведку ехать теперь далеко, а то бы вместе махнули, ты как думаешь?

— С превеликим удовольствием, — пошутил Мишка, — вот только живот сейчас втяну...

Он шел и улыбался. Чирикали птички, садилось за лесом солнце, заканчивался срок нашей службы, нам пора было домой, а так хотелось еще чуток послужить.

